

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1984

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2976)

28 ИЮЛЯ 1984

В Главном зале Центра управления полетами.

Р. КОРНАУШЕНКО.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ШЕСТЕРО НА

Шестеро на орбитальной станции «Салют».

(Снимок получен по телекосмической связи ТАСС.)

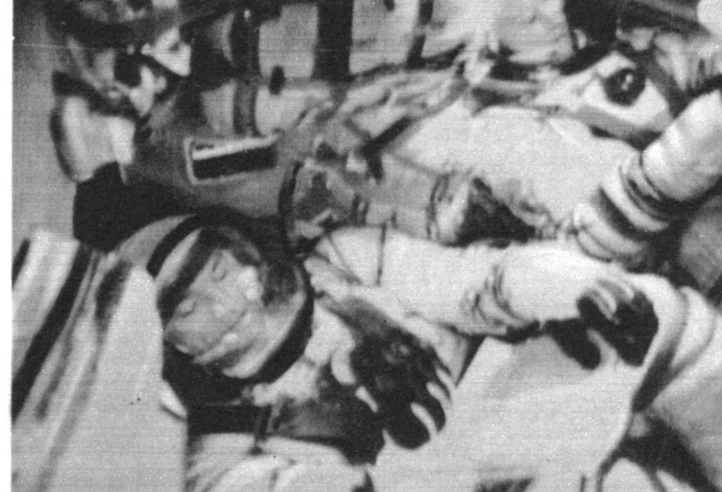
Космическая панорама в ЦУПе. От «Гагарина» до «Савицкой».

Д ПЛАНЕТОЙ

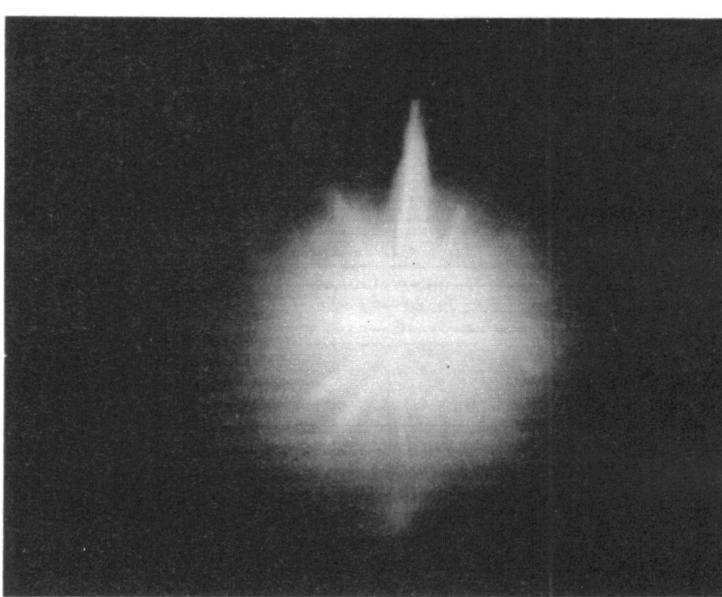
См. стр. 3.

«Памиры» в кабине перед полетом.

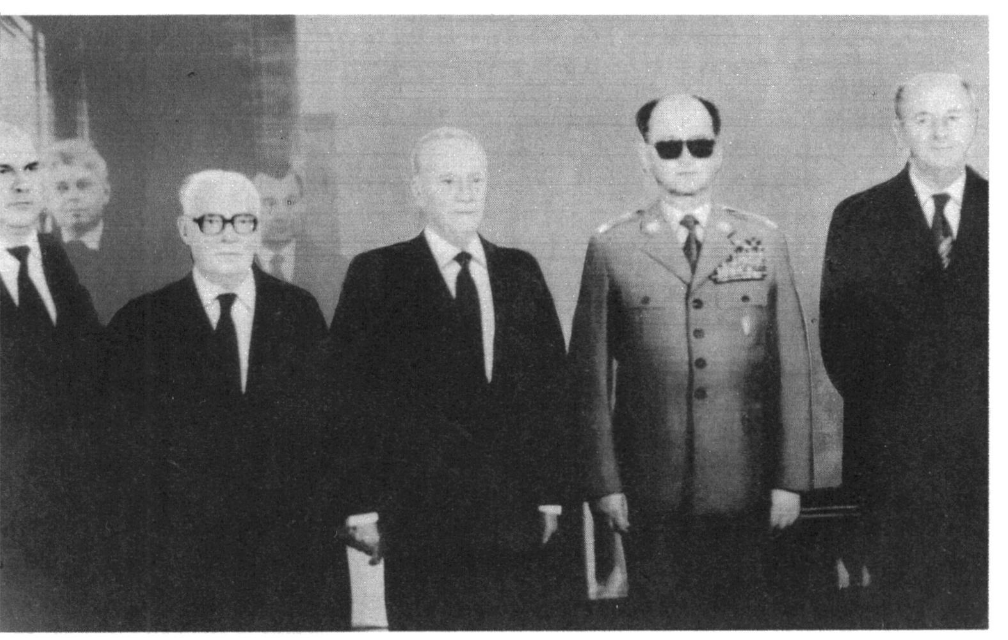

Старт!

Стыковка — самый ответственный момент.

ПРАЗДНИК ПОЛЬСКОГО НАРОДА

Во время встречи. Телефото В. Будана (ТАСС)

Во время торжественного заседания. Телефото ТАСС

По приглашению ЦК ПОРП и Совета Министров ПНР для участия в праздновании 40-летия возрождения Польши в ПНР с 20 по 23 июля находилась советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым. В составе делегации — секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н. Н. Слюньков, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Б. И. Аристов, член ЦК КПСС, посол СССР в ПНР А. Н. Аксенов, член ЦК КПСС, ткачиха Ивановского камвольного комбината имени В. И. Ленина В. Н. Голубева, маршал авиации Е. Я. Савицкий.

20 июля в Варшаве состоялась встреча В. Ярузельского с советской партийно-правительственной делегацией во главе с Н. А. Тихоновым.

На встрече с советской стороны были члены партийно-правительственной делегации, с польской — Ю. Чирек, З. Месснер, Т. Порембский, С. Ольшовский, другие официальные лица.

В. Ярузельский дал обед в честь советской партийно-правительственной делегации.

Встреча прошла в теплой, товарищеской обстановке.

21 июля в Варшаве состоялось торжественное заседание сейма Польской Народной Республики, посвященное 40-летию возрождения Польши.

В зале собрались депутаты сейма, члены ЦК Польской объединенной рабочей партии, руководители Объединенной крестьянской партии и Демократической партии, члены правительства, ветераны революционной борьбы, представители общественных организаций, передовики труда, зарубежные гости.

Участники заседания продолжительными аплодисментами встретили Первого секретаря ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР В. Ярузельского, других руководителей страны, советскую партийно-правительственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, делегации других братских социалистических стран.

С докладом выступил В. Ярузельский.

Тепло встреченный присутствующими на заседании от имени делегаций братских социалистических стран выступил Н. А. Тихонов.

22 июля состоялась встреча Первого секретаря ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР В. Ярузельского с главами делегаций братских стран, прибывших на празднование 40-летия народной Польши.

Состоялась теплая, дружеская беседа. В. Ярузельский подчеркнул значение, которое Польша всегда придавала и придает развитию дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, другими государствами социалистического содружества. Н. А. Тихонов, главы других делегаций передали В. Ярузельскому и в его лице руководству ПОРП, польскому правительству, всем польским трудящимся сердечные поздравления по случаю этого знаменательного юбилея народной Польши.

23 июля советская партийно-правительственная делегация возвратилась в Москву.

ПОДВИГ РАТНЫЙ И ТРУДОВОЙ

За заслуги трудящихся города в годы Великой Отечественной войны и успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, город Северодвинск удостоен ордена Ленина.

20 июля в новом здании драматического театра, возведенном на берегу Белого моря, состоялось торжественное заседание городского комитета партии и горисполкома совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, трудовых коллективов города, ветеранов войны и труда, посвященное вручению высшей государственной награды.

На заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР он сердечно поздравил участников торжественного заседания, всех жителей Северодвинска с наградой и передал им коммунистический привет и горячие поздравления, пожелания новых трудовых успехов, благополучия и счастья от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

Северодвинск, отметил оратор, по сравнению с другими поморскими городами Беломорья совсем молод. Но, несмотря на это, его сыны и дочери вписали немало славных страниц в героическую летопись Родины.

Они мужественно сражались в рядах армии и флота, не щадя себя трудились для фронта — у станков, на причалах, в море. Сегодняшний Северодвинск — высокоразвитый индустриальный центр. Город прославленных корабелов, он намного перерос прежние границы, стал красивым, современным, удобным для труда и жизни.

Затем Д. Ф. Устинов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города Северодвинска орденом Ленина и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

Участники торжественного заседания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время награждения.

Фото Н. Малышева и С. Губского (ТАСС)

Значительно лучше, чем в первые шесть месяцев минувшего года, работают труженики важнейших отраслей — черной и цветной металлургии. Десятки тысяч тонн чугуна, стали и проката сверх плана отправил потребителям коллектив Карагандинского металлургического комбината, решивший досрочно выполнить задания четвертого года пятилетки.

Идет металл казахстанской Магнитки. Фото В. Петухова (ТАСС)

РИТМ ПЯТИЛЕТКИ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР «Об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в первом полугодии 1984 года».

В первом полугодии текущего года достигнут дальнейший рост общественного производства и его эффективности. Повысилось благосостояние советских людей.

Продукция промышленности возросла в сопоставлении с первым полугодием 1983 года на 16,6 миллиарда рублей.

Ввод в действие основных фондов за счет государственных капитальных вложений увеличился более чем на 3 миллиарда рублей.

Росту эффективности производства способствовало социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение заданий 1984 года, за сверхплановое повышение производительности труда на 1 процент и снижение себестоимости дополнительно на 0,5 процента. Увеличение объема продукции и работ получено, главным образом, за счет роста производительности труда.

Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве достигла 185 рублей против 181 рубля в первом полугодии 1983 года.

Оплата труда колхозников повысилась на 8 процентов.

Население получило из общественных фондов потребления выплат и льгот на сумму 67 миллиардов рублей, или на 2,7 миллиарда рублей больше, чем в первом полугодии прошлого года. С учетом этих выплат и льгот заработная плата рабочих и служащих составила 255 рублей в месяц.

Продолжалось осуществление мероприятий по повышению народного благосостояния.

Численность населения Советского Союза на 1 июля 1984 года составила 275 миллионов человек.

См. стр. 1.

ШЕСТЕРО НАД ПЛАНЕТОЙ

Населенность космоса увеличилась вдвое. На станцию «Салют-7», где уже полгода работают «Маяки»: Леонид Кизим, Владимир Соловьев и Олег Атьков,— пришел экипаж «Памиров». Свидание состоялось в полночь с 18 на 19 июля.

— Никаких отклонений от программы,— сказал после стыковки на орбите заместитель руководителя полетами Виктор Благов.— Вот разве что муха, не подопытная дрозофила, подруга дней суровых многих космонавтов, а обычная любопытная байконурская муха, пробралась в корабль и жужжит сейчас там. А так старт, выведение, стыковка — все прошло без замечаний. В процессе сближения провели эксперимент, установили телемост между кораблем и станцией. Экипаж «Маяков», так же, как и мы с вами здесь, в Центре управления полетами, видел свою станцию сквозь колонки цифр бортовой машины корабля «Союз Т-12».

В том, что «полет пройдет штатно», никто не сомневался. Ведь в командирском кресле экипажа — Владимир Джанибеков. Это само по себе словно Знак качества.

В январе 1978 года стартовал он впервые. Стройный, глаза яркие, синие, пожалуй, самый красивый из мужской половины Звездного и... самый немногословный.

Сегодня — четвертый его полет, как говорится, зачастил в космос. И чуть ссутулились плечи, седой стала голова, и в глазах не синева поражает, как было недавно, а усталость. «Чем дальше работаю,— поделился он,— тем труднее готовиться к последующим полетам. И дело не в том, что растут требования, а в том, что работы в космосе прибавляется. Работы очень тонкой, ответственной, которая требует максимальной отдачи при подготовке, чтобы надежно выполнить ее на борту».

А еще были в эти годы выставки картин Джанибекова. Вышла книга «Сын Земли», посвященная Юрию Гагарину. Удивительные иллюстрации к ней — одухотворенные, певучие и нежные — сделал сам автор текста.

На борт «Салюта» он привез дорогие подарки. Кизиму, например, видеорассказ о самых первых днях юной жительницы звездного — Татьяны Леонидовны Кизим...

...В левом от командира кресле — Светлана Савицкая. Три парашютных и пятнадцать авиационных мировых рекордов — вот ее «визитная карточка». И в космосе уже была — спустя девятнадцать лет после «Чайки» — Валентины Терешковой. Только тогда она занимала правое кресло — космонавта-исследователя. Это не просто переход из одного кресла в другое, это новое качество ее работы. «Союз-Т» некоторые называют машиной бортинженера. Практически все основные системы работы с бортовым вычислительным комплексом выведены к бортинженеру.

— Когда я готовилась к прошлому полету, я не ограничивала свою деятельность функциями космонавта-исследователя, хотя это было бы и легче,— рассказывала Савицкая перед стартом.— Я старалась постичь машину в целом. А если знаешь технику, имеешь операторские навыки, тогда переход от одних функций к другим проходит органично.

— А эмоции? — спросила я.

— Никаких эмоций,— отрезала она в ответ.

Однако, надо думать, здесь Светлана слукавила. Пульс на старте все же у нее подскочил — 120 ударов в минуту. Для сравнения скажем, что у Игоря Волка — 56. Женщина женщиной остается всегда, более эмоциональной, более тонко чувствующей.

С того полета Савицкая ничуть не изменилась внешне, та же прямая челка, а сзади волосы стянуты резиночкой. Один из руководителей подготовки недавно рассказывал, как долго девочки из обслуживающего персонала уговаривали ее сменить «стиль»: косметику навести, прическу сделать. Ведь хорошенькая, знаменитая. Не послушалась.

В Светлане все наносное звучит фальшивой нотой. Ее стиль — благородная простота и естественность во всем. И никаких игр с журналистами на тему «подробно о жизни». Ее личная жизнь — это ее жизнь. Вот о работе, пожалуйста,— никаких секретов. Хотя и тут лучше не говорить, лучше делать.

Работает она легко, красиво. По-женски плавным движением ведет диалог с машиной, включает и переключает тумблеры и кнопочки. Чуткими пальцами вслепую заряжает кассеты, точно и уверенно вводит иглу в ампулу.

Приехала я однажды в Звездный, вошла в гидробассейн, а из всех динамиков смех — девчоночий, с захлебом. Запуталась Светлана в шлангах в воде на подступе к станции и хохочет. И не тяжел ей тяжеленный скафандр.

На одной из встреч журналисты решили ее все-таки разговорить. «Испытывает ли она страх?» «Это непрофессиональный разговор,— услышали в ответ.— Бывает ощущение опасности в случае какого-то отказа. Но тут свои действия строишь в зависимости от обстановки». «Да,— поддержал ее Игорь Волк.— Света права. Если страх, хоть чуть-чуть,— это уже не испытатель».

Игорь Волк из своих 47 лет больше 27 летает, причем 20 лет — испытатель. Для космоса он новичок, но в авиации имя его широко известно. Внешне удивительно мягкий, спокойный. Среднего роста, плотный, рыжий. Черты лица вроде бы и неволевые. И в то же время от него исходит ощущение какой-то внутренней силы, мощного света. Будто где-то внутри спрятано солнце. Когда он, смущаясь, рассказывает о себе,— оно вдруг вспыхивает на щеках, так неожиданно для взрослого мужчины.

Про стойкость его характера расскажу такой факт. Ни разу он не катапультировался, хотя, бывало, и приказывали. Не катапультировался — значит, привозил все отказы, дефекты машины на землю, помогал непонятное конструкторам сделать понятным. А ведь пять тысяч часов в небе. Чего только не случалось! На старте слетела резина с колес, сел на голых барабанах шасси. По мнению специалистов, такое просто невозможно. Горел в самолете. И не раз. Однажды спасло, как он объясняет, обоняние. Проверил машину на устойчивость управления и возвращался на аэродром. В кабине множество запахов, вдруг выделился один. Не гари, нет, но очень ему «не показался». Стал садиться сразу, где был. И почти у самой полосы лавиной пошли отказы буквально всех систем машины. Сел, оглянулся, а сзади, в хвосте,— огонь. Хорошо, вмиг пожарные подоспели.

Когда Волк рассказывает о себе, часто говорит: «Случайно». Случайно стал летчиком, случайно, когда приехал в Москву в отпуск, стал испытателем. А то, что между этими двумя вехами за десять лет пришло к нему мастерство, считает вроде бы обязательной программой, как то, что заочно окончил Московский авиационный институт.

«Для меня огромная радость — присутствие Игоря Петровича в экипаже,— рассказал перед стартом Джанибеков.— Этот человек представляет когорту самых грамотных и мужественных людей в авиации. Наша страна ему и его друзьям-испытателям обязана тем, что в небе десятки новейших машин. А теперь уже и космос его».

Да, там, в космосе, идет сейчас напряженная работа. На одном из сеансов связи Земля предложила космонавтам для обсуждения экспериментов специалистов самого высокого класса. Никогда еще в столь коротком полете не ставилось сразу так много разнообразных и интересных опытов. Каждый из космонавтов обсуждал свое дело. Савицкая советовалась о качестве раствора установки «Таврия». Кизим — об эксперименте «Цитоз». Джанибеков с помощью Соловьева по заказу нефтегазовой промышленности ведет подготовку поиска на орбите новых составов тампонажного раствора. А Волк уплыл в корабль — ставить аппаратуру для еще одного нового эксперимента.

В конце сеанса Земля попросила:

— Сейчас, кто посвободнее, возьмите форму четырнадцать, сверим план на завтра.

В эфире вдруг повисла тишина. Абсолютная тишина, так, словно корабль уже ушел из зоны видимости. Шла минута, другая, потом раздался голос Владимира Соловьева.

— Послушайте, а нельзя ли попозже, к вечеру, сверить. Сейчас такая работа у всех пошла!

РАНЕВСКАЯ Фаина Григорьевна

Советское искусство понесло тяжелую утрату. На 88-м году жизни скончалась Фаина Григорьевна Раневская, выдающаяся советская актриса театра и кино, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР.

Ф. Г. Раневская родилась в 1896 году в г. Таганроге. Около 70 лет жизни она отдала творческой работе, из них более четверти века — Академическому театру имени Моссовета.

Ушла из жизни актриса, внесшая большой вклад в развитие театрального и киноискусства. Талантливый, многогранный художник Ф. Г. Раневская создала в театре замечательные сценические образы в спектаклях: «Васса Железнова» М. Горького, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Последняя жертва» А. Островского. В историю отечественного кинематографа вошли такие фильмы с ее участием, как «Мечта», «Подкидыш», «Весна» и другие.

Творчество Ф. Г. Раневской снискало любовь и признание многочисленных зрителей. Ее актерские работы отмечены блестящим мастерством, жизненной правдой, точностью социальных характеристик. Искусству Ф. Г. Раневской, глубоко реалистическому по природе, были присущи высокая гражданственность, оптимизм, вера в человека.

Богатый сценический и жизненный опыт Ф. Г. Раневская щедро передавала молодежи. Своим вдохновенным трудом она оказала значительное влияние на формирование советской актерской школы.

Родина высоко оценила заслуги Ф. Г. Раневской, наградив ее орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», трижды ей присуждалась Государственная премия СССР.

Ф. Г. Раневская, выдающаяся советская актриса, верная дочь социалистической Родины, останется в нашей памяти.

Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, В. Ф. Промыслов, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, Л. А. Кулиджанов, Е. М. Чехарин, А. М. Роганов, В. П. Трушин, Ю. Я. Барабаш, Ю. К. Борисова, Е. И. Габрилович, А. А. Гончаров, О. Н. Ефремов, Е. В. Зайцев, Л. И. Касаткина, Л. Ф. Лосев, Ю. С. Мелентьев, М. В. Пашков, Т. И. Пельтцер, Р. Я. Плятт, Е. Р. Симонов, А. И. Степанова, Г. А. Товстоногов, З. П. Туманова, Л. В. Шапошникова, М. И. Царев, С. И. Юткевич.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РИТОРИКА И ПОЛИТИКА

Владимир НИКОЛАЕВ

Известный американский политический деятель, бывший вице-президент США Уолтер Мондейл стал кандидатом в президенты от демократической партии. Так решил съезд партии в Сан-Франциско.

С чем идут на выборы демократы? В принятой ими избирательной программе они отрицательно оценивают плоды правления нынешней американской администрации. Отмечается, что так называемая «налоговая реформа» Рейгана сделала богатых еще богаче, а бедных — беднее. Это уже общеизвестно. Политика, получившая название «рейганомики», легла тяжким бременем на плечи миллионов американцев. Невиданный в истории страны дефицит федерального бюджета США грозит катастрофическими последствиями для экономики. 8,5 миллиона американцев не имеют работы, причем почти половина всех молодых людей с небелым цветом кожи — безработные. В то же время администрация Рейгана сделала крупные поблажки монополиям, сократила социальные программы, повела наступление на права профсоюзов.

Со своей стороны, демократы в весьма расплывчатой форме сообщают о собственных планах оздоровления американской экономики. Они произносят общие положения, громкие слова, обещают «политику экономического роста, процветания, обеспечения работой, справедливости». Стоит при этом вспомнить, что делегаты от промышленных рабочих составляли на съезде в Сан-Франциско всего три процента.

В области внешней политики демократы также критикуют действия нынешней администрации, осуждают «погоню за призраком военного превосходства». Как известно, за годы правления Рейгана военные ассигнования в США увеличились в два раза. В избирательной программе демократов отмечается, что президент лично виновен в том, что советско-американские отношения достигли опасной точки. Отрицательно оценивается в той же программе и политика республиканцев в Центральной Америке и на Ближнем Востоке, она характеризуется как безрассудная, предпочитающая дипломатии силу, грозящая военными конфликтами.

Выступая на съезде в Сан-Франциско, видный негритянский лидер Дж. Джексон сказал, что надо, пока не поздно, договориться о сосуществовании с Советским Союзом. Губернатор штата Нью-Йорк М. Куомо заявил с трибуны съезда, что Рейган затеял бешеную гонку вооружений, навязал стране невиданный военный бюджет, прикрывает демагогией фактическую поддержку фашистских режимов.

В случае победы на выборах демократы обещают предпринять ряд мер по улучшению отношений между США и СССР и ограничению гонки вооружений, в том числе они предложат провести советско-американскую встречу на высшем уровне, собираются объявить «временный контролируемый и взаимный мораторий» на подземные испытания ядерного оружия, на испытания противоспутникового оружия, на размещение оружия в космосе. Демократы обещают также начать переговоры по взаимному замораживанию ядерных вооружений, предложить сенату ратифицировать Договор ОСВ-2 и ряд других не ратифицированных Соединенными Штатами соглашений. Но надо отметить, что в программе демократов нашли отражение и клеветнические измышления буржуазной пропаганды в адрес нашей страны, в том числе и затасканный фальшивый тезис о «советской угрозе». Это можно объяснить влиянием на демократическую партию реакционных сил, связанных с военно-промышленным комплексом и с сионистскими кругами.

Заметным событием на съезде в Сан-Франциско было выдвижение женщины — члена американского конгресса Джеральдин Ферраро кандидатом в вице-президенты США. Такого история Америки еще не знала! Обозреватели отмечают, что тем самым Мондейл может обеспечить себе голоса многих избирательниц. Это соображение не лишено оснований. Ведь до сих пор женщина в Соединенных Штатах — человек второго сорта. Сущность несправедливого капиталистического строя проявляется и в отношении к большей (и, как принято говорить, прекрасной) половине населения США. Как известно, в американской конституции ничего не записано о равноправии женщин и мужчин. Женщины Америки долго и упорно ведут борьбу за то, чтобы в конституции было провозглашено их равенство в правах с мужчинами. И вот именно во время правления Рейгана это их справедливое требование в который раз было отвергнуто.

Можно много говорить о том, как проявляется в США дискриминация женщин. Например, при равном труде и одинаковой квалификации американки получают в среднем 59 процентов зарплаты мужчин. Такое положение касается официанток и адвокатов, журналистов и медицинских сестер, работников торговли и учителей и т. п По давней американской традиции женщин последними нанимают на работу и первыми увольняют. Ко всему этому в США существуют сотни законоположений, дискриминирующих женщин. В то же время они сегодня составляют 43 процента всех трудящихся страны. Можно себе представить, как наживаются предприниматели на их дискриминации (хотя бы в оплате труда)! Единственная сфера деятельности, где женщина официально уравнена в правах с мужчинами,— это... военная служба. Американок берут во все рода войск, принимают в военные училища и академии. Сегодня женщины составляют уже 10 процентов американских вооруженных сил. Прямо скажем, сомнительное равноправие!

Итак, в день выборов, 6 ноября, американским избирателям предстоит решить, кто станет хозяином Белого дома на следующее четырехлетие — Мондейл или Рейган. Последний, как известно, выдвинул свою кандидатуру на второй срок. Это его решение будет подтверждено на предстоящем съезде республиканской партии. Несомненно, что до дня выборов Рейган и Мондейл произнесут еще немало общих слов в защиту мира, но упражнения в красноречии во время избирательной кампании, особенно на ее финише, и практические дела — это разные вещи. Миру нужна не риторика, а политика, направленная на смягчение международной напряженности и прекращение гонки вооружений.

26 ИЮЛЯ — ПАМЯТНАЯ ДАТА В ИСТОРИИ КУБЫ. ДЕНЬ ШТУРМА КАЗАРМЫ МОНКАДА СТАЛ ДНЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ.

ИЗ ГАВАНЫ В НОВОСИБИРСК

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»

Константин Николаевич Зандин живет в Новосибирске. Его хорошо знают посланцы острова Свободы, обучающиеся в вузах города.

...В конце 1961 года к отходу из гаванского порта готовился советский лайнер «Грузия». Рейс предстоял не совсем обычный: около тысячи молодых кубинцев отправлялись на учебу в Советский Союз и в другие социалистические страны. Подготовкой к отъезду занимались советское представительство морского флота на Кубе и Министерство национальной промышленности молодой республики, которым руководил Че Гевара. Его советником по подготовке национальных кадров был советский специалист по профессионально-техническому образованию Константин Николаевич Зандин.

Уже в полной темноте «Грузия», украшенная гирляндами цветов, при полных огнях под звуки национального гимна вышла из гаванского порта и взяла курс на восток.

Кубинцы, студенты Новосибирского электротехнического института, затаив дыхание слушают Константина Николаевича.

Воспользовавшись паузой, я задал ребятам традиционный вопрос:

— Нравится вам у нас?

— Когда мы узнали, что едем учиться в Новосибирск, то сразу побежали в кино!— говорит Мануэль Вальдес с факультета автоматики и вычислительной техники.— В Гаване как раз показывали «Сибириаду». Фильм очень понравился. Сибирь оказалась и такой и не такой. Но все равно — прекрасной. Как прекрасны люди и институт, где мы учимся.

По скромности Мануэль умолчал о том, как они учатся. А учатся кубинцы, сказали мне в институте, только на «отлично». Серьезно, с большой ответственностью. И принимают самое активное участие в работе Новосибирского отделения Общества советско-кубинской дружбы.

— Когда я уезжал сюда, мой отец сказал: не может быть, чтобы ты был в Союзе и не прочитал «Войну и мир» в подлиннике.

— Ну и как, осилил?

Мануэль смущенно улыбается:

— Пока нет.

— Прочитает,— вмешалась в разговор Галина Петровна Кашкорова, преподаватель кафедры русского языка. — Он уже Думбадзе прочитал, Айтматова...

Если Мануэль свободное время предпочитает отдавать чтению, то Рубэн Кондэ — театрал. Он побывал почти на всех спектаклях в Новосибирском театре оперы и балета. Леонель Чурчман — спортсмен. Кстати сказать, у кубинцев, обучающихся в вузах сибирского города, есть своя баскетбольная команда, Леонель в ней один из основных игроков.

Ребята рассказывают о том, что скоро у них начинается производственная практика, к которой они готовятся очень серьезно и основательно. А Константин Николаевич как активист Новосибирского отделения Общества советско-кубинской дружбы переходит к своим «служебным обязанностям»: передает просьбу ребят из городского профессионально-технического училища № 6. Они просят кубинских студентов приехать к ним на вечер, посвященный их родине.

— Только с одним условием: без гитары не приезжать!

Ребята понимающе улыбаются. Они знают, как популярны здесь кубинские песни.

А у Галины Петровны свои заботы: экзамены, зачеты. Правда, особого повода для переживаний нет.

— У такого преподавателя, как наша Галина Петровна, нельзя плохо учиться,— говорят ее подопечные.— Вы представляете, она сумела даже родительское собрание провести!

— Как же это?

Оказывается, недавно по туристической путевке Галина Петровна побывала на Кубе. И встретилась с родителями своих студентов. Рассказала, как учатся, отдыхают их дети, ответила на самые разные вопросы.

— Представляю, как нелегко было нашей учительнице! — шутит Мануэль. — Я вот, когда на каникулы приехал, начал рассказывать, какие нам лекции читают. «Да что мне твои лекции,— перебивает бабушка,— скажи, как вас кормят, не холодно ли?» Потом разговор с отцом. Начинаю с того, что в институте хорошая столовая. «Да при чем тут столовая,— сердится отец,— как учеба идет?» Ну, а маму я уж сам спросил, о чем рассказывать.

— И про десятое октября рассказал? — перебивают однокурсники.

— А как же!

Десятое октября в истории этой группы дата хоть и не торжественная, но памятная. В тот день оказались сорванными занятия по русскому языку. Окна в аудитории были открыты, ребята лежали на подоконниках и кричали от восторга — на улице шел первый снег. Первый снег, который они видели в своей жизни.

— И я вместе с ними, — смущается Галина Петровна,— как будто ни разу не видела.

С особым волнением слушал я кубинских ребят и думал о том, как далеко шагнула революционная Куба за четверть века своей истории. О таком поколении мечтали Фидель Кастро и его соратники по революционной борьбе.

У самовара новосибирские кубинцы. **Фото С. Юртаева**

МЫ УЧИМ РУССКИЙ

«Дружба народов начинается с отдельных людей. Если каждый человек будет больше знать о других народах, то войны не будет. Поэтому изучать русский язык — значит бороться за мир...» Эти строки написала в своем сочинении западногерманская гимназистка Кристина Кист. В том, что одного мнения с Кристиной все 290 мальчиков и девочек из 44 стран мира, приехавшие в Москву на V Международную олимпиаду школьников по русскому языку, мне пришлось убедиться на заключительном вечере-концерте олимпиады. Дети взялись за руки, повели гигантский хоровод и запели «Пусть всегда будет солнце!».

В советскую столицу их всех привела любовь к языку Пушкина и Лермонтова, Достоевского и Толстого, Горького и Шолохова. Юное поколение — только часть того полмиллиарда жителей планеты Земля, которые в разной степени владеют русским. Сейчас уже трудно назвать страну, где он не входил бы в национальную систему просвещения и высшего образования. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) недавно опубликовала интересные данные: различными формами серьезного обучения русскому языку в мире охвачено более двадцати миллионов человек.

...Улица Волгина на юго-западе столицы. Здесь в светлых и просторных корпусах Института русского языка имени А. С. Пушкина десять дней продолжался детский праздник — олимпиада. С утра — экзамены по страноведению, чтению и переводу, разговорной речи. Преподаватели и ученики беседовали друг с другом только по-русски. После обеда — увлекательные экскурсии по музеям Москвы, поездка в Звездный городок к космонавтам, встреча с советскими школьниками в подмосковном пионерлагере, театральные спектакли, вечера дружбы и многое, многое другое.

— В текущем учебном году около шести миллионов зарубежных школьников оспаривали право приехать на олимпиаду в Москву, участвуя в различных национальных состязаниях в знании русского языка,— рассказал директор института В. Г. Костомаров.— Проведение таких конкурсов стало доброй традицией во многих странах. У школьников ГДР уже двадцатилетняя традиция олимпиады по русскому языку, в Польше она прошла в пятнадцатый раз, во Франции — в шестой.

У школьницы из Ханоя Нгуен Тху Нга я спросил, что дает ей изучение языка Страны Советов.

— Теперь я читаю в подлиннике Есенина и Маяковского,— ответила Нгуен.— Кроме того, переписываюсь с друзьями из социалистических стран. Для меня нет сомнений в выборе профессии после школы — только языковедение, русская филология.

Янне Хуутханен из Хельсинки будущим летом подаст документы на торгово-экономический факультет университета и в будущем мечтает работать в фирме, имеющей тесные контакты с Советским Союзом. Русскую песенную культуру намерена изучать Барбара Козубиньска из польского города Вроцлав. Одиннадцатилетний школьник из Дели Саураб Наранг — самый маленький участник московской олимпиады — хотел бы полететь в космос, как индийский космонавт Ракеш Шарма...

Олимпиада позади. Новая встреча состоится через три года. Ребята уезжали из Москвы с искренней убежденностью, что ничто не должно омрачать их дружбу.

В. МИШИН

А. БОГОСЛОВСКАЯ

Фото М. САВИНА

Юрий Лебедев — мастер утюжки.

Московская швейная фабрика имени Клары Цеткин. Победителям социалистического соревнования комсомольцам 3-го цеха вручают Красное знамя.

ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

Наставница и ученица: бригадир швей-мотористок Н. П. Чуева и Любовь Данилова.

После Великой Отечественной родилось и выросло не одно поколение, однако события сорокалетней давности остаются для нас близкими, будто только что пережитыми. И долго еще не уйдет война в область преданий: слишком дорого стоила она нашему народу...

Недавно несколько московских предприятий обратились ко всем рабочим страны с призывом: в честь сорокалетия Победы отработать сорок ударных недель. Среди инициаторов почина опытно-техническая фабрика имени Клары Цеткин. 22 июня коллектив предприятия на партийно-хозяйственном активе принял дополнительные социалистические обязательства: повысить производительность труда на один процент по сравнению с плановой. Реализовать продукции сверх плана на 500 тысяч рублей. За сорок ударных недель выпустить на восемьсот мужских пальто больше задания. Довести удельный вес продукции с государственным Знаком качества и индексом Н (новинка) до 42,5 процента. 131 человек обязался выполнить план пятилетки к 67-й годовщине Великого Октября, а 376 человек завершат к этой дате личные годовые планы.

Инициатива москвичей становится всенародной. И сегодня мы рассказываем о том, как идут дела у зачинателей почина на фабрике имени Клары Цеткин.

Ирина Филонова из 8-го цеха заняла второе место в фабричном конкурсе молодых мастеров.

В ЛУГАХ НА АМУРЕ

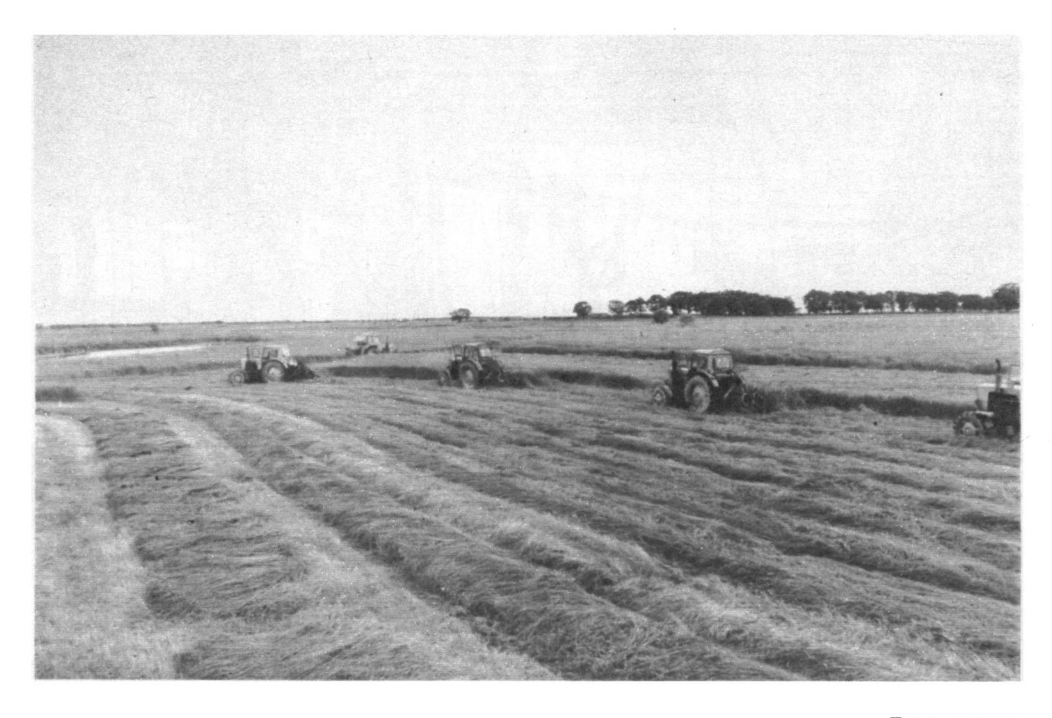

Фото автора.

Моторная лодка, целый час колотившая днищем крутую амурскую волну, ткнулась носом в мягкий зеленый берег, и мы поднялись на яр. Здесь лагерь косарей, тружеников июльской страды.

В травах тонули два ярких, синего цвета трактора, красные косилки, копнители, пресс-подборщики, тракторные грабли, волокуши. Самый пожилой косарь, бригадир Петр Харитонович Китай, оказался городским человеком, с рождения живет в Хабаровске.

— В прошлом году,— говорит он,— работали с нами несколько совхозных механизаторов, а нынче наши заводские полностью освоили технику.

Городские предприятия без оглядки на выгоду, бескорыстно дают селу технику, посылают своих рабочих на полевые работы. Хабаровский завод энергетического машиностроения давно шефствует над совхозом «Дружба». И его работники ежегодно заготавливают тысячи тонн сена. Названная цифра говорит сама за себя. Когда-то она тяжелым бременем ложилась на плечи заводчан. Сотни людей выезжали в пору зеленой страды на помощь совхозу. Но не было желаемых результатов, много при этом терял завод, мало приобретал совхоз.

Тогда горожане взяли заготовку сена полностью на себя. Создали бригаду косарей. Технолог А. М. Лурье возглавил группу, которой вменили в обязанность подготовку техники к сезону уборки трав. Теперь у завода почти три тысячи гектаров приамурских лугов. За ними нужен уход. Зимой вывозят удобрения на луга, «лечат» дороги и мосты. Весной и осенью выжигают старую траву. Зато в страду на заготовку сена завод посылает всего лишь сорок человек. Их снимают с заводского финансового «довольствия», а платят заготовителям за тонну сена. И вот не первый год дело делается так, что горожане летом хорошо зарабатывают, совхозный скот получает в достатке корма, а заводу немалая экономия. И честь, конечно.

В этом году бригада П. Х. Китая обязуется сдать совхозу более трех тысяч тонн прессованного и заскирдованного сена. Пожалуй, в Хабаровском крае не найдется коллектива, который мог бы соперничать с энергомашевцами.

— Вообще-то наша дневная норма — сто пятьдесят тонн,— заметил Петр Харитонович.— В прошлом году в иной день делали и по двести.

— А если опять дождь?

— В такие дни хитрим. Механик наш Александр Николаевич Горланов вместе с Юрием Дмитриевичем Нелюбиным сообразили на базе старенького подборщика специальную машину. «ГН-84» называют ее ребята, марку придумали по фамилиям авторов. Наша хитрая машина будет уплотнять сено в огромной корзине, которая на колесах следует за подборщиком, а готовую, полученную на ходу скирду будем доставлять в место хранения. Тут возможны и тридцать процентов влажности! Сейчас авторы готовятся к дебюту...

Пока мы говорили, к навесу подошел второй трактор, появились и косилки. Тракторы с косилками повел вдоль протоки Анатолий Куксов. Опытный слесарь, опытный косарь. А рядом ловко управлялся с механическими граблями самый молодой член бригады Валерий Вакуленко. Навес на косогоре постепенно заполнялся тюками с прессованным сеном...

Владимир КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька».

Коль речь заходит о швейном производстве, непременно вспоминаешь треск машинки — старой, бабушкиной, видавшей виды, что стоит у нас в углу с незапамятных времен.

И, может, это наивно, но я удивилась, что в третьем цехе фабрики, где шьют мужские демисезонные пальто, почти тихо. Рабочие столы отстоят друг от друга примерно на метр. С правой стороны к каждому пристроена полка, где дожидаются своей очереди детали. А немного впереди стола — передвижная корзиночка, похожая на универсамовские, только более широкая и плоская. Сюда складывают готовую продукцию. Ну что, кажется, особенного? Полочка, корзиночка... Ан нет, таким образом организованное, или, как говорят на фабрике, агрегатированное, рабочее место помогает беречь драгоценные минуты, из которых, как известно, складываются часы...

— Повышенные обязательства, которые мы взяли в честь сорокалетия Победы, требуют и умения и старания,— рассказывает секретарь партийной организации фабрики Т. С. Долоберидзе.— Хотя, думается, уж к этой-то вахте никто не останется равнодушным. И молодежь и те, кто войну на себе испытал. Вот, скажем, Зинаида Александровна Латышева из экспериментального, она к нам еще в сорок втором подростком пришла...

И я поговорила с Зинаидой Александровной о том далеком, о военном. Вот какой он был, первый Зинин рабочий день. На фабричный двор въехал фронтовой грузовик. Шофер выпрыгнул из кабины, простуженным, надсадным голосом кричит: «Ну, бабоньки, разгружай!» Из кузова полетели темные свертки. Когда Зина подошла поближе к выраставшему на глазах серому холму, поняла: темные, бесформенные свертки — это же солдатские шинели! Их привезли с фронта на починку. Грязные, с бурыми пятнами крови, с комочками налипшей земли, с дырками от пуль, с обгоревшими рукавами... Зинин цех тогда и занимался починкой. Иголка быстро скользит в руках девочки. Раз — стежок, два — стежок, вот и не стало дырок. А сюда подошьем кусочек ткани, аккуратно, незаметно — теперь солдату и в голову не придет, что шинель его уже побывала в деле. Пусть она его согреет, и пусть побьет он в ней фашистов и с победой придет домой...

В филиале экспериментального цеха работают четыре подруги: З. А. Латышева, та самая маленькая Зина военной поры, Л. Н. Федоткина, М. И. Гордюхина, В. А. Васина. Их судьбы во многом схожи, ибо все они пережили «что-то очень большое и страшное, на штыках принесенное временем».

— Сейчас мы все бабушки,— улыбнулась Зинаида Александровна,— и ради счастья своих внуков всем сердцем принимаем новый трудовой почин.

Из филиала экспериментального идем в центральную фабричную лабораторию. Ведь чтобы получить представление о работе современной швейной фабрики, лучше всего познакомиться с коллекцией готовых моделей. Здесь вещи на любой вкус: классические двубортные пальто, короткие спортивные куртки на искусственном меху, полупальто из плащевки. Красиво, модно, современно. Однако любая швейная фабрика — только звено в цепи производства легкой промышленности. Поэтому приходится считаться с тем, что могут предложить поставщики. «И, конечно, нередки случаи, когда художник ой-ой-ой как поломает голову, прежде чем сумеет подобрать нужные сочетания фасона, ткани и отделки»,— говорит Анна Петровна Борунова, старший художник ЦФЛ. И все же удачные решения почти всегда находятся. Недаром много лет фабрика обладатель классных мест и переходящих знамен отрасли. Кстати, удалось добиться здесь и самой минимальной затраты времени на шитье изделия. И еще: сегодня почти каждое второе пальто фабрика выпускает со Знаком качества. Но главным арбитром, конечно, остается покупатель. А кто у нас нынче самый привередливый в одежде? Молодежь. Но уж ее-то вкусы на фабрике доподлинно известны — здесь работает множество юношей и девушек. А разве сделаешь плохо, если шьешь для себя?

У двадцатидвухлетнего Юры Лебедева — специалиста по утюжке — большая радость: недавно он стал кандидатом в члены КПСС. Несмотря на юность рабочий разряд у него самый высокий — четвертый. И, конечно, есть у Юры мечта: окончить техникум легкой промышленности и стать лекальщиком-раскладчиком.

— Говорят, что нынешняя молодежь мало похожа на ту, военной поры,— сказал мне Юра.— Может, и так. Но только внешне. Я хорошо знаю своих сверстников — и по работе и по службе в армии. Поверьте, в большинстве своем они такие же серьезные, ответственные люди, какими были их родители, деды. Все лучшее передалось детям. И неприятие войны тоже.

Питер Корнелис ван Рейк. 1568—1628. КУХАРКА.

Выставка «Натюрморт в европейской живописи».

Питер де Ринг. 1615—1660. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.1650.

Выставка «Натюрморт в европейской живописи».

Сергей ВЛАСОВ,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Свет Урала

адреса великих свершений

— В войну очень туго приходилось? — спрашиваю Леонида Игнатьевича. Он усмехается задумчиво, не торопясь, говорит:

— Да как сказать?.. Спали прямо в цехе, возле станка. Часа по два-три, не больше. Однажды получил я буханку хлеба, паек мой и жены за два дня, прилег поспать, а хлеб завернул в газету и положил под голову. Будит меня сменщик. Чего это вокруг тебя, говорит, столько бумаги разбросано? Гляжу, и правда, кругом обрывки газеты валяются, а от хлеба ни крошки не осталось. Крысы сожрали. Я и не заметил...

Сорок лет проработал на «Уралэлектротяжмаше» Леонид Игнатьевич Ваганов. Был рядовым конструктором, потом возглавил конструкторское бюро в отделе главного технолога. Теперь на пенсии, член заводского клуба историков. Собирает материалы для книги, посвященной полувековой истории родного завода.

...Производственному объединению «Уралэлектротяжмаш» имени В. И. Ленина исполнилось пятьдесят лет. Сегодня это крупнейшее предприятие электротехнической промышленности. Оно выпускает самые мощные у нас в стране гидрогенераторы для гидроэлектростанций, все девять машин для Нурекской ГЭС, например, были сделаны здесь, на Урале. Атомной энергетике завод поставляет специальные двигатели для привода главных циркуляционных насосов. Практически все крупнейшие станции оросительных систем Средней Азии, Украины и Поволжья оснащены двигателями с маркой УЭТМ. В Свердловске сделаны трансформаторы для крупнейших в мире Братского, Красноярского и Таджикского алюминиевых заводов. Продукцию уральцев знают и ценят в 54 странах мира...

А начинался завод на пустом месте среди топких болот и непроходимых лесов. Лом, кирка, пила, тачка да лопата — других «механизмов» у строителей не было.

— Днем завод возводили, а вечерами на соседние водоемчики бегали: золотишко намывать. Бывало, кое-что добывали, — вспоминает Леонид Игнатьевич.

Мы сидим в заводском музее вместе с его товарищами Александром Константиновичем Кожевниковым, Николаем Даниловичем Николаевым — оба они на заводе с 1934 года, с самого его основания, и Георгием Демьяновичем Стадниковым, председателем заводского клуба историков, который пришел сюда четырьмя годами позже.

То с улыбкой, то с дрожью в голосе вспоминают ветераны былое.

— Жили мы сперва в бараке, — рассказывает Николай Данилович. — Одна печка на восемьдесят человек, все удобства, как говорится, на улице. Мы-то еще с женой вдвоем, а каково многодетным! Рядом с нами на большущем топчане семья Алексея Вылегжанина размещалась с восемью детьми. С другой стороны топчан с шестью ребятишками. Никаких тебе стен, никаких перегородок. И жили, представьте себе. Дружно жили! Сейчас, правда, сами удивляемся, как это нам удавалось.

— Были, правда, и «привилегированные», — припоминает Георгий Демьянович, — они спали в конторских помещениях, положив под голову папки с бумагами. Но такая «роскошь» позволялась не многим...

Да, крутое было тогда время, и вопросы ставились на повестку дня круто и смело. Достаточно прочитать только заголовки заметок в заводской многотиражке, первый номер которой вышел 27 ноября 1932 года: «Прогульщикам нет пощады!», «Выгонять тунеядцев», «Бороться за вкусный и дешевый обед», «Стройматериала нет, а лошади простаивают»...

15 июля 1934 года состоялся митинг по случаю пуска завода. По чертежам ленинградского «Электроаппарата» был изготовлен первый масляный выключатель ВМ-32. Большинство его деталей делалось вручную. Всем было ясно, что аппарат не совершенен, но он был свой, уральский, отечественный, и уже одно это вызывало ликование и восторг. Еще бы — ведь теперь не надо кланяться капиталистам, расплачиваться с ними золотом!

В первые годы делали на заводе электропечи для плавки стали и цветных металлов, выключатели для подстанций, силовые трансформаторы. Продукция завода была нужна стране позарез. И многим гигантам индустрии требовалось современное электротехническое оборудование.

— Только наладили производство — война! — продолжает свой рассказ Николай Данилович. — Сколько начатого оставить пришлось! И выпускать стали совсем другое — нужное фронту.

В первый год войны с завода на фронт ушли две тысячи человек. Их места заняли подростки, дети. Работали у станков, встав на ящики. По двенадцать часов, в две смены.

В ноябре 1941 года завод получил новое правительственное задание — начать производство ракетных пусковых установок БМ-13, позже названных «Катюшами». Вместе с рабочими и инженерами, прибывшими из Воронежа, где уже были освоены эти спецмашины, в январе 1942 года уральцы изготовили первую «Катюшу». С этого времени на фронт отправлялись десятки боевых машин в месяц. В марте 1943 года «за образцовое выполнение задания правительства» коллектив завода был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В самый разгар войны завод начал выпускать гидрогенераторы. Многие ГЭС были разрушены или захвачены фашистами, промышленность захлебывалась от нехватки энергии. И тогда было решено в кратчайшие сроки построить на Урале и в Средней Азии несколько десятков гидростанций небольшой мощности. Вот для них в Свердловске и стали делать электрические машины. Первая из них была изготовлена осенью 1943 года, мощность ее составляла тысячу киловатт. (Одна цифра для сравнения: сегодня в цехах объединения собираются гидрогенераторы мощностью в треть миллиона киловатт.) Но тогда этот первенец, этот «малыш» казался его создателям настоящим гигантом гидроэнергетики. Так, наверное, оно и было... Вскоре после выпуска серии таких машин завод получил поздравительную телеграмму от Государственного Комитета Обороны СССР, группу работников наградили орденами и медалями. Среди них были и технологи Георгий Демьянович Стадников и Леонид Игнатьевич Ваганов, с которыми мы продолжаем разговор в заводском музее.

— Конечно, главное наше богатство — люди, — говорит Ваганов. — Те, кто отдал заводу полжизни, целую жизнь. Это наш золотой фонд. Вот, например, Александр Константинович. — И он кивает на Кожевникова. — Сорок девять лет здесь проработал.

— А вся их семья, — добавляет Стадников, — в общей сложности больше двух веков. Сейчас уточню. — Он лезет в блокнотик. — Двести четыре года!

— Неужели так много?! — удивляется сам Александр Константинович. — Да, мама на заводе работала поваром, жена — комплектовщицей в транспортном цехе. Сыновья тоже в цехах, кто электромонтером, кто слесарит. Да и невестки — нашенские, заводские...

Конечно, Леонид Игнатьевич прав — все в этом мире держится на плечах рабочего человека. И богатство, и слава, и счастье — все от одного корня произрастает. Могут быть удачи, везение, но истинно цельная жизнь невозможна без одержимости в работе. Именно такую жизнь прожил Леонид Яковлевич Мехонцев.

Он был токарем на «Уралэлектротяжмаше», но его знали по всей стране. Когда он умер четыре года назад, его хоронил весь Свердловск. Его называли уральским левшой, на токарном станке он вытачивал фасонный плотницкий топор. Он был новатором, изобретателем от бога. Сделанные им резцы и приспособления для станка позволяли поднять производительность труда на отдельных операциях в десять—пятнадцать раз. Бывали случаи, когда Мехонцев с помощью своего инструмента за смену выдавал 32 (!) дневные нормы. Токарь изобретал, а ученые уральских институтов облекали его открытия в научные формулы.

Он щедро делился своими открытиями, ездил по стране, бывал за рубежом и всегда брал с собой в путь тридцатикилограммовый «чемоданчик» с уникальным своим инструментом. А возвращался налегке. Его корили: что же ты, мол, задаром раздаешь то, что с таким трудом сделал. Не жалко?

— Нет, не жалко, — тихо отвечал он. — По-настоящему богатым можно стать, только делясь с другими.

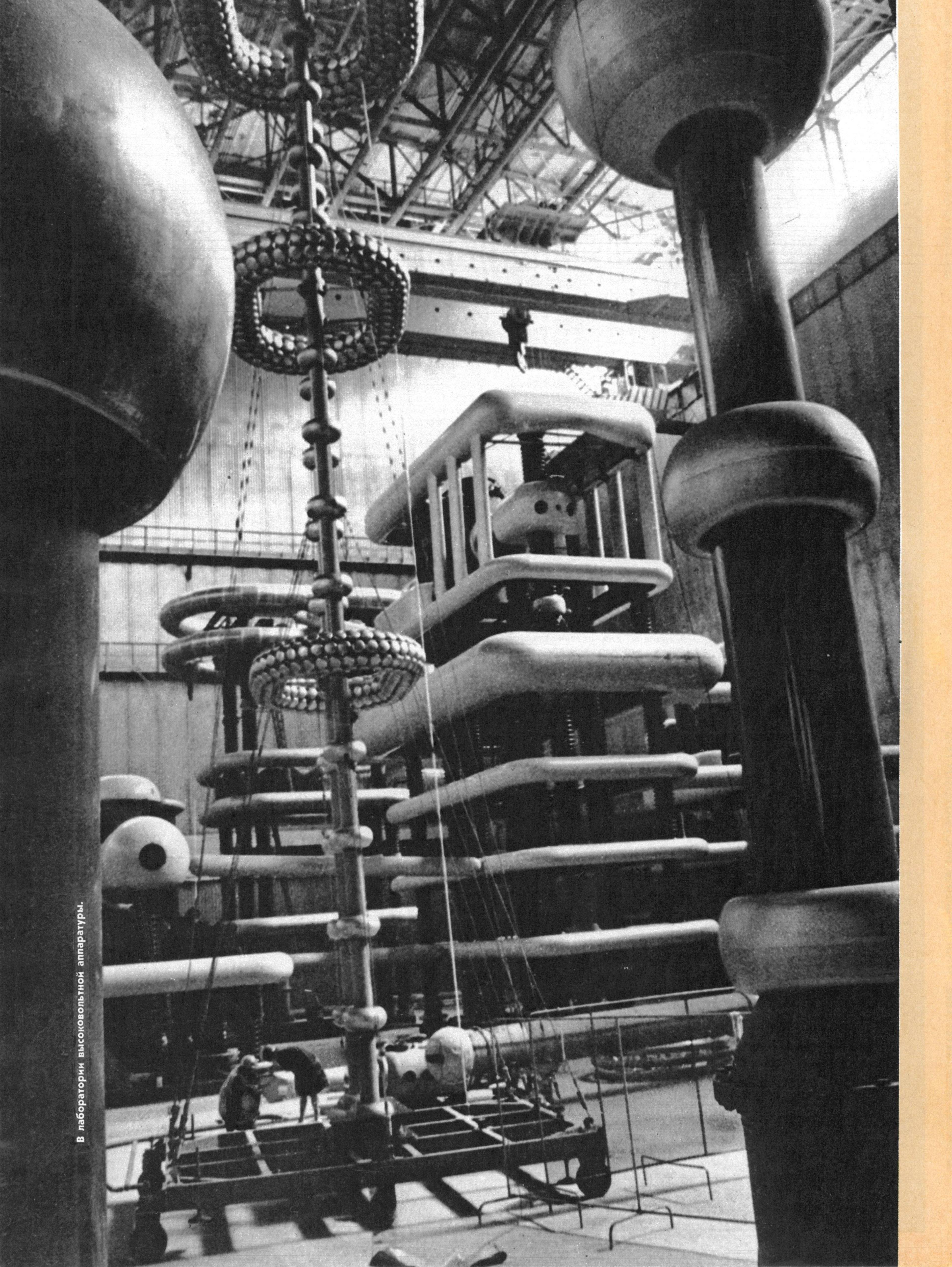
Герой Социалистического Труда, заслуженный рационализатор РСФСР, кавалер трех золотых медалей ВДНХ, медали имени С. И. Вавилова, почетный житель Свердловска, токарь-академик Леонид Яковлевич Мехонцев навсегда останется в числе заводских рабочих. Такие люди не умирают. Ежегодно в его родной город съезжаются со всех концов страны новаторы-станочники на чтения, названные мехонцевскими. Десятки его учеников продолжают его дело. Кто у станка чудеса творит, кто в больших начальниках ходит. Не в должности, конечно, суть, а в том, что помнят они вещие слова своего учителя:

— Золотая рыбка попадается в сети рыбака лишь в сказке. Золотую рыбку удачи можно поймать только трудом.

Все ли из нас, из тех, кто пришел на смену отцам, помнят эту простую и великую истину? Увы, к сожалению, иногда забываем. Об этом и пошел у нас разговор со Степаном Андреевичем Топорковым, почетным уралэлектротяжмашевцем, токарем цеха номер три, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, членом бюро горкома партии.

— Когда я вижу, как здоровые, сильные парни торгуют на углу пирожками или на пункте вторсырья принимают макулатуру, мне за них стыдно и боязно, — говорит Степан Андреевич. — Ничего хорошего их не ждет, кроме разочарования. Вообще меня очень беспокоит, что молодежь наша иногда чересчур инфантильна, безответственна. Пришел парень на завод, покрутился год-два в поисках «хорошего места», и поминай, как звали, — отправился ловить свою жар-птицу. И не понимает он, что не поймать ее, раз не умеет работать. К сожалению, способность по-настоящему работать становится все бо́льшим дефицитом у молодежи. Думаю, что виноваты в этом мы сами, старшее поколение. Родители часто рассуждают так: мы в свое время настрадались, пусть хоть дети наши теперь наслаждаются жизнью. И балуют их, все им на блюдечке — готовенькое. И тем самым своих детей уродуют, делают их потенциально несчастными. Боюсь, что начали мы постепенно утрачивать рабочую порядочность, ответственность за свое дело...

Очень важную тему поднял Степан Андреевич, но об этом разговор нужен особый, обстоятельный. А сегодня у завода юбилей, и говорить хочется о другом — о том, что радует, о том, чем уральцы гордятся. Гордиться им, конечно, есть чем. В каких только концах света не встретишь продукцию «Уралэлектротяжмаша»! Энергосистема «Мир» оборудована свердловскими выключателями напряжением 750 киловольт. В прошлом году на заводе созданы первые четыре воздушных выклю-

В лаборатории высоковольтной аппаратуры.

чателя для линии электропередачи на самое высокое в мире напряжение — миллион сто пятьдесят тысяч вольт. Они предназначены для линии Экибастуз—Урал. Для Загорской гидроаккумулирующей станции отгружен первый агрегат мощностью двести тысяч киловатт. Один ротор его весит шестьсот тонн. В цехах завода сейчас идет сборка второй машины. В канун юбилея уральцы отправили головной гидрогенератор для Байпазинской ГЭС, которая строится на Вахше неподалеку от Нурека.

— Межреспубликанские связи — предмет нашей особой гордости,— сказал мне генеральный директор объединения Юрий Петрович Глазков.— Настоящая творческая дружба соединяет нас с гидростроителями Таджикистана. Здесь, на берегу Вахша, впервые в стране зародилась «Рабочая эстафета» — долговременный договор о взаимном содружестве. Мы обязались раньше срока изготовить оборудование, строители с опережением графика смонтировать его. ГЭС была построена досрочно. Совместные наши творческие усилия позволили повысить общую мощность станции на триста тысяч киловатт. Мы подарили стране символический десятый гидрогенератор, но энергию-то он дает не символическую!

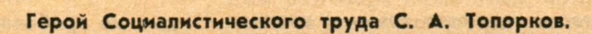
Лауреат Государственной премии СССР Юрий Петрович Глазков руководит сложнейшим производством, под его началом многие тысячи людей. В кабинете его можно застать с восьми утра до десяти вечера. Но при всем при этом он остается инженером, конструктором. Он кандидат наук, его диссертация посвящена униполярным генераторам.

Тридцать лет назад после окончания Московского энергетического института пришел Ю. П. Глазков на завод. Был конструктором, начальником КБ, заместителем директора НИИ, десять лет — главным конструктором, семь — главным инженером и вот теперь, второй год — генеральный.

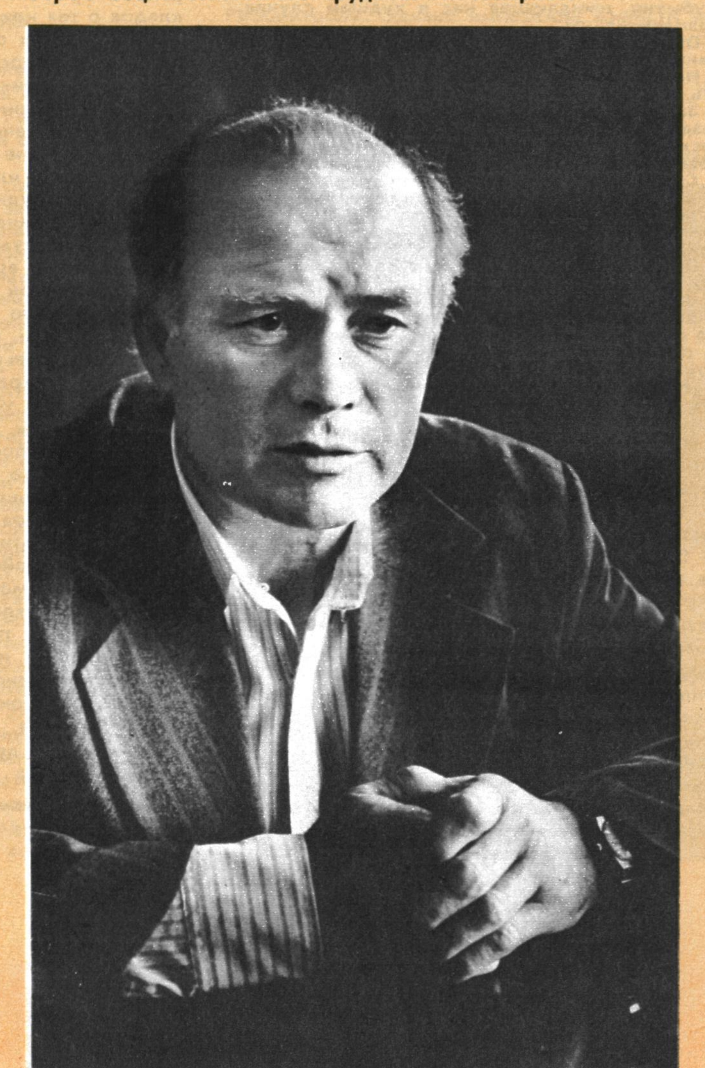
— Юрий Петрович, ваш завод с начала года включился в широкомасштабный экономический эксперимент. Что это дало предприятию?

— Очень много дало,— ответил директор,— и прежде всего повысило нашу самостоятельность, а значит, и ответственность. Крайне важно, что теперь у нас более тесная связь с потребителями. Практически мы можем сами — без всяких посредников — договориться о сроках поставок, сами можем изменить эти сроки, если это нужно потребителю. Раньше как бывало? Из нас всю душу вытряхивали, только бы вовремя мы выполняли план поставок, а потом частенько наши машины по два года на хоздворе без дела ржавели. Теперь по-другому. Наш главный заказчик не министерство, а конкретный потребитель, именно перед ним мы берем под козырек. Такая система позволяет экономить материалы, энергию и что очень важно — нервы, здоровье людей. Никто нас теперь не дергает, а продукцию мы даем в срок и нужного качества. Впервые за несколько лет мы смогли выплатить премии по положению, то есть за выполнение основных показателей хозяйственной деятельности. Эксперимент заставляет каждого из нас работать более активно, работать на одну цель.

Идет сборка гидрогенератора для Байпазинской ГЭС. На переднем плане обмотчик А. Огоньков.

Герой Социалистического труда С. А. Топорков.

Сборщица Н. Морозова и контролер А. Чистякова в цехе, где собирают знаменитый пылесос «Урал».

ТАК ГОТОВИЛОСЬ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

ЗАПИСКИ НЕМЕЦКОГО АНТИФАШИСТА

Герхард КЕГЕЛЬ

К этому сообщению Кёстринга, написанному в форме частного письма генералу Матцки, было приложено донесение полковника генерального штаба Кребса, который с середины марта до начала мая замещал его на посту военного атташе в Москве. Кёстринг был якобы болен. В действительности же Кребс, принимавший руководящее участие в конкретной подготовке военного нападения на Советский Союз, явно был послан в Москву, чтобы на месте получить последнее представление об уровне обороноспособности СССР. Кёстринга упрекали в Берлине за то, что он, так же как посол фон дер Шуленбург и советник Хильгер, переоценивает обороноспособность Советского Союза и склонен принимать советскую пропаганду за чистую монету.

В соответствии с полученным в Берлине заданием Кребсу было важно присутствовать на военном параде 1 Мая 1941 года на Красной площади. Предполагалось, что в столь напряженной ситуации Советский Союз покажет на этом параде кое-что из новинок своей военной техники... После парада Кребс присутствовал на приеме, данном послом в его честь в связи с предстоящим возвращением в Берлин. Я воспользовался случаем, чтобы в присутствии нескольких руководящих сотрудников посольства спросить Кребса, как он оценивает парад. Сегодня, когда мне известно многое, чего я тогда не знал, понятна та запальчивость, с какой он ответил на мой вопрос. Парад 1 Мая 1941 года на Красной площади в Москве не соответствовал официальным нацистским оценкам военной силы Советского Союза, в разработке которых активно участвовал сам Кребс. Военная мощь СССР значительно недооценивалась германским империализмом. То, что было показано на параде, просто не могло быть правдой! И Кребс накинулся на меня: «Вы все здесь слишком прислушиваетесь к советской пропаганде! Кремль хочет заставить нас, дурачков-немцев, поверить, будто шагавшие на параде дивизии действительно располагают тем оружием, которое провезли мимо нас на Красной площади! Возьмите, к примеру, длинноствольные орудия, показанные на параде: они же со шкодовских заводов в Пильзене! Мы хорошо знаем, что во всем Советском Союзе их всего три штуки. А это значит, что современную технику, которую мы увидели на параде, наскребли по всему Советскому Союзу, чтобы произвести впечатление на нас, глупых иностранцев!»

Разумеется, Кребс, точно так же как Кёстринг, знал, что военное нападение на Советский Союз решено. В кабинетах берлинской военщины все подробности преступной агрессии против Советского Союза считались «секретными делами имперской важности» (высшая степень секретности в нацистской Германии). И тем сильнее были обескуражены они оба, когда в Москве им вновь и вновь приходилось констатировать, что о многих сохраняемых в строгой тайне деталях планов агрессии информированы не только посол, его заместитель Типпельскирх и советник посольства Хильгер. Знал об этом и целый ряд дипломатических и недипломатических сотрудников посольства, имевших родственные или личные связи с чинами из высших военных штабов. К тому же посольство в ответ на служебные указания риббентроповского министерства иностранных дел давало зеленый свет «незаметной» эвакуации членов семей дипломатов, а также и отъезду других немцев, присутствие которых в Советском Союзе не являлось абсолютно необходимым.

Кребс, замещавший военного атташе, был так возмущен этим, что 24 апреля 1941 года приложил к цитированному выше письму Кёстринга целый перечень «диких слухов», распускаемых в германских и негерманских кругах и могущих иметь роковые последствия в период наивысшей напряженности в отношениях между нацистской Германией и Советским Союзом. Поскольку теперь, отмечал он, за любым действием или упущением германских органов наблюдают особенно тщательно, следует призвать всех сотрудников посольства к соблюдению строжайшей дисциплины и крайней сдержанности. Кребс негодовал:

«Тот, кто преднамеренно или по халатности распускает дикие слухи о войне, вне всякого сомнения, становится виновным в государственной измене при отягчающих обстоятельствах. По моему мнению,— писал Кребс,— следующие пункты должны постоянно напоминаться всем немцам в посольстве, как мужчинам, так и женщинам:

1. Не только внешние, но и соблюдаемые вопреки всем слухам по внутреннему убеждению спокойствие и непринужденность. Полное доверие к грядущим решениям фюрера. Учитывая те жертвы, которые приносят армия и родина, все убытки, ожидающие нас в худшем случае, малозначительны.

2. Опровержение всех слухов, как создания паники и работы по заданию врага.

3. Немедленное выявление, невзирая на должность, лиц, фабрикующих слухи.

4. Запрещение всех бросающихся в глаза отъездов (в Германию), а особенно принявшего в последнее время чрезвычайно широкие масштабы вывоза весьма крупного багажа.

5. Сдержанность в отношении представителей дружественных государств при обсуждении всех будущих возможностей. Информирование этих государств — дело исключительно берлинских инстанций!

6. Осторожность во всех разговорах. Лучше всего вообще воздерживаться от обсуждения этих вопросов (также в кругу немцев).

7. Уравновешенность и уверенность легче всего опровергают слухи и способствуют усилению германской позиции, а тем самым и осуществлению германских намерений.

8. Каждый муж несет полную ответственность за свою жену».

В отсутствие посла фон дер Шуленбурга полковник Кребс попытался заставить поверенного в делах фон Типпельскирха распространить эти предписания среди сотрудников посольства. Типпельскирх отказался: это вызовет еще большее волнение. Кёстринг, возвратившись в Москву в середине мая 1941 года, когда Кребс уже отбыл в Берлин, тоже не смог добиться распространения в посольстве этого письменного предписания. А потому, чтобы «прикрыть» самого себя и переложить ответственность за слухи на сотрудников посольства, отправил этот документ по инстанции в Берлин.

Прежде чем полковник Кребс после московского первомайского парада вернулся в Берлин для участия в идущей полным ходом подготовке агрессии против Советского Союза, советник Хильгер имел с ним доверительный разговор. Хильгер, еще ранее знавший Кребса как помощника военного атташе посольства в Москве, так описал этот разговор в своей книге «Мы и Кремль»:

«Когда он (Кребс.— Г. К.) посетил меня в моем кабинете, я задал ему вопрос насчет курсирующих слухов о войне. Если в этом есть хоть доля истины, его долг, сказал я, разъяснить Гитлеру, что война против Советского Союза может означать конец Германии. Я напомнил Кребсу, что за свою долгую историю Россия часто бывала бита, но никогда — разбита. Я упомянул о силе Красной Армии, о способности русского народа переносить страдания и лишения, об огромности этой страны и ее неисчерпаемых резервах. «Все это мне известно,— сказал в ответ Кребс,— но, к сожалению, ничего этого я Гитлеру преподнести не могу. После того как мы, офицеры германского генерального штаба, предостерегали его от похода на Францию, а линию Мажино называли непреодолимой, мы ему ничего говорить больше не можем, а должны помалкивать, если не хотим поплатиться головой».

Сей полковник генерального штаба, в руководящем участии которого в подготовке нападения на Советский Союз сомневаться не приходится, позже был произведен Гитлером в генералы. Он — тот последний начальник генерального штаба фашистских сухопутных войск, который в гитлеровском бункере имперской канцелярии покончил жизнь самоубийством точно так же, как сначала сам Гитлер, а несколько дней спустя Геббельс.

...Во второй половине мая и в июне 1941 года в германском посольстве в Москве царила гнетущая атмосфера. Ни министерство иностранных дел, ни другие министерства теперь уже не требовали от посольства никаких докладов о тех или иных событиях в области германо-советских отношений. Запросы советских партнеров относительно германских поставок совершенно явно игнорировались Берлином. Дипломатическим чинам посольства было теперь просто нечего делать. Нацистское правительство уже не испытывало потребности чтолибо слышать или получать от своего посла в Москве. Сотрудники посольства слонялись из комнаты в комнату, чтобы хоть как-нибудь отвлечься и не думать о причинах этого затишья. Ограниченное время для обеда восполнялось послеобеденной болтовней. Ожидание катастрофы, которую уже не остановить, действовало на нервы. Оживление в посольстве чувствовалось только во владениях «канцлера» Ламлы. В секретной и общей регистратуре сортировали и упаковывали еще оставшиеся в Москве бумаги, проверяли наличность и денежные счета посольства.

За неделю до фашистского нападения советское официальное информационное агентство ТАСС опубликовало заявление, в котором выразило свое отношение к распространявшимся слухам о войне. Все слухи о якобы предъявляемых Германией территориальных требованиях объявлялись ложными. В заявлении говорилось, что, по имеющимся данным, «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Это заявление, которым Сталин явно хотел заставить нацистское правительство выявить свою позицию,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 29, 30.

13 июня, то есть накануне опубликования, было официально передано послу фон дер Шуленбургу.

Реакция Берлина подтвердила мои наихудшие опасения. Газеты и радио фашистской Германии вообще проигнорировали заявление ТАСС, вызвавшее большой международный резонанс, поскольку оно никак не совмещалось с общеизвестными фактами. Шуленбург тоже не получил от Берлина никакого ответа для передачи Советскому правительству.

Последние прибывшие из Берлина курьеры (больше никто в Москву теперь оттуда не приезжал) не привозили с собой почти никакой дипломатической почты. Вопреки обычной практике они должны были в невероятной спешке возвратиться обратно. Один из них, бывший офицер, всегда хорошо информированный, поскольку его братья и друзья принадлежали к берлинской министерской и военной бюрократии (я часто ходил с ним гулять, когда он находился в Москве), попрощался с нами так, будто навсегда. И действительно, больше я его никогда не видел.

В пятницу 20 июня 1941 года советник посольства Хильгер порекомендовал мне ввиду напряженной ситуации на всякий случай упаковать один или два чемодана, которые я смог бы нести сам. Я должен быть готов к эвакуации.

Вернувшись домой, я по совету Хильгера упаковал два чемодана, а также прихватил вещи, необходимые для русской зимы, положив их в отдельный рюкзак.

Когда в субботу 21 июня я незадолго до полудня подъехал к посольству, мне пришлось оставить мой автомобиль на улице, потому что во дворе посольского комплекса царила необычная суета. Судя по столбу дыма, там пылал огромный костер. На мой вопрос, что горит, «канцлер» Ламла «совершенно секретно» ответил, что ночью получил из Берлина указание уничтожить все оставшиеся в Москве секретные документы, за исключением важнейших шифровальных таблиц, которые еще понадобятся. А так как печи посольства не смогли вместить все эти бумаги, то он по договоренности с послом решил разжечь костер прямо во дворе. Часа через два все будет кончено, и тогда я смогу поставить свою машину во дворе посольства.

Вечером я совершил прогулку по центру Москвы, затем отправился домой, включил Московское радио (немецкие радиостанции было не поймать) и в подавленном состоянии выпил бутылку вина. Около полуночи лег спать. Но спать пришлось недолго.

НАЧАЛО ТРАГЕДИИ

Поздним вечером 21 июня Молотов пригласил посла фон дер Шуленбурга в Кремль. Как и обычно, с ним был Хильгер. Разговор начался в 21 час 30 минут. Описание его я цитирую по книге Хильгера:

«Молотов начал беседу с сообщения, что он, к сожалению, вынужден заявить протест против многочисленных нарушений границы, которые совершаются германскими самолетами и приняли в последнее время систематический характер. Советское правительство дало указание своему послу в Берлине сделать соответствующее представление имперскому правительству. Затем Молотов повернул разговор на германо-советские отношения и заявил, что у Советского правительства создается такое впечатление, будто германское правительство недовольно какими-то действиями Советского правительства. Если это связано с югославскими делами (СССР непосредственно перед нападением гитлеровской Германии на Югославию заключил с последней договор о дружбе и ненападении.— **Г. К.**), то он полагает, что в достаточной мере разъяснил этот вопрос во время предыдущих бесед с послом. Тем больше Советское правительство удивлено курсирующими слухами, согласно которым Германия готовит войну против Советского Союза. Новую пищу для этих слухов дает тот факт, что германское правительство вообще никак не отреагировало на заявление ТАСС от 13 июня и оно в Германии не опубликовано. Советское правительство не может объяснить себе все это и было бы благодарно, если бы посол высказался по данному вопросу.

Вторжение гитлеровских войск на советскую землю.

Вопросы Молотова поставили посла в крайне неловкое положение: ему не оставалось ничего иного, как заявить, что он не располагает никакой информацией. Молотова это не удовлетворило. Он сказал, что у него имеются сведения, по которым Москву уже покинули не только все германские хозяйственные представители, но также жены и дети персонала посольства. Посол попытался объяснить отъезд членов семей предстоящим жарким летом в Москве, добавив в качестве последнего аргумента, что, мол, уехали не все жены, например, жена Хильгера еще в Москве. После этого Молотов прекратил разговор». Таково свидетельство Хильгера.

Телеграмма с сообщением Шуленбурга о беседе с Молотовым была в 1 час 17 минут 22 июня 1941 года отправлена из Москвы в Берлин с грифом «весьма срочно». Но там это уже никого больше не интересовало. Несколько раньше, в 0 часов 40 минут, советский посол в Берлине был проинформирован об этом разговоре Молотовым, который дал ему указание немедленно сделать представление Риббентропу. Однако имперский министр иностранных дел уже в течение многих часов был для советского посла недосягаем...

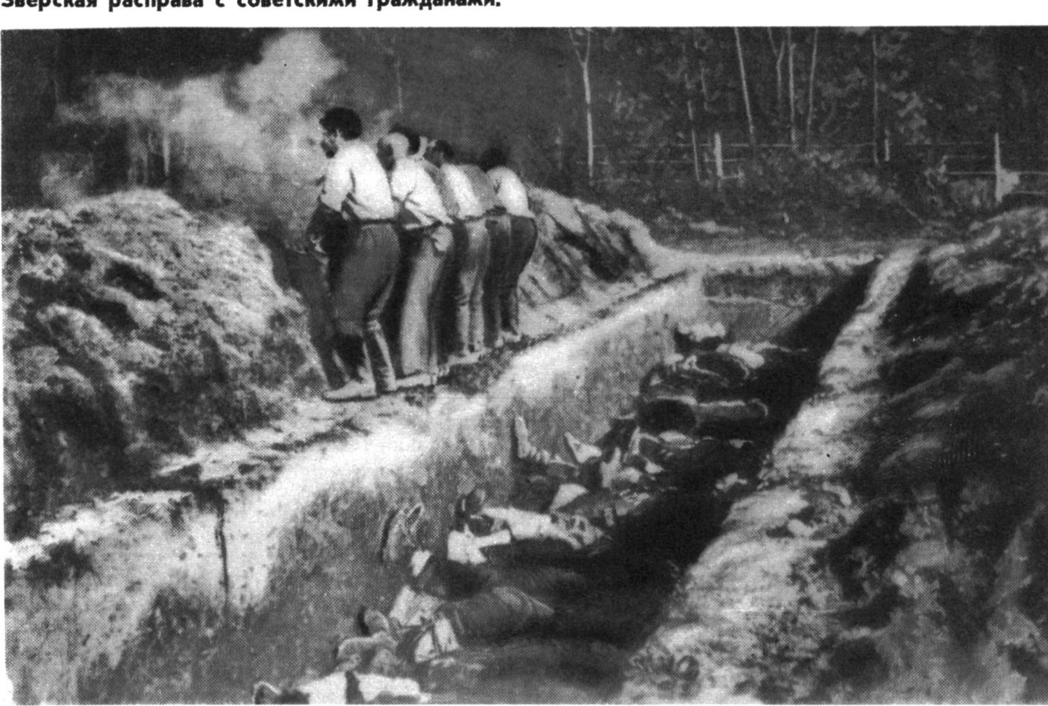
Через несколько часов после того, как Шуленбург срочной секретной телеграммой сообщил в Берлин о своем ночном разговоре с Молотовым, в посольство поступила телеграфная шифровка. Послу поручалось отправиться к народному комиссару иностранных дел Молотову и сообщить ему о начале Германией наступательных военных действий. Одновременно было дано указание об уничтожении последних шифровальных таблиц, а болгарский посланник в Москве назван в качестве представителя «интересов германского рейха».

Шуленбург сразу же поручил Хильгеру позвонить в секретариат Молотова. Этот телефонный звонок совпал со встречным звонком Молотова, который заявил о своей готовности немедленно принять посла. Он только что получил от Сталина поручение пригласить Шуленбурга в Кремль. Однако послу было указано из Берлина не вступать с Молотовым ни в какие дальнейшие обсуждения. И на эту последнюю беседу — уже говорили пушки — посла тоже сопровождал Хильгер. Вот что сообщает он об этом разговоре:

«Чуть позже четырех часов утра мы в последний раз вошли в Кремль. Молотов принял нас сразу. Он выглядел усталым и изнуренным работой. После того как посол сделал свое сообщение, на минуту воцарилась пол-

Зверская расправа с советскими гражданами.

ная тишина. Молотов явно боролся с внутренним волнением. Затем он спросил: «Это — объявление войны?» Посол отреагировал молча, характерным для него жестом: с выражением озабоченной беспомощности подняв вверх руки. На это Молотов, слегка повысив голос, сказал, что сообщение посла, естественно, не может означать ничего иного, как объявление войны, ибо германские войска перешли советскую границу и немецкие самолеты вот уже полтора часа бомбят такие города, как Одесса, Киев и Минск. Затем он, уже не сдерживаясь, выразил свое возмущение. Он сказал, что Германия напала на страну, с которой заключила договор о ненападении и дружбе. Такого прецедента в истории еще не бывало. Выдвинутая германской стороной причина — пустой предлог. О концентрации советских войск на германской границе не может быть и речи. Пребывание советских войск в пограничных областях обусловлено только летними маневрами, которые происходят там. Если имперское правительство имело что-либо возразить против этого, ему было достаточно всего лишь сообщить об этом Советскому правительству, и оно позаботилось бы о принятии мер. Вместо этого Германия развязала войну со всеми ее последствиями... Посол ответил: ему нечего добавить к тому, что он сообщил по указанию своего правительства, кроме просьбы, чтобы Советское правительство в соответствии с международным правом обеспечило немедленный свободный выезд членам посольства. Молотов лаконично ответил, что это будет сделано на базе взаимности. Затем мы попрощались с Молотовым — молча, но с обычным рукопожатием». Такова запись Хильгера.

Итак, я уже сказал, что незадолго до полуночи лег спать у себя дома. Около 4 часов утра 22 июня 1941 года меня разбудил резкий звонок у входной двери. Оказалось, это первый секретарь посольства Шмидт. Вид у него был крайне расстроенный. Он сказал, что приехал по поручению посла, который просит меня как можно скорее, захватив с собой не более двух чемоданов, явиться в посольство. Потом Шмидт выглянул в окно, поглядел на мирную Москву, на парк культуры и отдыха имени Горького и сказал: «Хорошо вы тут живете! Как все здесь дышит покоем и миром. Но началась война! Война! Поэтому все мы должны собраться в посольстве».

Когда около 7 часов утра Шмидт снова появился в моей квартире, чтобы поторопить меня, я захватил свои пожитки и по прекрасной московской набережной поехал в теперь уже бывшее германское посольство, а значит, снова в неопределенное будущее.

Лишь только я узнал, что война уже идет, я сразу включил Московское радио. Но передавали обычную программу и обычную музыку. В «Последних известиях» о войне не было ни слова. На московских улицах, по которым я проезжал, жизнь шла своим чередом. Ничто не говорило о войне. Мне показалось только, что перед зданием посольства милиционеров стало больше, чем всегда. Но никакой толпы, которую я рассчитывал здесь увидеть, не было.

Я расположился в своем кабинете. Мне удалось более подробно узнать о событиях этой роковой ночи. А потом я долго сидел у радиоприемника, чтобы не пропустить ни одной важной новости. Только в 12 часов дня — страшная война шла уже много часов — Молотов прочел первое заявление Советского правительства по поводу неслыханного нарушения договора и нападения гитлеровской Германии на СССР...

Многое пронеслось в этот момент в моей голове: «Кто выбирает Гинденбурга, выбирает Гитлера! Кто выбирает Гитлера, выбирает войну, смерть и гибель миллионов людей!» Только Коммунистическая партия Германии напрямик сказала немецкому народу всю правду. Теперь судьба рейха была решена. Ненасытная жадность, безмерная переоценка собственной силы и традиционная неспособность реалистически оценивать соотношение сил на мировой арене привели германских империалистов к подрыву основ своего государства.

— Знаете ли вы, господин Кегель,— прервал мои мысли вошедший в кабинет советник Хильгер,— что как раз 129 лет назад Наполеон I начал войну с Россией?

И в самом деле, Гитлер и его генералы выбрали для нападения на Советский Союз тот же самый памятный день, явно желая доказать потомству, что они оставили великого Наполеона далеко позади. Для Наполеона этим начался марш к катастрофе. А для гитлеровского режима? И я решился ответить Хильгеру историческим намеком.

— Несколько дней назад,— сказал я ему,— я купил в букинистическом магазине интересную книгу. Она называется «Война французов и их союзников против России в 1812 и 1813 годах». Автор неизвестен, а сама книга напечатана в Лейпциге в 1814 году. Я хочу прочесть вам несколько выдержек. Разрешите?— И я прочел, как в феврале 1813 года русские казаки вступили в Берлин. «Народ с ликованием встретил их»,— говорилось в книге.

— Да, интересную книгу нашли вы в букинистическом магазине,— задумчиво произнес Хильгер.— Но тогда русские пришли в Германию как освободители...

Я почувствовал, что захожу слишком далеко, и от ответа предпочел воздержаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГЕРМАНИЮ

Когда посол фон дер Шуленбург ранним утром 22 июня, выполняя указание Берлина, сообщил Советскому правительству об уже начавшемся нападении, он, как уже упоминалось, поставил перед Молотовым вопрос о «свободном выезде» находящихся в Советском Союзе сотрудников посольства. Молотов, по словам Хильгера, ответил, что с германским посольством будут обращаться «на базе взаимности». Ответ был ясен: отношение Советского Союза к находящимся в СССР германским дипломатам и гражданам будет таким же, как и отношение берлинского правительства к находящимся в Германии советским дипломатам и гражданам.

Но у гитлеровского правительства было свое представление о взаимности. Большинство находившихся в СССР «имперских немцев» и членов семей дипломатов уже были эвакуированы в Германию. К моменту нападения в Советском Союзе оставалось всего 150—180 германских граждан, подлежавших обмену. В Германии же находилось около полутора тысяч советских граждан — дипломаты, служащие посольства и торгового представительства, а также хозяйственники, инженеры по приему закупленного оборудования, включая несколько сот женщин. Советский Союз даже в последние недели перед войной не отправил на Родину ни одного советского гражданина.

И вот фашистская Германия стала упорствовать, чтобы обмен проводился один к одному. Но это означало бы, что все нацистские дипломаты смогли бы выехать из Советского Союза, а большое число находившихся в Германии советских граждан попали бы в руки нацистов.

Естественно, с таким «обменом» Советское правительство согласиться не могло. Оно последовательно настаивало на единственно возможном соотношении: обмен всех германских граждан в Советском Союзе на всех советских граждан в фашистской Германии. Со скрипом зубовным нацистским властям в конце концов все же пришлось принять этот принцип. Когда все наконец было выяснено, советское посольство в Берлине установило, что около ста советских граждан оказались в фашистских тюрьмах. Обмен начался только тогда, когда и эти люди смогли отправиться специальным эшелоном. Обо всем этом можно подробно прочитать в книге находившегося тогда в Берлине советского дипломата В. Бережкова «Годы дипломатической службы».

По собственному опыту могу подтвердить, что с момента начала войны с интернированными в здании германского посольства в Москве нацистскими дипломатами и другими германскими гражданами обращались корректно. Я не припомню ни одного факта каких-либо каверз и придирок — и это несмотря на то, что поведение советских граждан, подвергшихся вероломному нападению, по вполне объяснимым причинам могло быть и иным...

Перевод Г. РУДОГО.

Продолжение следует.

ЖИГУЛИ РОССИИ

природа и человек

Р. В. БОБРОВ,
заместитель министра лесного хозяйства РСФСР, кандидат сельскохозяйственных наук

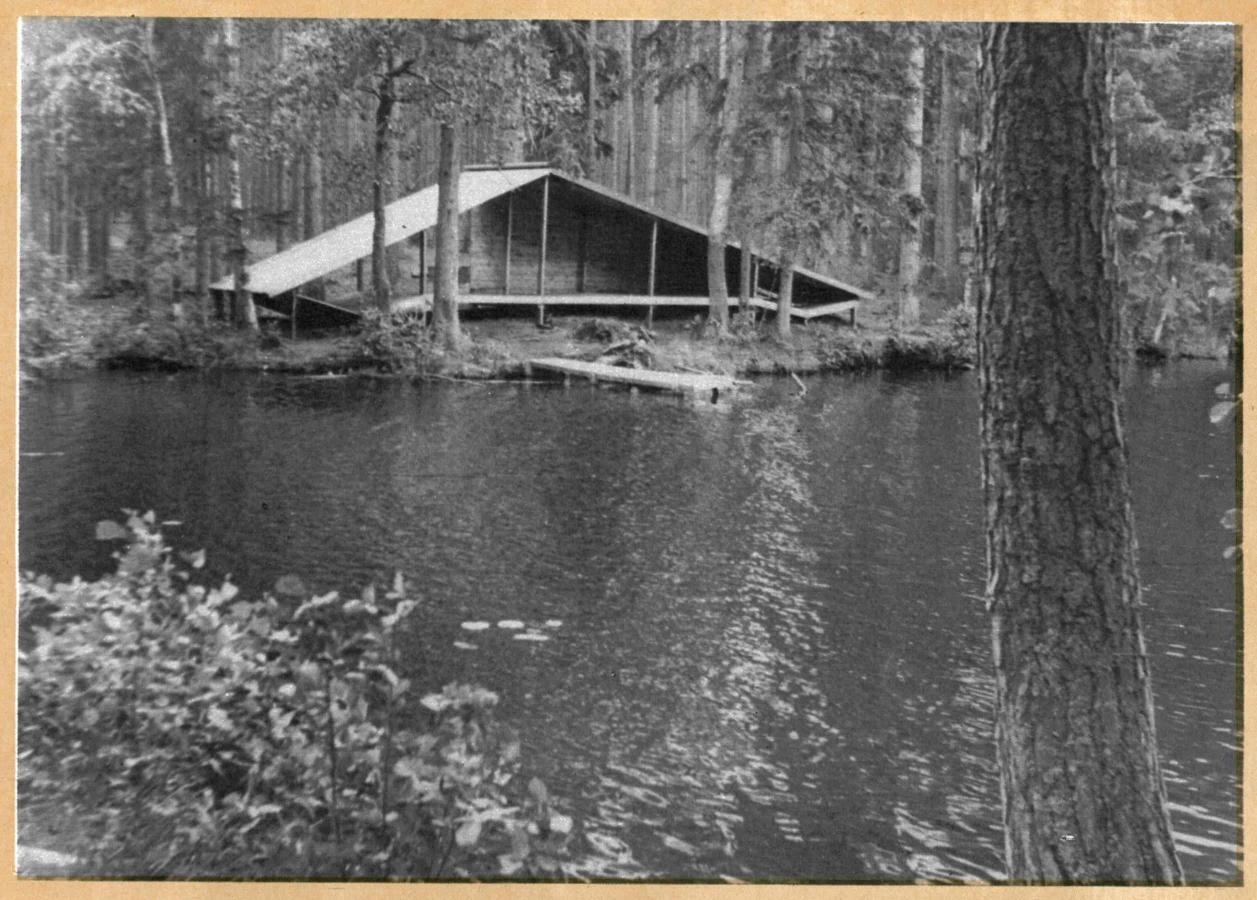
САМАРСКАЯ ЛУКА В ЖИГУЛЯХ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК РОССИИ * СТАТУС ТАКОГО ПАРКА ПРИСВОЕН ЕЩЕ НЕСКОЛЬКИМ УНИКАЛЬНЫМ ПРИРОДНЫМ МАССИВАМ В РЕСПУБЛИКЕ * И ОРГАНИЗОВАННЫЙ ТУРИЗМ И РАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТДЫХ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ.

Красивых мест на земле много. Но таких, как на Волге, не вдруг найдешь. Особенно в среднем ее течении, между Тольятти и Куйбышевом, в районе Жигулей. Очаровательный это край! Воедино слились в нем привольные степи, полноводные реки и живописные горы. Составляют они пейзажи красоты необыкновенной. Горы посреди степи — явление вообще необычайное, а такие, как Жигули, тем более. Невысоки и невелики они по размерам, но все в них есть: обрывистые склоны, уютные долины, каменистые россыпи и прохладные вершины плато. С пешеходной тропы лучше не сходить — оставишь на острых сучках кустарников клочья одежды, а то и сам повиснешь на тугих лещинных ветках, соскользнув с рассыпчатой, едва прикрытой листовым опадом земли в одну из карстовых промоин.

Веками слыли Жигули местом разбойным и нечистым, оттого что было здесь где спрятаться бедолагам-мужикам, беглым служилым и работным людям от барской немилости.

Смотришь на величественный Царев курган, что стоит у речного откоса,— и кажется, что время не властно над здешними местами. Подтверждение тому — сама природа Жигулевских гор. Даже ледник, что распахал и обкидал валунами чуть ли не все Поволжье, спасовал перед красою этих мест: не тронул, обошел их стороною. Оттого встречается здесь такое, что давным-давно отжило на земле и нынче значится разве что в перечне палеонтологических диковин. К примеру, тимьян жигулевский, солнцецвет жигулевский, качим жигулевский, молочай жигулевский, березовая лесостепь, третичные сосняки и дубравы. Природа Жигулей — это своеобразный резерват сотен редких и исчезающих видов растений, который занесен в Красную книгу СССР. А вообще флора этого края насчитывает 830 видов высших растений, из которых сорок реликтовых и тридцать эндемических, встречающихся только здесь.

У Жигулей сложный расчлененный рельеф, и потому они оказались довольно изолированной ча-

Вот такие красивые уголки в Жигулевском национальном парке.

стью восточного выступа Приволжской возвышенности, да еще с водным обрамлением — Волгой. Здесь нашли себе убежище многие виды животных и растений, проживающие сейчас на Урале, Алтае, в Средней Азии, Тянь-Шане, Кавказе, Сибири и Средиземноморье. То есть практически соседствуют живые организмы, разделенные миллионами лет и тысячами километров: кавказская бабочка и сибирские жужелицы, альпийская астра и житель пустыни узорчатый полоз.

Хороши Жигули. Оттого, наверное, и не может отпустить их Волга из своих объятий. Прильнула она к горам неподалеку от Тольятти, у села Междуреченск, и, обойдя неторопливо с востока, возвернулась назад по западной стороне. Самарская лука, как зовут излучину Волги в этом месте, пользуется широкой известностью у любителей путешествий. По ней пролегает знаменитая «кругосветка», самотечный вояж по которой проделали тысячи людей.

Есть что посмотреть на Самарской луке: доледниковые леса, карстовые воронки, озера и древнейшие, сохранившиеся с третичного периода ландшафты. Достопримечательных мест здесь более сотни. На территории ее выделено почти семьдесят урочищ, представляющих большой научный и познавательный интерес.

Издавна селился народ на берегах Волги вблизи Жигулей. Сейчас же большие и малые города буквально обступили их со всех сторон. Вместе с тем статистика утверждает, что прибавка каждой тысячи горожан неизбежно приводит к потере ста гектаров земли. Причем убывают самые лучшие сельскохозяйственные и лесные земли, поскольку биография большинства селений началась задолго до того, как земельный баланс стал ощущать свою ущербность. Закладывались селения в самых красивых и удобных для жизни участках.

Человек, конечно же, меняет облик земли, на которой живет. Особенно, если недра ее таят в себе полезные ископаемые. Двадцатью тоннами в год на человека оценивается сейчас ежегодная добыча минерального сырья. Среди них немалая толика прекрасного щебня, что добывается в Жигулях. Не следует думать, что все это бесследно проходило для природы окрестных мест. Впрочем, немало портят ее и те неизбежные отходы, без которых пока еще не может обойтись ни одно производство. Например, как та свалка мусора, что выросла рядом с лесом неподалеку от поселка. Думается, что люди, выбравшие для свалки это место, не были равнодушны к красоте. Участок под ней вроде бы пустой, без леса, со скудной травой и какими-то совсем невзрачными цветами. Но, как потом оказалось, это был один из самых уникальных представителей растительных формаций края — каменистая степь с флорой неогена, реликт третичного периода. Только кто об этом знал?

Думается, что подобные недоразумения для Жигулей уже в прошлом. Совет Министров РСФСР счел необходимым создать в районе Самарской луки Национальный парк РСФСР, которому предстоит не только сохранить уникальную природу Жигулей, но и сделать их мировым культурным центром, способным обеспечить высокоорганизованный туризм и отдых миллионов людей.

Здесь следует указать на разницу двух понятий — национальный парк и заповедник.

Предшественниками национальных парков следует считать заповедное и парковое дело. Сейчас на территории страны более 160 заповедников. Среди них и Жигулевский имени И. И. Спрыгина, который создан в 1927 году в районе Самарской луки.

Заповедники, однако,— это исключительно научные учреждения, которые охраняют ценнейшие природные объекты и изучают их во всех аспектах многогранных научных задач. На них возложена также пропаганда научного и культурного значения подопечных объектов.

Но если основная задача заповедника — сохранить и изучить наиболее ценные участки земли, то национальный природный парк при всем при том же должен еще и знакомить с прекрасными природными уголками всех желающих, заниматься и просветительской деятельностью и организацией отдыха людей. Таким образом, национальный парк можно считать более высокой ступенью отношения человека к окружающей среде, более сложной (по сравнению с заповедным делом) формой хозяйствования.

Впервые вопрос о создании национальных парков в том виде, в котором они существуют сейчас, был поднят в 1872 году, но серьезно задумались над этой проблемой только в 20-х годах нынешнего столетия. В прибалтийских республиках нашей страны национальные парки функционируют уже второе десятилетие. Надо сказать, что задачи, стоящие перед национальными парками, в СССР и за рубежом трактуются не всегда однозначно. Так, в соответствии с постановлением Государственного комитета СССР по науке и технике и Госплана СССР от 27.04.81 г. «государственные природные национальные парки образуются для сохранения природных комплексов, имеющих экономическую, историческую ценность в силу благоприятного сочетания естественных и культурных ландшафтов и использование их в рекреационных, просветительных, научных и культурных целях». Для отдыха в них служат периферические части, где размещаются необходимые для этого постройки и территории. Заповедник — самая главная часть парка — служит своеобразным резерватом природы, доступ в который разрешается только для научных и познавательных целей.

По такому принципу организуется и национальный природный парк «Самарская лука». Его составляющими станут Жигулевский заповедник и два лесхоза: Рождественский и Жигулевский. Общая площадь парка более ста тысяч гектаров. Большая часть этой площади — лес. Всесоюзное объединение «Леспроект» и институт «Союзгипролесхоз» уже заканчивают составление проекта парка. В нем предусматривается улучшение заповедного дела в Жигулях. Оно распространится на заповедный участок вдоль главного русла Ширяевской долины, степные склоны русла Аксульской долины, пойму Волги в районе села Мордово и другие районы.

Еще более ухоженными станут леса, примыкающие к заповедникам. В них возрастет протяженность дорог, тропинок, появятся места отдыха. Намечается благоустроить пляжи, а в наиболее посещаемых участках подсадить декоративные деревья, кустарники, подсеять травы и цветы. Особое внимание будет уделено туристским маршрутам, пролегающим по Самарской луке.

Все работы, связанные с содержанием территории парка, лесоводы берут на себя. Они станут неизменными помощниками сотрудников заповедника в природоохранной и пропагандистской службе. Все это будет способствовать не только хорошему отдыху, но и поможет сберечь природу от повреждений, так как возможности леса безболезненно переносить нашествие людей ограничены. Как показали наблюдения ученых, один гектар леса сравнительно легко выдерживает присутствие одного — 3 человек, пребывание 4—10 человек уже сказывается на окружающей среде. В первую очередь повреждается надпочвенный покров и молодые деревца. При 10—15 посетителях на один гектар лесной площади необходимо упорядочить прогулки по лесу, иначе процесс деградации древостоев усилится, а при увеличении числа отдыхающих до 16—20 человек на гектар почва уплотняется настолько, что деревья начинают сохнуть. Из леса при таких перегрузках уходят звери, лесные птицы перестают гнездиться...

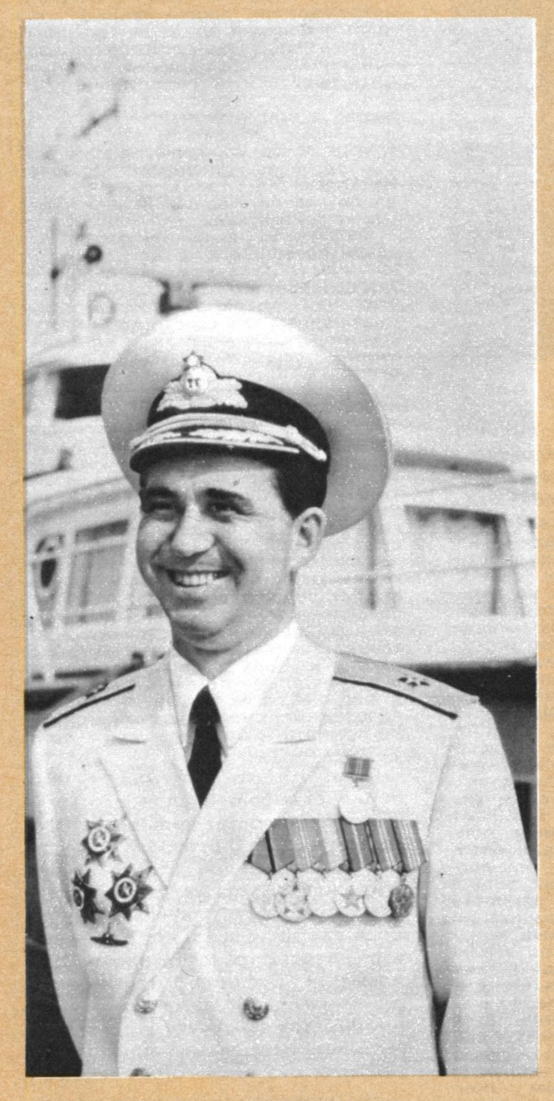
Между тем даже при такой высокой посещаемости лес можно сохранить. Единственный выход — благоустройство прогулочных мест, управление отдыхом. Умелой организацией можно свести до минимума повреждения земли и одновременно повысить безопасную вместимость лесных территорий. Замечено, например, что при неорганизованном отдыхе так называемые «дикие туристы» три четверти своего досуга проводят в лесу, а организованные — только четвертую часть. Остальное время посетители турбаз заняты на спортивных площадках, экскурсиях и других занятиях в пределах туристских лагерей. Так что организация досуга отдыхающих полезна как самим отдыхающим, так и природе. Для территорий, пользующихся повышенным интересом населения, это немаловажно, поскольку привлекательность загородного отдыха растет из года в год. Уже теперь в летнее время по выходным дням в лес выезжает до 80 миллионов человек! Всех их надо гостеприимно принять и при этом не нанести ущерба природе.

Само собою разумеется, что перед службою быта, торговыми, культурно-просветительными учреждениями, туристскими и другими организациями, призванными обслуживать отдых людей, ставятся особо ответственные задачи. Ведь каждому ясно, что без удобных средств транспорта, без столовых и буфетов, магазинов, а для многих посетителей — и без места для ночлега привлекательность посещения национального парка окажется сомнительной.

Мы говорили здесь лишь об одном национальном природном парке России — Жигулевском. Но в 1983 году такой статус присвоен урочищу Лосиный остров в Москве, в Измайлове. Организуется национальный природный парк на черноморском побережье в районе Большие Сочи площадью в 190 тысяч гектаров. Уже готовятся материалы по организации национального природного парка «Мари Чодра» в Марийской АССР, «Селигер» в Калининской области. На повестке дня — создание таких парков в Башкирии, Коми АССР. Можно без преувеличения сказать, что идет диалектический процесс трансформации заповедников и наиболее привлекательных для отдыха мест в новый вид природопользования. Лучшие уголки нашей земли, подлинные жемчужины природы в оправе национальных парков станут неповторимым лицом России...

Б. СОПЕЛЬНЯК

Морской характер

Контр-адмирал В. А. Порошин.

«Море!.. Это, брат, раздолье! Эх! И куда ни поверни корабль, везде тебе дорога. Гуляй, душа! Любуйся красотами мира! А какой только твари в нем нет! Часто даже не поймешь — не то это рыба, не то зверь какой... Да ты, малец, хоть бы одним глазом взглянул на море, так и то ахнул бы от удивления...»

Эти строки А. С. Новиков-Прибой написал в начале двадцатых годов, а лет через тридцать в глухой алтайской тайге их прочел тощий, полуголодный мальчонка. Время было трудное, послевоенное, семья большая — семь братьев и сестер, а работник один — отец. Да и у него силы уже не те. Вот и подпоясывали ветхие фуфаечки десяти — двенадцатилетние ребятишки, влезали в дедовы сапоги и шли на сплав леса — другой работы в тихой деревеньке Петрова Речка просто не было.

Как попала эта книжка к сплавщикам, никто не знал, не иначе забыла эвакуированная учительница, а кто-то взял на раскурку. Мужики дымили самосадом, ребята постарше втихую пытались им подражать, а малолетки, вроде Васьки Порошина, возились у костра. И вдруг Васек наткнулся на строки о море! Прочитал. Отложил. Снова прочитал. Слова как слова, и в школе про море проходили, но почему-то Василию до дрожи в горле захотелось узнать, о чем там дальше... Он начал собирать выдранные листки и, когда они сложились один к одному, увидел название рассказа — «Судьба».

Вековая тайга. Бурлящая речка. Отдыхающие сплавщики. И двенадцатилетний мальчонка, впитывающий строки Новикова-Прибоя при неверном свете костра. Кто мог тогда подумать, что в ту ночь решалась судьба уже не маленького героя рассказа, которого мать хотела пристроить в монахи, а по дороге им повстречался приехавший на побывку матрос: увлек этот матрос с твердого, сухопутного пути не только несостоявшегося монаха, но и юного сплавщика леса.

Васек не раз подходил к школьному глобусу и замечал, как много на нем синего цвета, но если что и удивляло, то только одно — почему эта вода не разливается. А сейчас он смотрел на свою родную речку и тихо улыбался, вспоминая слова матроса с корабля «Победитель бурь»: «Ты спрашиваешь, видны ли в море берега? Ни черта, брат, не увидишь, хоть залезь на самую высокую мачту. Иногда плывешь неделю, две, а кругом все вода и вода... Посмотри на небо. Где берега в нем? Так и в море. И такое же оно глубокое. Ну как, браток, просторно, а?»

Шли годы... Василий окреп, стал хорошим охотником, на соревнованиях выполнил первый разряд по стрельбе, тайгу изучил как свои пять пальцев, знал толк в лечебных травах, так что в доме если и шли споры о его будущем, то только об одном — в медицинский поступать или лесотехнический. Но тут вмешался старший брат — летчик: после восьмилетки забрал Василия и увез на свой аэродром далеко от Алтая. Теперь Василий жил среди гула самолетов, разговоров о «бочках», «штопорах» и «иммельманах», но... зачитывался книгами Станюковича, Соболева и, конечно же, Новикова-Прибоя. В конце концов потихоньку от брата Василий пошел в военкомат и подал заявление в знаменитую «фрунзевку». Получив аттестат, тут же уехал в Ленинград и... вскоре вернулся. Все решила «тройка» по сочинению. Удар был страшный! Василий не находил себе места от горя. Брат утешал: «Иди в радиотехнический. С твоими оценками туда возьмут без экзаменов. Я узнавал». Но Василий решил по-другому: уехал в Петрову Речку и устроился на кузню молотобойцем. Во-первых, силенки поднакачать, во-вторых, поближе к огню — Василий видел себя не на корабельном мостике, а в артиллерийской башне и, в-третьих, никому не хотел быть в тягость и зарабатывать на прокорм себе сам.

Не знал тогда будущий адмирал истинной сути прекрасной русской поговорки: «За одного битого двух небитых дают»,—а жизнь уже примерялась к его душе, его характеру, ковала из него мужчину, способного перенести любые испытания. Есть люди, так ни разу ни на чем не споткнувшиеся, не узнавшие горя, душевных потрясений, настоящей боли. И кто знает, как поведут они себя, свались на них беда, приди серьезное испытание — они к этому просто не готовы. Чем раньше жизнь начнет испытывать юношу на прочность, чем раньше он научится преодолевать всевозможные трудности, тем раньше он станет мужчиной.

Василий Порошин с десяти лет в тайге, в поле, на лесосплаве, ходил с двустволкой на любого зверя, помогал поднимать братьев и сестер, поэтому к семнадцати годам у него был уже настоящий мужской характер, тот, который неудачи не повергают в уныние, а подстегивают! Со второго захода он блестяще сдал экзамены и стал курсантом. Зачисленных в училище тут же отправили в летние лагеря: нужно было пройти курс молодого матроса. Выдали тельняшку, робу, здоровенные ботинки, бескозырку без ленточки (из-за этого курсанты ужасно «комплексовали» — ничего нет нелепее такой бескозырки, но в те времена ленточку вручали лишь после принятия присяги), поселили в палатках, и началось: подъем в шесть, отбой в двадцать два, кроссы, гребля, парус, строевая подготовка, купание в холодном море, изучение уставов, матросский паек.... Выдержали не все. «Маменькины», «папенькины» и прочие сынки, натасканные для экзаменов репетиторами, бросили училище.

— И это хорошо!— с жаром говорит контр-адмирал В. А. Порошин.— Чем жестче испытания, тем лучше. По крайней мере человек успеет выбрать профессию по своим силам и не будет потом маяться всю жизнь. А то ведь, что греха таить, порой с настоящими трудностями молодой офицер сталкивается уже на корабле, когда профессию менять поздно.

— Недавно мне довелось побывать во «фрунзевке». На Доске почета я увидел вашу фамилию, выбитую золотом. Как вам, пареньку из сельской школы, где подготовка, как говорится, оставляет желать лучшего, удалось окончить училище с золотой медалью?

— Все очень просто: я учился не только для того, чтобы стать офицером, но и для того, чтобы получить знания. К сожалению, эту элементарную истину понимают не все, поэтому, придя на флот, в НИИ или на завод, практически начинают с нуля и, если так можно выразиться, частенько «горят». А все потому, что в курсантские или студенческие годы просто-напросто валяли дурака. Думаете, у нас не было двоечников, бузотеров или выпивох?! Были. Но от них беспощадно избавлялись, так что стать офицерами и проскользнуть на флот им не удалось.

— Ваши друзья мне рассказывали, что вы были персональным стипендиатом, получали ежемесячно по тем временам немалую сумму и все время были в долгу... у буфетчицы.

— Это точно,— улыбается Василий Алексеевич.— С долгами я рассчитался уже с лейтенантской зарплаты. А все потому, что у нас была традиция: с каждой стипендии отличник должен вести всех друзей в буфет, а друзья — практически все училище.

— И что... выпивали?

— Ни в коем случае! С этим было чрезвычайно строго. В училище был запрещен даже запах спиртного. Как-то один курсант вернулся из увольнения несколько подшофе. Утром перед строем объявили приказ: рядовым на Северный флот. Но всяких сладостей, лимонадов, пирожных и прочего в буфете было много... Не забывайте, что все мы жили далеко от родителей, кормили нас хоть и хорошо, но

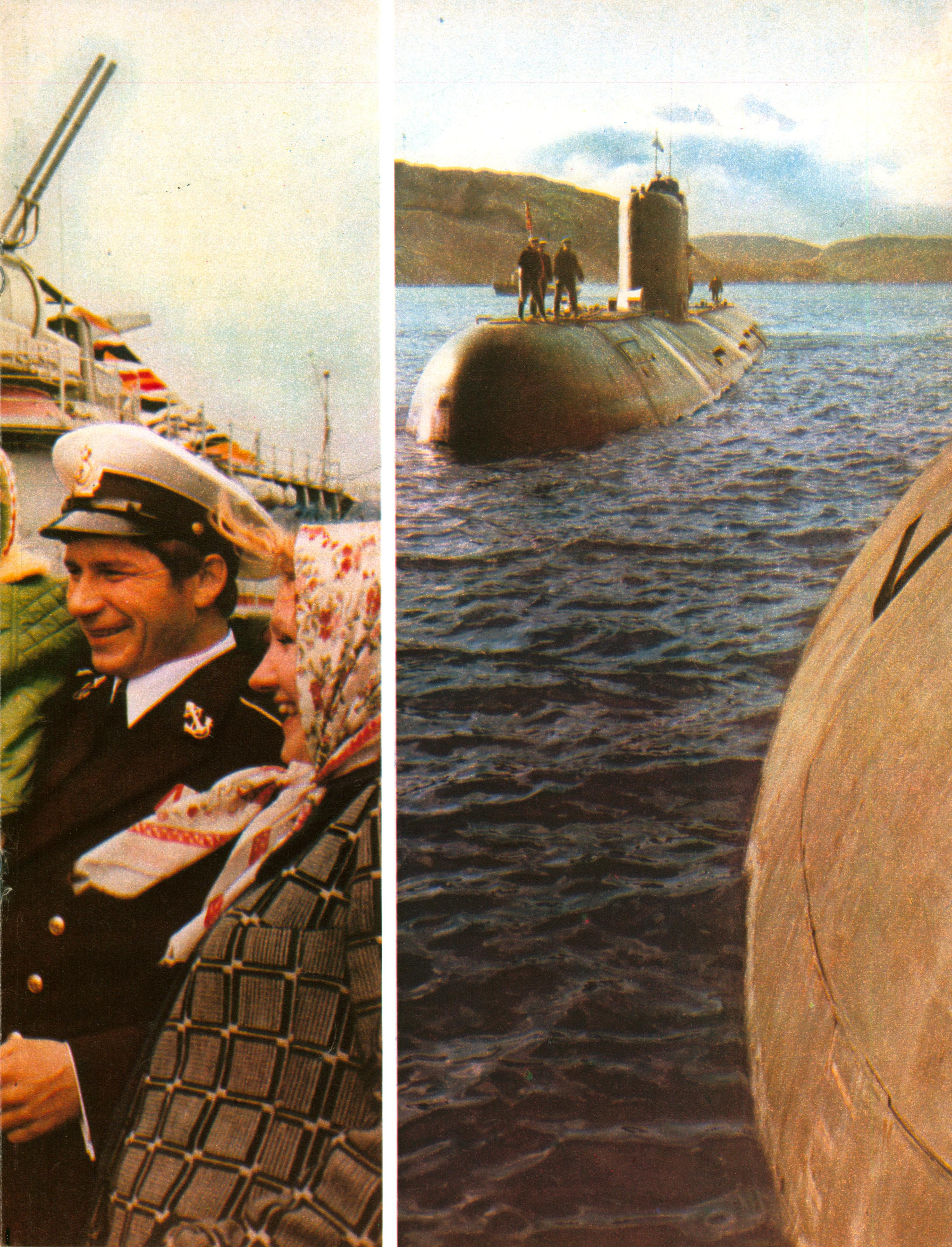
На палубе противолодочного крейсера «Киев» все готово к полетам * Торпедный залп.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: После дальнего похода радостная встреча на родном пирсе * Подводные лодки возвращаются к причалу.

Фото Л. ЯКУТИНА
(журнал «Советский воин»)

51
30

несколько однообразно, а нам по девятнадцать-двадцать лет.

Действительно, девятнадцать-двадцать — возраст совсем юный, но как целеустремленно жили эти юноши, как ярко, интересно и непросто формировался их внутренний мир... Василий Алексеевич разрешил мне порыться в его фотографиях, рассмотреть многочисленные грамоты, дипломы, и вот совершенно случайно я наткнулся на маленький красный блокнотик. Открыл. На первой странице надпись: «Дневник курсанта Высшего военно-морского училища имени Фрунзе». Дальше — адреса и телефоны знакомых, расписание электричек, размышления о прочитанных книгах, увиденных спектаклях. Но вот запись от 16 декабря 1958 года.

«Я все больше начинаю понимать, что в моей жизни основную роль будут играть общественные отношения и дела. Сейчас, как никогда, хочется стать настоящим коммунистом, а как, я еще не дошел до этого. Очень сильно понравились высказывания М. И. Калинина о личной жизни коммуниста. Вот были люди! За такими пошел бы хоть куда без малейшего колебания. Хочется побыстрее испытать себя. Оказаться трусом — для меня равносильно смерти».

Надо сказать, что незадолго до этого курсант В. Порошин был принят в ряды КПСС, причем первым на курсе. Честь, конечно, немалая...

А через девять дней еще одна запись. «Отстоял наряд. Как-то уже привычно и даже не устал. Произошел неприятный разговор с Левой. Он странный человек, старается видеть в людях только плохое: все-то против него. Я зря с ним начал говорить грубовато. Он принадлежит к разряду вспыльчивых людей: если доведешь его до «возгорания», дальнейший разговор бесполезен».

Гораздо позже в одной из бесед я «вывел» Василия Алексеевича на эту запись. Всегда улыбчивый, он сразу нахмурился.

— Да, тот разговор стал для меня уроком на всю жизнь. Тогда я, может быть, впервые задумался о том, что люди разные, что у каждого свой характер, свои представления о других людях и, наконец, каждый исходит в оценке окружающих и даже событий, опираясь на свой жизненный опыт. А он у всех разный! Много лет я служил командиром атомных подводных лодок, а последнее время — командиром части подводных лодок, ситуаций всяких было множество. И вот тут-то чрезвычайно важно найти не только правильный тон в отношениях с подчиненными, но и хорошо знать их сильные и слабые стороны. Моя задача как командира сделать так, чтобы сильные стороны стали еще сильнее, а слабые совсем захирели. В условиях многосуточных автономных походов, когда мы общаемся друг с другом и когда хочется и когда не хочется, ничего нет важнее, чем знать весь экипаж не хуже самого себя.

«26 марта 1959 г. Уходим на практику. Скоро в море. В море же и люди лучше и дела больше. А среди дела и хороших людей всегда хорошо».

— Да, тогда мы шли на эсминце «Буйный»,— вспоминает Василий Алексеевич.— В Средиземном море нас изрядно потрепало: как мы ни храбрились, но от качки страдали почти все. Постепенно, правда, привыкли. Вот запись от 14 мая: «Встретили американские корабли — поприветствовали друг друга и разошлись. Почти все время над нами летает какой-нибудь самолет. Сейчас Валерка ведет прокладку курса, а мы с Женькой ему мешаем — в результате все довольны. Идем вблизи от берегов Алжира. Наши мальчики уже мечтают о том, как в отпуске будут «травить» об Африке».

Этот поход был для нас первым серьезным испытанием — испытанием морем и даже океаном. Но выдержали все! И никто из нас не знал, что впереди ждет куда более трудное испытание. Незадолго до выпускных экзаменов в училище появилось много офицеров в защитной форме: на флоте, как известно, носят черную форму, поэтому представителей всех других видов Вооруженных Сил мы отличали по цвету формы. Все насторожились. А когда поняли, в чем дело, было поздно... Как раз в те годы формировались Ракетные войска стратегического назначения, и лучших выпускников ряда училищ, в том числе и нашего, направляли в эти войска. Представляете, получить новенькую форму, лейтенантские погоны, кортик, сфотографироваться у лучшего фотографа Ленинграда — и сдать все это на склад; видеть себя в орудийной башне крейсера — и уехать далеко от моря. Короче говоря, я надел армейскую форму и стал ракетчиком. Дело прошлое, но переживал ужасно! А когда успокоился, то стал размышлять примерно так: «Подводный флот оснещен ракетами. Мне же с моей артиллерийской подготовкой на подводную лодку не попасть, а я к этому времени твердо решил стать подводником. Значит, надо как следует освоить ракетное оружие — на подводных лодках такие специалисты очень и очень нужны».

Как раз в это время представилась возможность поступить в академию. Поехал сдавать экзамены на заочное отделение, но меня оставили на очном. На всю академию я оказался единственным лейтенантом — все уже минимум капитаны, но учился хорошо, окончил даже с отличием, получил предложение остаться в адъюнктуре. Перспектива заманчивая: защитить диссертацию, стать преподавателем, жить в большом городе... А я по-прежнему мечтал о море. Короче говоря, написал рапорт Главкому ВМФ С. Г. Горшкову с просьбой вернуть меня на флот. Просьбу удовлетворили...

Так капитан-лейтенант Василий Порошин попал на Северный флот. Направили его на дизельную лодку командиром боевой части. И вот первый выход в море. Для командира БЧ первый — в свои двадцать восемь лет он действительно впервые вышел в море как офицер, а его ровесники уже проплавали по пять-шесть лет, стали старпомами, а то и командирами лодок... Василию Порошину снова пришлось, стиснув зубы, учиться, осваивать новую технику и совершенно новую профессию: он мечтал быть не ракетчиком, а командиром лодки.

Сколько сожжено нервов, сколько потрачено сил, сколько набито шишек! Год службы на Северном флоте, потом пять — на Черноморском, учеба на Высших специальных офицерских классах ВМФ и, наконец, снова Северный флот, должность помощника командира атомной подводной лодки. Один за другим начались длительные походы, настолько длительные, что порой удавалось выкроить время для учебы.

— Не удивляйтесь,— говорит Василий Алексеевич,— опять пришлось засесть за учебники, инструкции и наставления. Впереди были сложнейшие экзамены на право самостоятельного управления кораблем. Мне много пришлось сдавать всевозможных экзаменов, но более трудных, чем эти, по-моему, просто не существует. Обычно их сдают в течение нескольких месяцев. Дело в том, что будущего командира лодки сперва экзаменуют все флагманские специалисты соединения, а потом — флота. Осечка непозволительна ни на одном из этапов... Мечта моя сбылась в семьдесят четвертом году: будучи капитаном второго ранга, я был назначен командиром атомной подводной лодки.

Мечта сбылась... Но осознать это не хватало времени: опять дальние походы, подготовка экипажа, освоение новой техники... И вообще, кто точно знает, что важнее и, если хотите, прекраснее — сбывшаяся мечта или дорога к ней?! Ведь если оглянуться на тернистый и очень непростой путь В. А. Порошина, то можно с уверенностью сказать, что он необычайно насыщен и содержателен. Наверное, потому и получился из него хороший командир, что Василий Алексеевич не прыгал через служебные ступеньки, а поднимался по ним не спеша, простаивая на каждой, казалось бы, дольше, чем нужно, но впоследствии это оказалось чрезвычайно полезным.

И тут я не могу не вспомнить одну из записей, сделанных в курсантском дневнике: «Характер — это поступок! Можно без конца рассуждать о том, как ты умен или храбр, но пока это не докажешь на деле, все рассуждения — пустая болтовня».

— Не юношеский ли это максимализм?— спросил я у опытнейшего подводника контр-адмирала В. А. Порошина.

— Нет!— убежденно сказал он.— Я по-прежнему считаю именно так: характер — это поступок. Вот, скажем, такой пример. Ничего нет страшнее пожара на корабле, находящемся в открытом море. Но еще страшнее пожар на подводной лодке: тут уже опасен не только огонь, но даже дым — выпустить его некуда, значит, люди просто-напросто могут задохнуться. В таких случаях должны быть приняты все меры, даже и весьма суровые. Во имя сохранения подводного корабля и экипажа, в отсеке, где обнаружено задымление, люди должны делать все возможное, чтобы найти и ликвидировать очаг. Бывали случаи — во время войны,— когда люди шли на самопожертвование и заливали отсек водой... В такой ситуации многое, если не все, зависит от командира — его реакции, принятых решений и, конечно же, от его личного примера.

— А кстати, Василий Алексеевич, учат ли где-нибудь на командира лодки?

— Нет. Ни в одной академии этому научить невозможно. Командира атомного подводного ракетоносца должен вырастить... командир этого ракетоносца. Все дело в том, что далеко не каждый офицер, как бы он ни был грамотен и профессионально образован, может командовать подводной лодкой. Помимо всех других, командиру лодки нужны особые, специфические качества. Прежде всего очень хорошая реакция — умственная и физическая. Ведь на принятие решения у нас, как и у летчиков, порой отпущены секунды. Заклинило, например, рули, а лодка идет на погружение. Скорость корабля так велика, что за какие-то мгновения он может достичь запредельных глубин — тогда его просто-напросто раздавит. Значит, за эти мгновения надо разобраться в причинах, решить, как выйти из этого положения, дать правильную команду, да к тому же учесть, как быстро эта команда будет выполнена.

Выдержка! Без этого командир — не командир. Чем опаснее и тревожнее ситуация, тем спокойнее надо отдавать команды. Решения принимать мгновенно, а командовать спокойно. Парадокс? Но без этого нельзя: ничего нет хуже и заразительнее паники.

Истинная партийность, понимание того, что выполняешь задание государственной важности, и образцовость во всем — от внешнего вида до соблюдения мельчайших положений уставов и наставлений. Находясь в плавании, подводная лодка выполняет важную задачу, и этому должно быть подчинено все. Больше того, надо сделать так, чтобы это осознал каждый матрос, мичман и офицер: ведь на борту у нас самое грозное оружие, какое только существует, и не наша вина, что оно должно быть в постоянной боевой готовности.

— Короче говоря, можно смело заявить, что командир подводной лодки — ныне главная фигура на флоте,— подводит итог Василий Алексеевич.— Я счастлив, что несколько прекрасных командиров выросло на лодке, которой довелось командовать мне. А до чего же трудно быть еще и педагогом! Ведь чтобы офицер рос, надо дать ему самостоятельность — это аксиома. Дал. А он делает что-то не так, да еще на твоих глазах! Как тут не вмешаться?! Но надо молчать. Надо дать возможность ему самому найти выход из сложной ситуации, иначе он никогда не поверит в свои силы.

И снова я вспоминаю запись, сделанную курсантом В. Порошиным двадцать шесть лет назад: «Сейчас, как никогда, хочется стать настоящим коммунистом, а как, я еще не дошел до этого». Не знал тогда молодой коммунист В. Порошин, что единого рецепта здесь нет, что каждый идет своим путем. Путь В. А. Порошина был не простым, но ясным. Контр-адмирал В. А. Порошин стал настоящим коммунистом и настоящим командиром. Недаром он первым в Военно-Морском Флоте СССР награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» всех трех степеней.

Сейчас В. А. Порошин — слушатель Военной академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. Пройдет время, и снова перед глазами паренька с Петровой Речки будет морское раздолье, снова неделями не видеть берегов, снова который раз будет он благодарить судьбу за то, что давным-давно кто-то из сплавщиков принес к костру рассказ А. С. Новикова-Прибоя «Судьба».

●

Большие противолодочные корабли готовы к отражению атаки «противника» * Штурман воздушного корабля морской авиации лейтенант Александр Хорсун * Корабельные радары слушают тишину... * Ракета стартует с подводной лодки.

Говорят, судьба — это характер. Композитор Людмила Алексеевна Лядова из тех людей, чью судьбу строил характер решительный и твердый. Так уж получилось, что с самого начала все трудности, встававшие на ее пути, она принимала (во всяком случае, внешне) спокойно, не делала из них трагедий и наперед знала, что преодоление зависит только от нее самой.

Как утверждает Людмила Алексеевна, твердость ее воспитана еще в детстве. «С того момента, когда у меня был обнаружен абсолютный слух, спокойная, безмятежная жизнь закончилась: меня сажали за рояль и запирали на ключ». Родители Лядовой, профессиональные музыканты: отец — скрипач, мать — хормейстер,— твердо знали, что музыкой нельзя заниматься между делом — это не развлечение, а служение...

Сегодня, увы, слишком много развелось конъюнктурных, бездарных музыкальных поделок, и все еще мало встречается искренних, написанных сердцем песен. Что и говорить, достичь органичного, естественного слияния гражданственности и эстрадности необычайно трудно. Среди тех композиторов, что отдают свои силы и талант гражданской, патриотической песне, достойное место занимает Людмила Алексеевна Лядова.

Согласитесь: об армии, для армии больше пристало сочинять сильным мужчинам, нежели женщине. Но как тут ни рассуждай, а «Старый марш», «Бей, барабан» и другие военные песни написала все-таки она.

Наверное, тому «виной» ее характер, выработавший не частый теперь максимализм, который требовал не больше, не меньше, как достижения совершенства. Максимализм порой мешал ей, доводил до курьезов, но как был стержнем характера, так и остался. Ну, а курьезы с кем не случались...

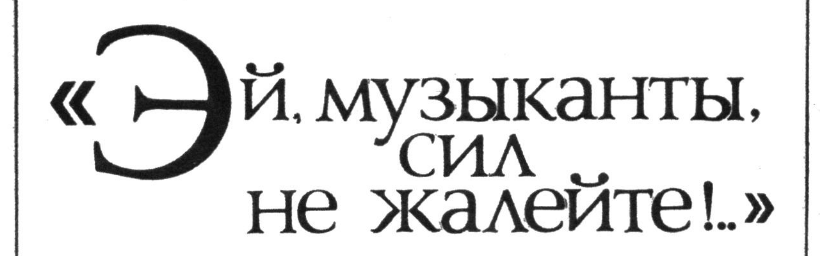
— У меня, между прочим, был такой момент: из консерватории за хулиганство исключали... За хулиганство,— подтверждает Лядова.— Нрав у меня был горячий, отчаянный. Если что не по мне — моментально вскипала. А тут увидела свою фамилию в списке не сдавших зачет... У меня же по специальности только пятерки. Могу ночами не спать, если какую-то трудную, интересную вещь надо приготовить, если где-нибудь на смотре, в концерте играть. А тут такой позор: с моей, тогдашней, *точки зрения*. Я сняла туфлю — *подметка* была из каучука — и *стерла* свою фамилию...

— Ну, а потом?

— А потом комиссия из Москвы приехала! Ректор говорит: срочно нужна Лядова. Играть нужно! Отвечают: ее же исключили. Ну это уж ваше дело, а чтоб играла!.. Пришла я, сыграла «Симфонический этюд» Шумана... В общем, консерваторию окончила неплохо.

Во время гастролей по Советскому Союзу Ван Клиберн услышал Лядову, она играла свой фортепианный концерт. Восхищенный музыкант написал на клавире: «...в Вашем исполнении поражает

«Эй, музыканты, сил не жалейте!..»

и особая выразительность и неповторимая индивидуальность. Легкость, с которой Вы преодолели весь путь концерта».

В 1946 году Людмила Лядова стала лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады — ответственнейшего в те годы состязания. Лядова приехала на конкурс пианистов и, придавая ему слишком большое значение в своей творческой судьбе, нервничала, выступила хуже, чем могла. В итоге — диплом, а вовсе не желанное лауреатство. Ах, так! — решила тогда и, что называется «с горя», пошла на эстрадный конкурс. И победила.

Этот эпизод сыграл большую роль в творчестве Лядовой. И хотя она сама все время подчеркивает, что работа в жанре песни — это лишь часть ее композиторской деятельности, но тем не менее слушатели знают и любят ее прежде всего за этот выразительный, редкий дар. Так мало сейчас композиторов-песенников с таким мажорным, ясным мироощущением.

Рекомендацию в Союз композиторов Людмиле Лядовой дал И. О. Дунаевский. И написал: «По оптимизму она заменит меня...» Выдающийся мастер советской песни, он зорко определил основное в музыке начинающего композитора: все наиболее удачные произведения Лядовой пронизаны светом, бодростью. Веселье, радость, плещущие в лучших ее песнях, рождены не бездумной легкостью, а ощущением уверенности и силы.

Из ясности, основательности, простора окружающего нас мира возникли и те сочинения Лядовой «для маленьких», с которыми росли и растут дети. Изящны, легко запоминаются мелодии из детского альбома: «Почемучка», «Путаница». А помните заставку к телевизионной «Выставке Буратино»?.. Сколько сил и таланта требуют такие вот, казалось бы, простые песенки «для маленьких»? Но маленькие вырастают и помнят их всю жизнь.

— Я в молодости металась из стороны в сторону, то за одно хваталась, то за другое. Столько интересного! Столько нравилось! В какой-то момент увлеклась джазом. И писала в таком стиле. А как-то меня Тихон Николаевич Хренников остановил и говорит спокойно так: «Милочка, зачем тебе это?.. Ты же русская, пиши по-русски...»

Поняла и стала писать иначе. Сочинила несколько романсов на стихи Плещеева и, недолго думая, понесла их Обуховой. Правда, дрожала. Ведь сама Обухова!.. А я с косицами, совсем девчонка. Помню ее комнату — сразу столько цветов и канареек никогда больше не видела. Обухова велела мне сесть. Сказала: поиграй. А потом: «Вот этот романс, «Пленительные звуки», я запишу. Только тебе подождать придется, я очень медленно работаю...» А я всю жизнь была готова ждать!..

Обухова записала тот романс. И по сей день звучат по радио романсы Лядовой в прекрасном исполнении Надежды Обуховой, Зары Долухановой... И если уж говорить о певцах, с которыми довелось работать композитору, то надо вспомнить К. Шульженко, М. Биешу, Б. Руденко, В. Левко, Ю. Богатикова, Л. Лещенко и многих других... Песни Лядовой звучали и звучат с эстрады, телевизионного экрана, в эфире...

Не только трудолюбие, но подлинная творческая ненасытность заставляла Лядову пробовать себя в самых разных жанрах. Балетные, камерные, инструментальные произведения. Блестящая полька поставлена Игорем Моисеевым на музыку Лядовой. Идет на сценах театров оперетта «Под черной маской». Несколько лет назад репертуар детских театров пополнился музыкальной комедией «Сказка про Ерему, Данилу и нечистую силу». Вокально-симфоническая поэма, вокальные циклы, фортепианная музыка... Но, несмотря на огромную творческую работу, Людмила Лядова, заслуженный деятель искусств РСФСР, десять месяцев в году проводит в гастрольных поездках. И это не черноморская Ривьера, а самые далекие, труднодоступные точки огромной нашей страны. На главных стройках пятилеток — там, где еще не приготовлены для артистов концертные залы,— проходят творческие вечера Людмилы Лядовой.

— В Москве да на курортах сидя, много не напишешь,— убеждена она. И еще она знает, что люди, живущие далеко, особенно жаждут музыки, песен. И она пишет специально для текстильщиц города Иванова, для дальневосточных пограничников — и явная эта нерасчетливость у иных вызывает удивление: «Зачем, славу на этом не заработаешь?»...

Но ведь еще древние считали, что, отдавая, человек обретает неизмеримо больше.

Л. ЛУКЬЯНОВА

В РЕДАКЦИЮ ПРИХОДЯТ ПИСЬМА... В НИХ — СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ, ИХ ЧАЯНИЯ, ЗАБОТЫ, БУДЬ ЭТО РАССКАЗ О ДРУЗЬЯХ, РОДНЫХ, КОЛЛЕГАХ ПО РАБОТЕ ИЛИ ОСТРЫЙ СИГНАЛ О ТОМ, ЧТО МЕШАЕТ НОРМАЛЬНО РАБОТАТЬ, ОГОРЧАЕТ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. ТОГДА РЕДАКЦИЯ ОБРАЩАЕТСЯ НА МЕСТА, К РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ВЕДОМСТВ, В ВЫШЕСТОЯЩИЕ ИНСТАНЦИИ С ПРОСЬБОЙ СРОЧНО ПРИНЯТЬ МЕРЫ, ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ.

ВОТ И СЕГОДНЯ, ПУБЛИКУЯ НОВУЮ ПОДБОРКУ ПИСЕМ, МЫ ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ ТЕХ, ОТ КОГО ЗАВИСИТ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ, ПОСТАВЛЕННЫХ Н. НАЗИНЫМ ИЗ НОВОГО ОСКОЛА, М. КРАСИЛЬНИКОВЫМ ИЗ СЕЛА УПОРОВО, Н. КИСЕЕВОЙ ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ. ОСОБЕННО НАС ИНТЕРЕСУЕТ ОТВЕТ НА ПИСЬМО «ЕЩЕ РАЗ О ГРУБОСТИ», ПОТОМУ ЧТО В № 22 «ОГОНЬКА» ДРУГАЯ ЯРОСЛАВСКАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА, Ж. ГОЛЬЦЕВА, УЖЕ РАССКАЗЫВАЛА О ТОМ, КАК НЕВНИМАТЕЛЬНО ОТНЕСЛИСЬ К ЕЕ МАТЕРИ В ОДНОМ ИЗ ПЕНСИОННЫХ ОТДЕЛОВ ЯРОСЛАВЛЯ. И ВОТ ДРУГОЕ ПИСЬМО О ГРУБОСТИ, ТЕПЕРЬ УЖЕ РАБОТНИКОВ ЛЕНИНСКОГО РАЙСОБЕСА...

ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОЧТА ОДНОГО ДНЯ

ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД ЗАВОДА

Каширский завод металлоконструкций славен своими производственными успехами, своими людьми, но сегодня мне хочется рассказать о необычной бригаде, бригаде цветоводов, вот уже много лет возглавляемой передовиком производства Марией Дмитриевной Плотниковой. Вы скажете, какая может быть связь между цветами и металлоконструкциями? Да самая прямая. Как приятно, перешагнув двери проходной родного завода, вступить в густую зелень тенистых деревьев, бросить взор на яркое разноцветье благоухающих роз, махровых гиацинтов, флоксов, гвоздик, георгинов. Любуешься на всю эту красоту, и сразу поднимается настроение, чувствуешь, что заботятся о тебе. Да и в цехах светло, радостно и как-то даже по-домашнему уютно от многочисленных растений, изящно продуманных цветочных уборов на окнах. И всю эту радость создают умелые руки Марии Дмитриевны и ее подруг З. Е. Меньшутиной, В. И. Шмаковой, Т. В. Зелениной, Л. А. Молокоедовой.

Любовь к природе у Марии Дмитриевны с детства. Поэтому и выбрала она профессию садовода, училась в школе мастеров-садоводов. И действительно стала мастером. Приходят к ней посоветоваться, взять рассады, черенки и с других предприятий.

А для М. Д. Плотниковой главная радость — зеленый наряд родного завода, «сшитый» руками ее бригады цветоводов.

Г. СОРОКИН,
ветеран труда завода металлоконструкций

Кашира.

Еще раз о грубости

Более двадцати лет мы с мужем выписываем журнал «Огонек». Ежегодно его подшиваем. Любим этот журнал. Но вот беда: наше почтовое отделение плохо работает. В феврале этого года нам не доставили шестой и седьмой номера журнала. Целую неделю я вела переговоры по этому поводу с начальником и заместителем начальника отделения связи. Они говорили, что, наверное, почтальон не в тот ящик положила журналы, обещали поискать. Я встретилась с почтальоном и очень тактично, спокойно спросила ее о журналах. Она же грубо, раздраженно ответила, что найти журналы не могут, и еще резче заявила: «Не вешаться же нам из-за ваших журналов!»

Унизительно, когда разговаривают таким тоном. Да и жалко, что подшивка за этот год, видимо, нарушится.

А как интересно время от времени перелистывать журналы за прошлые годы, следить за переменой событий в мире, любоваться репродукциями картин известных художников, перечитывать полюбившиеся литературные произведения: «Выбор», «Черные птицы», роман «Война».

Да если бы только почта!

Раз уж я начала разговор, напишу еще об одном факте грубости, касающемся работников Ленинского райсобеса нашего города. В январе моему мужу исполнилось 60 лет. Он инженер, участник войны. Оформил пенсию. 23 февраля, в праздник, он пришел в собес за пенсионным удостоверением и спросил, когда и где ему можно получить пенсию. Женщина, к которой он обратился, долго искала его документы, сесть не предложила, потом вышла из комнаты, возвратилась с бланками удостоверений, нервно бросила их на стол, потом стала заполнять удостоверение. Пожилой седой человек продолжал стоять. Заполнив, сказала, что пенсию он может получать на почте. Кажется, она сделала все, о чем ее просили. Но муж рассказывает, что она не разговаривала с ним, а «рычала», как будто делала ему одолжение, а не то, что ей положено по службе. Спокойный, скромный человек пришел домой какой-то униженный, оскорбленный. Хотел написать жалобу на нее, чтобы она больше ни с кем так не разговаривала, но на совместном совете решили этого не делать. Не в нашем характере писать жалобы. А вот сейчас в связи с грубостью почтальона вспомнили и этот печальный случай в райсобесе.

К сожалению, случаи грубого отношения имеют место во многих учреждениях. С грубостью надо бороться как со злом номер один, она очень унижает достоинство человека.

Н. КИСЕЕВА

Ярославль.

ДОБРЫЙ СЛЕД

Мне сейчас под пятьдесят, а закрою глаза — вижу себя мальчишкой в дедовской каменоломне. Так и хочется взглянуть на стежку, ведущую на Каменную гору. Сколько мой дед вручную обтесал камней? Тысячи и тысячи. Его уже давно нет, а вот дело его рук живет: в каменных фундаментах городских домов, в железнодорожных мостах. Мост, опоры для которого сделал мой дед Федор и его товарищи, уже намного старше меня.

Помню, как-то в детстве я попросил деда взять меня с собой в каменоломню.

— Идем, посмотришь, как добывают камешки, да и сам поработаешь,— согласился он.

Удары у деда были точные, продуманные. Легко, как бы шутя, откалывал он ненужные куски от камня. Смотрю на него — старое лицо, старые руки, а глаза оживленные, добрые глаза человека, который не просто работает, а творит. Беру и я камень. Первые удары кувалдой даются легко, а потом бить по камню становится труднее и труднее. Хочется бросить все, присесть на холодные камни, закрыть глаза... Но я себе говорю, что дедушка ведь старый, а не отдыхает, надо переборот слабость. Бью, бью через силу, вбиваю заклинник в твердый камень, который с каждым ударом становится все тверже и тверже.

— Отдохни, Саша,— говорит дед Федор.— Смотри, как припарился. Молодец, выдюжил, будешь рабочим человеком.— А сам хитро так улыбается.— Знаешь, Саша, в работе человек становится крепче, сильнее...

Мне радостно от его улыбки, чувствую, что он разделяет мою первую победу над собой.

Еще помню, как дед рассказывал мне притчу о мастере, у которого подрос сын и руки у сына стали такими же ловкими и сильными, как у отца. Тогда сын обратился к отцу:

— Ты меня научил всему, и я не знаю, как тебя отблагодарить.

Старый мастер подумал и ответил:

— Долг твой велик. Но ты его отдашь своему сыну. Так учил меня мой отец, твой дед.

Я не стал мастером по камню. У меня другая специальность — фрезеровщик. Я изготовляю основную часть станка — станину. В каждом новом станке есть доля моего труда. И мне, рабочему человеку, тоже хочется оставить добрый след на земле, как оставил его мой дед Федор.

А. СОЛОДОВНИКОВ,
фрезеровщик станкостроительного завода

Оренбург.

СПАСИБО ДОКТОРАМ!

Несколько лет назад случилось несчастье: я получил травму позвоночника, лишился возможности двигаться и, само собой разумеется, работать. Как жить дальше? На первом плане желание победить недуг. Как и многие, прошел курс лечения на месте и начал вести поиски других лечебных учреждений, где помогли бы мне встать на ноги. Мне повезло, мои поиски увенчались успехом. Но не сразу: пришлось преодолевать барьер отказов.

А они начинаются с местных медицинских организаций. Никак не мог я получить в облздравотделе направление в Москву, в реабилитационный стационар. А знал, что делают там чудеса. Еще прослышал о добрых делах в нейрореабилитационном отделении при Омской областной больнице. Но и туда направления не допросишься. Поехал на свой страх и риск. А это ох как тяжело человеку, лишенному движения!

И в том и другом стационарах приняли на лечение. Добрым словом вспоминаю москвичей — доктора Т. Н. Несмеянову и ее верных помощников. Они сделали почти невозможное: мои ноги, до того совершенно беспомощные, вдруг послушались меня, и я сделал первый шаг.

Потом продолжал бороться с бедой в Омске. Методика тамошних врачей давно завоевала признательность медиков и больных. Но, к сожалению, принимать иногородних омичи почти не могут: уж очень мала площадь отделения. С трудом размещается сорок коек. А желающих тысячи. Видят люди, да слухом земля полнится,— почти безнадежных ставят на ноги кудесники-сибиряки: профессор Ю. Н. Савченко и его коллеги. Спасибо им!

Вот к какому выводу я пришел. Беспомощные люди не преодолевали бы тысячи километров, если бы смогли получить квалифицированную помощь по месту жительства. Поэтому люди, оказавшись в несчастье, ищут помощи обходными путями. А ведь все они хотят одного: не быть обузой обществу и семье, приносить посильную пользу.

Н. НАЗИН,
майор в отставке

Новый Оскол,
Белгородская обл.

БУЛКИ ДЛЯ БУРЕНКИ

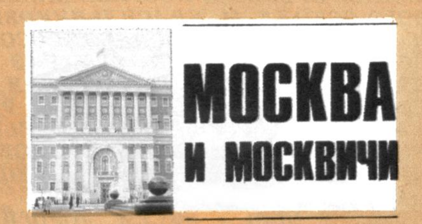
Мы с женой — постоянные читатели «Огонька». И вот обратили внимание, что на ваших страницах время от времени поднимается вопрос о хлебе, о бережном отношении к нему. Но везде ли так? Возьмем, к примеру, наш сельскохозяйственный район, дающий государству хлеб, молоко, мясо и другие продукты. Вы даже не представляете, с каким трудом проходила у нас уборка хлеба в прошлом году. Шли дожди, зерно мокло, дороги все размыло, на спасение хлеба были брошены все, и колхозники и служащие. Можно сказать, что каждая булка полита потом и кровью! А в то же время что же происходит? Вот нам, жителям с. Упорово, как подсчитали специалисты, достаточно на сутки две-три тонны хлебобулочных изделий, а мы потребляем до пяти тонн. Только за 1983 год на корм скоту в районе ушло около 500 тонн печеного хлеба. Получается, что такая пекарня, как Массальская, в течение года вырабатывала хлеб только для скота личного пользования.

А ведь недостатка в грубых кормах у нас нет. Многие держат коров, свиней, овец, на подворьях стоят стога, полные погреба картофеля. Привозят и комбикорма. Но буханка хлеба стоит 18 копеек и корма — 18 копеек. На рынке же у нас продают молоко по 35 копеек, так что от покупки хлеба не обеднеют. Правильно писала наша районная газета «Знамя правды», что такое отношение происходит от бескультурья. Кто-то один первый бросил своей Буренке каравай хлеба, а за ним... Нет, надо принимать какие-то более решительные меры, научить людей относиться к хлебу так же бережно, как относились к нему наши отцы и матери, испытавшие голод войны.

Наш район небольшой, а сколько таких по области, по стране? Интересно подсчитать, сколько же съедают хлеба другие буренки?

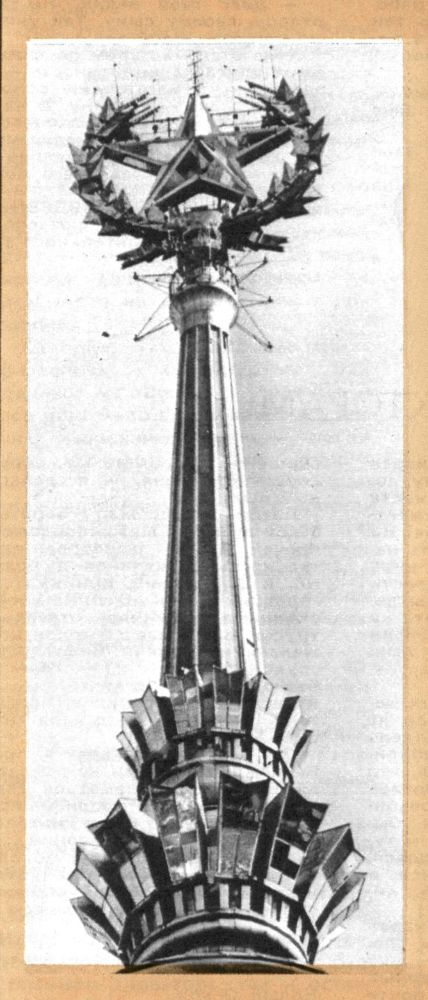
М. КРАСИЛЬНИКОВ

с. Упорово,
Тюменская обл.

И РЕМОНТ, И РЕСТАВРАЦИЯ... ● ЭМБЛЕМА НА ФУРАЖКЕ... ● НЕ ЛАМПОЧКА — СВЕТОВОД... ● ПО РЕКОМЕНДАЦИИ ИНСТИТУТА...

ЗВЕЗДА НАД УНИВЕРСИТЕТОМ

Сияние ее не однообразно — с изменением освещения и звезда меняет цвет: то она золотистая, то она становится стальной, серебряной, а затем вновь отливает золотом. Секрет в зеркалах, которыми облицованы лучи звезды. Они сделаны из прочного алюминированного стекла и все же за тридцать лет потускнели.

Снег, град, порывы ветра не обошли стороной и шпиль главного здания Московского университета и венчающую его на высоте 235 метров звезду.

О реставрации шпиля и звезды нам рассказал управляющий трестом «МГУ-Спецремстроймонтаж» Б. Б. Овезов.

— Звезда размерами сравнима с трехэтажным домом: размах ее лучей — 9 метров 6 сантиметров. Работы по обновлению зеркального покрытия звезды и шпиля университета уникальны. Монтажникам приходится преодолевать 35-метровую высоту по узкой лестнице внутри шпиля. Реставрация шпиля тоже не была простой, она потребовала тщательного обследования стального каркаса. Замеры показали: шпиль выдержит ветровые нагрузки в пять раз больше, чем они обычно случаются в этом районе, на этой высоте. Но все же реставрация металлоконструкций нужна, и она вместе с облицовкой звезды стеклом займет не один год: сооружению возвратят первозданный вид. Полностью восстановят и эффект изменения цвета звезды над шпилем.

...Передо мной зеркало. Толщина его — шесть миллиметров. Мягкий желтовато-оранжевый цвет, гладкая, металлически поблескивающая поверхность... Надежно укрепленный руками монтажников, этот лист скоро займет свое место в одном из лучей звезды.

К. ФЕДОРОВА

Фото Э. Эттингера.

СОЛНЦЕ В МЕТРО

Метро не музей. Метро — подземка, чтобы ездить... Подземка, подземелье? А под землей — дворцы. Светло, чисто, празднично. И даже солнечно. Именно так — специалисты вывели формулу индекса солнечности, в которую входит множество показателей. Они-то и определяют световой облик многих станций. Чем ближе индекс солнечности к единице, тем ближе подземный свет к естественному; тем уютнее и естественнее чувствуем мы себя в метро. Главный инженер службы электроподстанций и сетей Московского метрополитена А. М. Колузаев рассказал мне:

— Пассажиры обычно не глядят по сторонам, но освещение станции подсознательно действует на каждого. И одна перегоревшая лампочка может испортить вид станции. А в Московском метро около полумиллиона разнообразных световых точек. Как-то на «Маяковской» случилась неполадка с освещением, но пассажиры этого даже не заметили: автоматика подала ток из аккумуляторной. Прибыла аварийная бригада и быстро устранила неисправность. Если такое случится на каком-либо метровокзале, выручит аккумуляторный дублер.

Существуют специальные графики работы светильников — для того, чтобы электричество зря не жечь и в то же время чтобы на станциях поддерживать световой комфорт.

Некоторым нашим станциям по полвека. Время идет, оборудование изнашивается. Да и число пассажиров увеличилось в несколько раз. Значит, надо увеличить освещенность станций, что и делается. На «Курской» плывут ладьи-люстры. Поезда ходят — ладьи покачиваются. Светло. А станцию «Серпуховская», где сделана фотография, теперь освещает световод — очень тонкая полимерная пленка, это новый вид освещения.

Внутри «трубы» — двенадцать мощных ламп. Станция залита ровным и мягким светом, он полностью соответствует формуле индекса солнечности.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

Фото Э. Эттингера.

ЧЕСТЬ МУНДИРА

Доподлинно известно: московские мастеровые во фраках не щеголяли. Другое дело косоворотка рабочего, кожаный фартук сапожника, кузнеца, шорника... Какие бляхи прежде украшали грудь бородатых московских дворников! А очаровательная папиросница от «Моссельпрома» — героиня одного из фильмов периода дозвукового кино — примеряла конетливую фуражку, над козырьком которой красуется название фирмы.

А недавно в автобусе я увидел водителя, на комбинезоне которого — четкая надпись «Главмосгортранс». В Главном управлении городского пассажирского транспорта Мосгорисполкома проверяют новую форму одежды для тех, кто управляет автобусом, троллейбусом, трамваем. По заказу главка изготовлены первые образцы таких костюмов. Они сделаны из особого материала: специально обработанная ткань отталкивает воду, масло, почти не пачкается. В рукава вмонтированы светоотражающие угольнички.

Но не только в этом дело. Оказалось, что аккуратный форменный костюм заметно дисциплинирует того, кто в него облачен. Это уже из области психологии, но кто сказал, что она помеха делу?

В наши дни форменные костюмы носят представители многих городских служб. Привычна для глаз форма метрополитеновцев и дорожных рабочих, привычны каски с надписями «Главмосстрой», «Главмосинжстрой», «Главмоспромстрой» и других организаций. В костюмы своей «фирмы» одеты официанты, продавцы, администраторы уважающих себя ресторанов, универмагов, гостиниц... Есть свое отличие и у таксистов. Эмблема с большой буквой «Т» украшает тужурку и фуражку водителя. Москвичам и гостям столицы надо знать одну тонкость. Если вам встретится водитель такси в белой рубашке с галстуком, значит, автомобиль принадлежит 15-му таксомоторному парку.

Ал. НАДЕЖДИН

...И УРОЖАЙ СОХРАНИТЬ

Кому же это неизвестно — урожай мало вырастить и собрать, его надо и сохранить. В Московском институте народного хозяйства имени Плеханова заканчивается разработка нового способа хранения овощей. По-новому начали хранить и посадочный материал в некоторых семеноводческих хозяйствах Московской области — это тоже рекомендация института. Только в столице и области годовой экономический эффект в пять миллионов рублей дал новый способ хранения капусты, с применением закаливания в предуборочный период. Снискал известность разработанный институтом способ консервирования капусты. Он обеспечивает ее хорошие вкусовые достоинства и длительную сохранность. Эти институтские новшества — а они занесены в государственный реестр изобретений! — в масштабе страны позволяют сэкономить не менее 20 миллионов рублей в год...

На кафедре технологии приготовления продуктов общественного питания профессор В. С. Баранов и его коллеги вместе со студентами несколько лет исследовали воздействие пектина на укрепление клейковины зерна. Пектин из моркови получают давно, и казалось — все о нем известно. Но Владимир Сергеевич подумал: коль в моркови есть еще витамин С и каротин, почему бы не использовать и их? Результаты превзошли ожидания. Получились пышные и вкусные булочки. Они и черствеют медленнее. Изобретение уже включено в рецептурные сборники. Булочками занималась аспирантка Роза Шакирова, а вот бисквиты — с добавлением рябины, свеклы, капусты — выпекала Ирина Корсакова. Они работали под руководством кандидата наук Светланы Яковлевны Корякиной. Работа их и интересна и значительна.

И. ТОЛКАЧЕВА

ВНИМАНИЕ — АКТЕРУ

Пожалуй, не так уж много у нас театральных трупп, где на сцене можно сразу увидеть столько ярких актеров, как в Куйбышевском академическом театре драмы имени М. Горького. Поистине драгоценные минуты, высокую радость встреч подарил зрителям Москвы старейший театр Поволжья за время своих гастролей.

Надо сказать, что самарская сцена издавна славилась прекрасными актерами. Здесь играли Пелагея Стрепетова, Мария Савина и Александр Ленский, Вера Комиссаржевская и Павел Орленев... Много сделали в советские годы для становления театра Николай Симонов, мечтавший о сцене больших мыслей и большого сердца. Юрий Толубеев, Василий Меркурьев...

Укрепив за собой славу слаженного, творчески интересного коллектива, театр и сейчас обладает яркими актерскими индивидуальностями. Трудно, даже невозможно перечислить все имена, но нельзя не сказать о руководителе коллектива: народный артист СССР П. Л. Монастырский здесь по праву первая фигура. Он сохраняет прекрасную традицию: любовь и доверие к актеру. Традиция эта, дополненная активной режиссерской мыслью, постоянным творческим вниманием к яркой театральной форме, определяет сегодня лицо театра.

Особое место на куйбышевской сцене всегда принадлежало пьесам Горького. И в прошлые годы именно с воплощением горьковской драматургии связаны достижения театра; и сегодня куйбышевцы познакомили нас с интересным горьковским спектаклем «Дачники».

Как должна быть прочтена сегодня пьеса, написанная в канун революции 1905 года, пьеса, которая имела огромное значение для своего времени, не только передавая очень точно идеи, мысли, настроения русской интеллигенции конца XIX — начала XX века, но и определяла: кто встанет на баррикадах Пресни и пройдет царские ссылки, а кто покроет себя позором ренегатства и предательства...

В постановке Монастырского «Дачники» — спектакль страстный, резкий, я бы даже сказала, сердитый. Спектакль этот дал возможность сказать с театральных подмостков о том, как важно для любого поколения **не оказаться на обочине,** — достойно прожить жизнь, не терять связи со своим народом; как, наконец, не превратиться в дачников — временщиков, сезонщиков.

Необычно решена сценография спектакля художником П. Беловым. Убогие дачные стены обклеены старыми газетами, на них читаются такие, с позволения сказать, советы: «Каким образом получить красивую грудь»... Или: «Чего ищут мужчины»... Да и сами дачники такие же никчемные, убогие: пустота и пошлость, грубость жизни замкнуты в этих стенах. Сплетни, интриги, пустое времяпрепровождение заслоняют главное: эти люди слепы. Они не видят, как прекрасна родная земля, как хороша природа...

К достоинствам спектакля, помимо точных режиссерских акцентов, следует отнести блестящий ансамбль исполнителей. Интересен образ адвоката Басова. В исполнении М. Лазарева это человек страшный — человек с двойным дном. Вроде бы мягкий и добродушный интеллигент, он в то же время циник, консерватор до мозга костей, радующийся неустройству общества, — легче жить, когда вокруг все плохо!

Зато не мирится с нравами басовского дома Варвара — Ю. Вуккерт. Актриса подчеркивает удивительную душевную чистоту своей героини, жажду здоровой и справедливой жизни... Не совсем обычно решен образ Калерии в спектакле: актриса Л. Альбицкая превосходно собрала воедино черты характера этой странной женщины — черты противоположные, порой смешные, даже сатирические; порой грустные, вызывающие сострадание...

Достойно прожить жизнь... Эта тема отчетливо звучит и в чеховской «Чайке», поставленной П. Монастырским.

В разные годы разных художников притягивала к себе пьеса, и каждый театр открывал в ней новое, ранее неведомое, свое. И до сих пор ведь кажется, что она еще не полностью раскрыта и разгадана... Хотя в куйбышевском спектакле на первом плане — вполне закономерно — судьба «подстреленной чайки», Нины Заречной, которая, испытав глубокие страдания, горечь утрат и поражений, все же находит в себе силы возродиться. К жизни, к искусству...

Образ Нины стал камертоном всего спектакля в талантливом исполнении Е. Туринской. Именно она вносит в эту бесконечно грустную чеховскую комедию светлую ноту надежды и веры. Говорю об этом подробно, ибо, к сожалению, во многих современных спектаклях — включая и недавнюю московскую постановку «Чайки» на сцене Театра имени Вл. Маяковского — режиссеры не слишком жалуют этот образ. Как бы забывают, что он был бесконечно дорог Чехову. Мастерски — и очень по-новому — сыгран актером А. Дубровиным Тригорин. Как он сияет, ликует, когда узнает о любви Нины; ему — человеку, отвыкшему от искренности, — любовь юной девушки словно глоток свежего воздуха, а сама она — его путеводная звезда! Но Тригорин утомлен, безволен. И актер, очень точно почувствовав суть своего героя, осуществляет в образе важнейшую мысль: безволие порождает зависимость, рабство... Жаль, что мы не увидели еще и другого исполнителя этой роли — В. Борисова (попутно отмечу, что обидно мало был вообще представлен этот популярный актер на московских гастролях).

В этом спектакле фигура Треплева как бы остается в тени, отходит на второй план. А ведь вроде бы все сыграно актером Н. Шевченко верно. Его Треплев не идет ни на какие сделки с совестью. Он преданно любит Нину... Однако актер не дал нам почувствовать жестокое одиночество своего героя, причины его «непонятности» для окружающих. Мы не увидели в Треплеве **силы личности,** устремленной в завтрашний день, столкнувшейся со многими трудностями на пути первооткрывателя. В спектакле нет ответа: почему он застрелился, — разве только из-за неудавшейся любви?.. А ведь Треплев пришел к самоубийству, потерпев поражение в неравной схватке с пошлостью, дурным вкусом, лицемерием. В отличие от Нины он не нашел в себе силы преодолеть пустоту окружающего и возродиться для другой, новой жизни.

...Интересно и современно, ярко прочитан режиссером В. Муравцом роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (инсценировка Е. Весника). Страстно звучит обличение порока, жадности, попранного человеческого достоинства, отвратительных поступки, которые творит Иудушка Головлев (Н. Михеев).

Однако режиссер не замыкается на этом образе. В спектакле раскрыта **среда,** которая породила Иудушку. Это и маменька Арина Петровна В. Ершовой. Разве не у маменьки Иудушка научился жестокости?!. Это и его братцы — Степан и Павел (Н. Кружков и В. Пономарев), находящие усладу только в пьянстве. Это и отец, шут гороховый, Владимир Михайлович (Д. Букин); это, наконец, хитрая, вездесущая, всегда готовая на предательство Улита (А. Дерябина). Одна лишь Аниньке (Л. Альбицкая) противостоит мракобесию Головлевых, пока не оказывается в паучьих лапах Иудушки. Она весела и безмятежна поначалу, но ощущение тревоги уже витает в воздухе... Не торопясь, тонко, умело растягивает Иудушка свои страшные сети, куда попадает и несчастная Аннинька, очень скоро превращаясь в живой труп.

Пустеет мир. Многих Головлевых уже нет в живых. Чувствует и Иудушка приближение смерти. Но до самой последней минуты он творит зло. И звучит в спектакле очень важная мысль: страшен и одинок служитель зла. И еще: даже один человек может погубить мир.

Доверие к молодежи — принцип куйбышевского театра. Среди наиболее интересных работ молодых — роль Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Совсем молод — точно по Гоголю — Иван Александрович Хлестаков в исполнении С. Кагакова, недавнего выпускника Щепкинского училища.

В первых сценах предстает молодой человек не в лучшие моменты своей жизни: обед в гостинице бесплатно не дают, а денег нет, но вдруг Хлестаков по счастливой случайности попадает в обстановку исключительную. Актер не стремится, впрочем, изобразить своего героя ревизором. Его лицедейство, его враки, бахвальство, игра в рокового мужчину — всего лишь попытка самоутверждения. Ведь он сам не верит до конца в свою невероятную удачу!..

Упиваясь лестью дураков-чиновников, Хлестаков — С. Кагаков все время испытывает тревогу — боязнь, что вот-вот оборвется, кончится все, столь легко идущее прямо в руки: деньги, вино, женская ласка...

Режиссер спектакля П. Монастырский предельно внимателен к социальному раскрытию образов, к исторически верному фону событий, однако спектакль изобилует фантазией, импровизацией, к тому же здесь интереснейшая сценография художника И. Сумбаташвили.

И еще. Спектакль, конечно, очень смешной. Известно, что Гоголь писал пьесу, где нет положительного героя: роль эта неизменно приписывалась смеху. Однако постановка куйбышевцев не только смешит, но опять-таки открывает историческую реальность происходящих событий. С убийственной силой здесь бьют и по той хлестаковщине, которая еще живуча и приносит порою много вреда...

Хорошо известно, что главным объектом творческого исследования жизни на сценах советского театра является наш современник. Однако современность заключается не только в пьесах, в тематике, но и в позиции театра, в форме общения, в средствах сценического выражения. Это принцип работы куйбышевского театра.

Ему чужд модерн, облюбованный сейчас иной режиссурой... Во всех спектаклях живет любовь и внимание к человеку, к его судьбе, к его назначению на земле.

Марина ДМИТРИЕВА

Сцена из спектакля «Дачники». **Фото С. Герасимова**

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЛНЫШКО

Александр ГОВОРОВ

КАК КЛИКАЮТ СОЛНЫШКО

— Солнышко, солнышко,
Загляни в оконышко,
Выгляни,
Выплесни
Свет
с теплом
вослед!..
...Выглянуло,
Выплеснуло,
Что?
С теплом
и свет.
Свет смеется,
Сеется
И стелется
весь день...
И вот
У злого северца
Съежилась
и тень.
Северцу — неможется.
Солнышку —
ура!
И всем теперь
Не ежиться,
Не морщиться
с утра.

ОЛАДУШКИ С СЕКРЕТАМИ

Вкусные оладушки
Печет
сегодня
Бабушка,
Горячие,
Отличные
С корочкой
Ко-
рич-
не-
вой!
Но мне сказала
Бабушка:
— С секретами
оладушки.
Еще сказала бабушка:
— Кусаются
Оладушки,
Кусаются за пальчики,
Коль пальчики
Запачканы,
Поэтому,
поэтому
Оладушки
с секретами.
А я
секрет открою,
Лишь пальчики
Помою.

ТРУДНАЯ РАБОТА

Я сижу,
Или
лежу,
Или просто так
Гляжу.
А когда мне надоест —
Спать,
лежать,
Бездельничать,—
Требую
попить,
поесть —
Начинаю вредничать:
То мне
шапку
Подавай,
То мне
шубку
Надевай...
Сбилась с ног
Моя сестра,
Все по дому топает —
У меня
она
с утра
Бабушкой
работает.

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

А куда уходит детство,
Бабушка,
Мне неизвестно.
— Да куда
Ему и деться,
Если детство
Вечно.
— А куда твое
Девалось?
— Никуда не делось:
С детством
Столько красовалась,
Сколько
мне хотелось.
Ах,
как я его
Носила
В той
и в этой
Ручке...
А потом
И подарила
Самой
лучшей
внучке.

ОБИДА НА ВЗРОСЛЫХ

— Дедушка, дедушка,
Ты что заладил:
«Деточка»,
Да «миленький»,
Да «слабенький»,
Да «маленький»,
Да «сладенький»...
Ты,
дедушка,
Не бабушка,
А как она,
Поёшь.
Ведь у нее —
Лишь «лапушки»
И «лапушки»
сплошь.
Но ты!
Но ты!..
И —«деточка»,
«Ля-ля»,
«ля-лю»,
«сю-сю»...—
Из-за тебя лишь,
Дедушка,
Машенька,
девочка,
Дразнится вовсю.
Лишь встречу,
Слышу:
— Хиленький,
Слабенький,
нескладненький,
А то еще —
«шкилет»!—
Я не компотик сладенький,
А я
Мужчина,
дед!
— Да, внук,
Дела серьезные
У вас,
гляжу, сейчас...
— Дед,
Почему же взрослые
Не понимают нас?

СТАНУ КОСМОНАВТОМ

Я у оконышка сижу,
Сижу,
За звездами слежу:
Вон та
Похожа на слезу
С искоркой в середке,
Вон та,
Что от нее внизу,
Совсем как ягодка в лесу,
Ползет
По влажной тропке.
А выше
Вижу
пустоту,
Чернее ночи даже.
Но верю
также:
Там звезду
Найду —
она чуть дальше.
Я у оконышка
Сижу,
Сижу,
За звездами слежу.
Жить
и работать
Я хочу
На самых
дальних звездах...
А как
устану —
Прилечу
К бабушке
на отдых.

ДРАКА

Вот несчастье так несчастье
Прицепилось цепко.
Как же так?
Лишь мне все чаще
Попадает крепко.
А за что?
Судите сами —
Из меня,
однако,
Вот с такими
Кулаками,
Вот с такими синяками
Так и лезет...
драка.
Ей
совсем не потакаю,
Трудно с ней
ужасно...

Я ее в себя
Толкаю,
Я ее в себе
Таскаю,
Ото всех ее скрываю —
Только все...
напрасно.

ПРОСЫПАЕТСЯ СОЛНЦЕ

С утра
По всему поднебесью
Несется:
— Пора!—
Просыпа...
просыпается
Солнце!
— Солн-це!..
А если б осталось
Оно во дворе
И темною долгою
Ночью светило,
То как бы проснулось
Оно на заре
И, не зевая,
По небу ходило?

КАК УХОДИЛИ ТУЧИ

— Уходите, тучи, прочь —
Хватит грязь
С утра толочь,
Солнышку пора работать,
Вас
уже терпеть невмочь!
Уходили тучи так —
Кое-как
И как-никак.

Что же,
Скатертью дорога,
Грязи много?
Э... пустяк.

И уйдут совсем вот-вот.
Ты взгляни на небосвод:
Тают быстро,
Станет чисто,
Только солнышко
Вздохнет.

— Уходите, тучи, прочь,
Хватит грязь
С утра толочь.
Солнышку пора работать,
Вас уже терпеть невмочь.

ОДНОМУ НЕ СПРАВИТЬСЯ

Зернышко к зернышку —
Вот и урожай.
— Солнышко,
солнышко,
Из туч вылезай!
Забито небо
Тучами,
Тучными,
скучными,
От полюса
До полюса —
Все небо
в тучах сплошь...
— Нет,
Моего-то
голоса
Маловато
все ж.
Вот если б
Мамы с дочками,
Да с папами,
с сыночками,
Да с бабушками
Дедушки
Грянули бы:
— Солнышко,
Солнышко,
Загляни в оконышко,
Вслух
и во весь дух,—
От удивленья б
Солнышко
Выглянуло вдруг.

Фото А. БОЧИНИНА

НАТЮРМОРТ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Пожалуй, вряд ли встретишь в искусстве более неточное определение. «Копированием мертвой природы» с пренебрежением назвали французы на исходе XVIII столетия немодный в то время жанр, и эти слова — поистине неисповедимы прихоти людской молвы!— прочно утвердились в лексиконе. Известен и другой термин, голландский, «тихая жизнь», появившийся на полтора века раньше, в 1650 году. Он более точен и справедлив, ведь предметный мир в той или иной степени сопутствует человеку, живет одной с ним жизнью и может многое поведать о вкусах и увлечениях художника.

Подлинные жемчужины этого жанра начиная с XVI и до начала XX века недавно были показаны в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Картины из девятнадцати музеев Советского Союза и ГДР представляли натюрморт в европейской живописи, его лучшие и совершенные образцы. Когда-то незначительный, второстепенный жанр погрузил зрителя в атмосферу быта и нравственных исканий голландца XVII века, дал возможность соприкоснуться с духовной жизнью современников французских энциклопедистов, обнажил творческую лабораторию, художественный метод крупнейших мастеров Восточной и Западной Европы, работавших на рубеже последних столетий...

Сегодня на вкладке «Огонька» всего лишь пять произведений этой обширной экспозиции, но и они дают представление о разнообразии натюрморта и его развитии во времени.

...Холст голландского художника Питера Корнелиса ван Рейка ломится от обилия съестного. Тесно, душно на полотне среди этих припасов, но ничего нельзя упустить, заказчик — очевидно, владелец небольшой харчевни — дотошен, желает показать, что все у него есть для обильного, сытного обеда, а заодно и потешить свое тщеславие. Но пятнадцать лет, проведенные Питером Корнелисом в Италии, не прошли бесследно. Как светлый лучик в картине простое, милое лицо кухарки. Этот мягкий поворот головы, открытое чело, кроткий, чуть печальный взгляд напоминают героинь с полотен итальянских мастеров; ван Рейк, конечно, знал и Караваджо. Кухарка на холсте голландца кажется богиней плодородия — Помоной. Но художник из Делфта у себя на родине стеснен рамками пуританской морали и не может в полную силу, как флорентиец и венецианец, упиваться радостью земного бытия, той красотой, которую дарит природа. Он пишет кухню и вместе с тем изображает четыре стихии, набрасывает привлекательное женское лицо, и в то же время как бы предостерегает зрителей от чрезмерных увлечений чувственной плоти. Нам теперь и невдомек, какими сложными символами и аллегориями был изощрен разум человека тех дней. Например, мясо, овощи и фрукты означали «землю», ушат с черпаком — «воду», а дичь —«воздух». Современники обожали картины с намеками, искали в них подтекст и очень ценили живописцев, умевших хорошенько их заинтриговать.

Фламандец Франс Снейдерс родился и жил в Антверпене, учился у Питера Брейгеля Младшего и достиг большого совершенства в писании охотничьих трофеев и «кладовых». Рубенс, Ван Дейк, Ян Брейгель Старший приглашали его писать натюрморт в их полотнах. Ему заказывали картины король Испании Филипп IV и эрцгерцог Леопольд. Холст с лебедем, судя по всему, относится именно к таким произведениям. Блистательно и виртуозно, но с холодностью в душе изображает художник дворцовое помещение, богатую добычу охотников и борзую, которая, учуяв запах дичи, тянется к столу. Тут же корзины с фруктами, омары на дорогом блюде. А в углу, словно для того чтобы оживить своим присутствием это действительно мертвое царство,— слуга с подносом. В ход пущены иные символы: все говорит о знатности, роскоши, о власти.

В те же самые годы в университетском городе Лейдене работал Питер де Ринг. И естественно, что он писал не овощные или рыбные «лавки», «кухни», а предметы, окружавшие образованных горожан, как в натюрморте с музыкальными инструментами. Но почему так небрежно брошена скрипка, будто теперь она никому не нужна, вещи свалены в беспорядке, в странном соседстве, как ненужный хлам? Скрипка, флейта, ноты; рядом песочные часы, глобус и раковина «наутилус»; игральные кости, пустые кошельки, жемчуг на золотой цепочке. Книга с загнутым углом, на открытой странице прочитываются слова: «все мирские радости есть ничтожная трава» и тут же рисунок — человек, пускающий мыльные пузыри. Мы с вами увидим на полотне приметы быта просвещенного голландца, восхитимся работой мастеров, сделавших эти вещи, вдохнем аромат далекой эпохи. Но современники читали картину как новеллу, она о многом говорила их уму и сердцу. Например, о том, что жизнь быстротечна, что богатство и власть — пустое тщеславие. А может быть, еще о том, что тленно все, вечно лишь искусство. С тех пор, как в 1565 году вышла «Книга эмблем» Юниуса, зрители постоянно искали во всем подтекст, каждый предмет имел для них какой-то скрытый смысл. На холсте множество аллегорий, это настоящий ребус. Но что же здесь главное? Печаль и сожаление об уходящих годах? Грустное предостережение «Memento mori», начертанное на раскрытой книге? Выполнял ли художник заказ мистика или это были его собственные, выстраданные мысли? Трудно теперь сказать...

Но времена менялись. И ровно век спустя, в 1755 году, француз Шарден, современник Дидро и Вольтера, с иным чувством пишет атрибуты искусства. Это часть его собственной жизни, его души, уголок мастерской. Книги, гипсовый слепок с античной головы — все просто, сдержанно, даже строго. По тому, как они размещены в пространстве, мы можем воссоздать образ их хозяина и не ошибемся, если скажем, что человек этот много трудился и размышлял о творчестве...

Экспозиция в пушкинском музее, составленная остроумно, с большим уважением к жанру натюрморта, помогла увидеть нити, протянувшиеся в искусстве через века, проследить, как с годами трансформировалось восприятие и мировоззрение художников. От скрипки на полотне де Ринга — к «Скрипке» К. Петрова-Водкина. Она стоит на подоконнике, бережно прислоненная к раме окна, в тусклом свете слякотного петроградского утра. 1918 год. Суровое время, холодные синие тени и скрипка, трагически напряженная, вся словно натянутая струна, готовая вот-вот взорваться страстной мелодией. А дальше —«Скрипка и гитара» Пикассо. Вернее, отдельные их части — дека, гриф, извилистый край. Все разъято, разбито, словно пущено по ветру. И дата создания: между 1912—1914 годами, накануне первой мировой войны. Нет гармонии в этом мире, кричит, стонет полотно художника.

Разные возникают ассоциации, когда видишь картины в ретроспекции. Живописец из Харлема Йозеф де Брай в 1656 году написал «Натюрморт со стихотворением в похвалу селедке». Подле лежащих на блюде кусков, на мраморной доске, как на памятнике, художник выписывает оду, сочиненную современником. Это своеобразный мемориал рыбешке, которая кормит бедняка и дает разбогатеть богатым: с тех пор, как был найден способ ее засола, а значит, и возможность хранить и перевозить в разные концы света, в Амстердам потекли потоки золота. Как истинный человек своей эпохи, художник знал и то, что селедка — символ поста, и толковал ее как намек на вред чревоугодия и пышных застолий в пользу умеренности.

Еще одна картина —«Подрамник, папка и гипсовый барельеф». С нею связан маленький эпизод далекого прошлого... Февральским днем 1849 года, вернувшись с показа картин, ученый-славист В. Григорович засел за письмо своему хорошему знакомому А. Мордвинову (это у его полотна мы остановились сейчас). Григорович сообщал из Петербурга о работах, которые вызвали большое любопытство. «Особенно рамка, натянутая холстами, к которой приставлен морской вид, писанный на картоне, всем нравилась и всех обманула и даже казалась ненаписанною...». Мордвинов был любителем, вольным общником Академии художеств и сам часто сочинял натюрморты, подобные тому, что описал приятель,—«обманки». Художники издавна делали вещи, создававшие полную иллюзию реальных предметов. Из античности пришло к нам изображение виноградной грозди, будто только что сорванной, полной солнца и сока, объемной, живой. Такого рода произведения занятны, искусно сделаны. И только. Но настоящее художество свершается в тот час, когда на полотно с движением кисти мастера перетекает волнующая его идея; восторг и восхищение красотой, природой, мечта о совершенстве мира, утверждение духовных, нравственных ценностей.

«Одной из самых острых бесед живописца с натурой» назвал натюрморт К. Петров-Водкин. Здесь художник остается один на один с собственным ощущением живописи. В последнее столетие именно в таких работах откровенно высказывается творческое кредо. ...«Персики и груши» Сезанн написал в свой так называемый «конструктивный период», когда он стремился обнажить форму, ритм, материальность предмета, а затем вновь вылепить его цветом. И нам передается безудержная энергия творца, его небывалая острота восприятия. А поблизости в экспозиции «Айва» Ван Гога, совсем небольшое по размерам полотно, в котором в полной мере отразился живописный метод неповторимого мастера. В Арле, на юге Франции, в 1888 году, за два года до смерти, он написал золотые, будто созданные из частиц солнца, плоды в светоносном голубом потоке, заполнившем пространство, и достиг того самого «страстного выражения», к которому всегда стремился. Тут в каждом мазке — нерв художника, его открытая страданиям, взволнованная душа. Иной темперамент — спокойный, привычный — у последователя Мюнхенской школы немца Макса Теди. «Деревянные башмаки» созданы почти одновременно с натюрмортами Сезанна и Ван Гога, но все здесь иное: язык, пластика, ощущение цвета. Он писал этот холст, когда путешествовал по Голландии; отсюда жемчужный, серый, будто размытый влагой прибрежных туманов колорит. В пустую комнату сквозь высокое окно сочится приглушенный матовый свет, на полу, в углу, аккуратно стоят башмаки, словно след, оставленный человеком... Это натюрморт в интерьере.

...Расцвет русского натюрморта в начале нынешнего века можно сравнить лишь с тем, что происходило в Голландии за три столетия до того. Редкий художник в России не отдал ему дань, не заявил в нем о своих пристрастиях в живописи, об отношении к жизни. Многое изменилось за века, неизменными остались искренность и вдохновение, с которым исполнены произведения. Светящийся, вибрирующий «натюрморт настроения» К. Коровина, утонченно красивые постановки П. Кузнецова, в которых все передает романтическую, ищущую покоя и гармонии натуру автора, яркие, пряные композиции А. Шевченко, разудалая цветность А. Лентулова. От вывесок — магазинных, булочных, чайных —«Хлебы на зеленом» П. Кончаловского: витые булки, калачи, баранки, ситники. На память приходят слова И. Машкова, его товарища по обществу «Бубновый валет», сказавшего о своей с подобным сюжетом картине «Московские хлеба»: это «наша матушка Россия»...

На заре своего появления натюрморт многое открыл людям. Он научил их любоваться цветком — его изяществом, лепестками, красками, разнообразием оттенков птичьего оперения, нежным переливчатым покровом обитателей моря. Он обратил внимание на прекрасные творения своего собрата по искусству, выполнявшего из стекла и металла прекрасной формы бокалы, кубки, чаши. А главное — он обнаружил смысл вещей в окружении человека. «Тихая жизнь» давно уже стала активной, а в полотнах настоящих мастеров натура не бывает мертвой.

Франс Снейдерс. 1579—1657. НАТЮРМОРТ С ЛЕБЕДЕМ.

Выставка «Натюрморт в европейской живописи».

Жан-Батист Шарден. 1699—1779. НАТЮРМОРТ С АТРИБУТАМИ ИСКУССТВА. 1755.

Выставка «Натюрморт в европейской живописи».

Поль Сезанн. 1839—1906. ПЕРСИКИ И ГРУШИ. 1888—1890.

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Князь Юрка Голицын

С детства до седых волос его звали Юрка. Не Юрий и не Georges, как было принято в тех кругах, где он вращался; французов изгнали с горьких полей России, но не из гостиных, не из пансионов и классных комнат — месье и мадам по-прежнему оставались главными наставниками дворянских детей — и уж подавно не из языка. Аристократы объяснялись только по-французски, иные, как военный министр, впоследствии шеф жандармов, князь В. А. Долгоруков, не могли набросать по-русски коротенькой записки; сам Николай I, русский царь, бестрепетной рукой писал: «арьмия», «перьвый», «пущай». О том, как прижилась к Голицыну, красавцу богатырю, его кличка, красноречиво свидетельствует такой случай. Когда он женился, молодая Голицына сочла необходимым представиться его тетке Долгоруковой. Красивая, гордая до спесивости дама приняла новую родственницу необъяснимо сухо. Она небрежно осведомилась: «Который Голицын ваш муж?» «Georges»,— пролепетала Екатерина Николаевна, маленькая, миловидная, ужасно застенчивая. Долгорукова холодно кивнула и повела своих гостей показывать недавно приобретенные картины. Екатерина Николаевна ушла от нее в слезах. Это стало известно другой тетке князя — Потемкиной. При встрече она укорила сестру за дурной прием, оказанный жене Юрки.

— Как Юрки?— вскричала пораженная Долгорукова.— Что же она сразу не сказала? А выдала себя за жену какого-то Жоржа. Мне и в голову не пришло, что речь идет о Юрке.

И она хотела немедленно ехать к Екатерине Николаевне с извинениями.

Юрку Голицына любили и побаивались. У этого колосса с простодушным, открытым лицом, рано украсившимся великолепными бакенбардами, усами и подусниками, был живой, насмешливый ум, острый язык и всегдашняя готовность к действию: мужчину, даже родовитого, он мог запросто поколотить, а потом с величайшим хладнокровием выйти к барьеру, женщину смутить, выставить дурой. И все-таки его любили — за сердечность, честность, размах, прямоту. Недаром профессор Московского университета А. З. Зиновьев говорил: «Даже самые недостатки князя Голицына более симпатичны, чем достоинства других».

Голицын принадлежал к одному из лучших родов, ведущих свое начало от Гедимина; лишь Рюриковичи, потомки легендарного варяга, считались еще знатнее. Почему тот Гедиминович, от которого пошла фамилия Голицын, так обнищал, что получил кличку «Го́лица», неведомо, да ведь зря не прозовут. А был он сыном боярина Булгака и правнуком князя Новгородского и Ладожского Наримунда (в крещении Глеба), что приходился сыном великому Гедимину. Го́лица быстро заставил соотчичей забыть о своей худобе, прославившись в походах «мышцей бранной». Он удачно воевал против крымских татар и менее счастливо — против Литвы. Взятый в плен под Оршей, он освободился лишь за два года до смерти, которую встретил послушником в Троице-Сергиевом монастыре.

Его сын умножил воинскую славу Голицыных, удержав хана Сахиб Гирея на Пахре; в дальнейшем он был одним из главных воевод при взятии Казани. В роду Голицыных числилось двадцать два боярина, три окольничих, два кравчих. Словом, на предков Юрию Голицыну не приходилось жаловаться. Он не кичился своей знатностью, слишком бесспорной и непреложной, идущей из глубины веков, из полулегендарной тьмы. Что не мешало этому противоречивому человеку ронять такие сентенции: «Мне приходилось позволять аплодировать себе даже тем, у кого нет предков». Он был создателем и капельмейстером сперва крепостного хора, а после освобождения крестьян — наемного хора, с которым объездил пол-России.

Как только его не называли: «последний из могикан российского барства», «обломок всея России»,— не умещающийся в обычных пределах, он поражал современников переливами своего оригинальнейшего характера, громадной необузданной личностью, порожденной русскими пространствами, грозами и ветрами, вьюгами и метелями, печалью бескрайней земли и бешеной удалью, без которой не одолеть, не осилить пустынной разобщенности. И все же мне не пришло бы в голову тревожить тень бывшего баловня гостиных, губернского витии, блистательного камергера, бесстрашного дуэлянта, кутилы, картежника, любимца женщин и острослова, если бы он не получил права в исходе своего века сказать: «Я не был рожден помещиком. И, конечно, в чужих ли краях буду или на родине, однажды принятого решения я никогда не изменю и останусь тверд в намерении моем — жить собственным трудом».

Его детство складывалось так, чтобы дать полную волю неистовой натуре. Он рано потерял мать, которую обожал; для него, как и для Лермонтова, это оказалось невосполнимой утратой на всю жизнь. Когда служанка принесла ему горестную весть, малютка Гаргантюа сшиб ее с ног ударом кулачка. То была расплата за нестерпимую боль, какую она ему невольно причинила.

Отец его был личностью незаурядной. Высокоодаренный музыкант-любитель, один из лучших виолончелистов тогдашней России, меломан, тонкий музыкальный критик, он удостоился дружбы нелюдимого Бетховена, который написал и посвятил Голицыну увертюру «Освещение дома» и создал по его заказу три знаменитых «голицынских квартета». Усилиями Голицына состоялось исполнение величайшего после 9-й симфонии произведения Бетховена —«Торжественной мессы». Он привлек лучших артистов немецкой оперной труппы, выступавшей в Петербурге, и хор из певчих придворной капеллы.

Таланты Николая Борисовича Голицына не ограничивались музыкальной сферой: он писал стихи и одним из первых перевел на французский язык и лирику и гражданские стихи Пушкина, за что поэт письменно благодарил его. Участник войны двенадцатого года, храбрый офицер, аристократ с головы до пят, европеец по взглядам, привычкам, всему поведению, он вступил в конфликт с официальной церковью, опубликовав в Лейпциге брошюру, содержащую хулу на русское православие. Он был фигурой своеобразной и вместе с тем типической. Серьезные размышления, окрашенные скепсисом, музицирование, чересчур осмотрительное, ибо он не хотел переступать черты, отделяющей чистоплюйное дилетантство от черного пота профессионализма (на это решился его сын), не мешали ему быть дамским угодником, изящным светским пустословом, желанным и усердным посетителем салонов. Недюжинный, очень одаренный и едко умный человек, он прожил как-то сбоку от своего времени, не решившись всерьез вмешаться в его коловращение. Во всем он останавливался на пороге: в музыке, поэзии, идейной борьбе — еще шаг, и он бы резко обрисовался, выделился в групповом портрете петербургских и провинциальных светских львов. Но этого усилия он не сделал — не хотел.

И вот перед путешественником развернулись заграничные виды. Капельмейстера Голицына не знали в Европе, зато знали его отца как друга и покровителя Бетховена, и это открывало ему дома и души музыкантов. Знаменитый Мейербер, которого Юрка не застал во время импровизированного визита, поспешил к нему сам и, очарованный экзотичностью облика азиатского вельможи в сочетании с едким, вполне современным остроумием и тонким музыкальным вкусом, провел у него целый день. Мейербер предложил встретиться в Париже, куда он уезжал на премьеру своей оперы. Голицын брал уроки у Рейхеля в Дрездене, у Гауптмана в Лейпциге. В Дрездене, наскоро обучив хор и оркестр местного оперного театра, он дал концерт русской духовной музыки, а на бис исполнил оба хора из «Ивана Сусанина»,— старожилы утвержда-

Главы из новой одноименной повести. Полностью печатается в журнале «Наш современник».

ли, что таких аплодисментов и оваций не слышали стены дрезденской оперы. А Голицын радостно открыл, что сам не ведает своих дирижерских возможностей.

Серьезные занятия музыкой не мешали князю с той живой заинтересованностью, что пробуждалась в нем, как только замолкали дурные страсти, наблюдать окружающую жизнь: опрятные и веселые города, тучные нивы на песчаных почвах и буграх, откормленных, крепких лошадей, на которых «не стыдно в Питере по Невскому проехать», отмытых с мылом, чуть ли не «завитых» свиней. Напрашивались печальные сравнения...

Юрка не был бы Юркой, если б не приперчил все это благолепие скандальной историей, кончившейся дуэлью. Нет, имевшей весьма необычное продолжение, но князь так и не узнал об этом.

Казус случился в Париже с одним французским маркизом, пользовавшимся репутацией глубокого знатока музыки, тонкого ценителя поэзии, искусного миниатюриста, хотя он никогда нигде не выставлялся. Дилетант высокой пробы — множество талантов в самых разных областях, но ни одного фундаментального. Ко всему еще маркиз был книжником и полиглотом: Шекспира читал по-английски, Сервантеса — по-испански, Данте и Петрарку — по-итальянски, Гёте и Шиллера — по-немецки, Пушкина — по-русски. Сухопарый, с выражением утонченной иронии на узком, морщинистом лице, хотя был далеко не стар, иронии не умиляемой, а усугубляемой привкусом слащавости, он словно щадил слабость и малость собеседника и снисходительно подсахаривал свои сарказмы, маркиз играл под XVIII век, что забавляло, даже по-детски радовало Голицына и нисколько не раздражало. До того дня, когда после концерта маркиз пожелал высказать свое мнение об услышанном.

— Это очаровательно,— говорил француз, соря улыбками, привлекавшими внимание окружающих: он всегда играл на публику.— Быть может, чересчур тягуче и замедленно, а ведь жизнь так коротка! Но тут ничего не поделаешь, это заложено в природе русской музыки. И знаете, что мне пришло в голову, князь? Я понял, откуда идет отсталость России. Татары, монголы?.. Нет, все началось куда раньше. Пример Европы доказывает, что нашествия не тормозят почти до полной остановки исторического процесса. Все дело в ваших песнях, да, да, в ваших песнях. Не делайте такого удивленного лица. В глубокой древности собрались славяне у костра (впрочем, они едва ли ведали, что их имя — славяне) и запели песню.— У маркиза было такое выражение, словно он медленно разжевывает ароматную шоколадную конфету.— Ну, хотя бы «Летят гуси». Ваш хор прекрасно исполняет эту томительную песню. «Летят гу-у-у-у-у-си... Эх, да летят гу-у-у-у-у-си... и э-э-э-э-х!..»— Нельзя было не восхищаться чистотой его произношения и точностью слуха.— Пока вы пели о гусях, Европа пережила нашествие готов и гуннов, вступила в средневековье с его кострами и дивным искусством, бряцала рыцарскими доспехами, потом изобрела порох. Когда ваши добрались до уток: «И две у-у-у-у-у-утки... э-э-э-э-эх... да и две у-у-у-у-у-утки!..»— у нас уже отсверкал Ренессанс, скатилась голова Карла I, Гарвей открыл кровообращение, Ньютон — свои знаменитые законы, Адам Смит — свои. Приближалась великая Французская революция, от голоса Мирабо дрожали стены зала для игры в мяч, Джеймс Уатт построил паровую машину, а в России мучительно пытались соединить две строки в куплет: «Летят гу-у-у-у-си, э-э-э-э-эх, летят гу-у-у-у-си да две у-у-у-тки, э-э-э-х!..» Давид создал «Клятву Горациев», наполеоновские усачи скакали по Европе, а ваши только дотягивали...

— Но дотянули в самый раз! И всыпали по первое число вашему Наполеону!— быстро сказал Голицын. Его бил колотун, он боялся, что окружающие это заметят, но сейчас, осадив маркиза, чуть успокоился.

— Я говорю о цивилизации, дорогой друг,— с кислым видом заметил маркиз,— а это совсем другая материя.— Конечно, другая, но

уколол этот увалень ловко, маркиз никак не ожидал такой прыти и разозлился.— Орды Атиллы сокрушили все на своем пути, а теперь ученые гадают, кто такие были гунны. Римляне оставили свои следы по всему миру: в Африке, на Балканах, эти следы — прекрасные здания, водопровод, театры, мозаика. Смерч уничтожает все на своем пути, но ничего не создает. Наполеон нес выгоревшие письмена свободы на своих знаменах, а что принесли казаки Европе? Сегодня мне подумалось: русские все-таки допели про гусей и уток и, не возьмись они за новую: «Эх ты, Ва-а-а-а-ня, да эх ты, Ва-а-а-а-нюшка-а-а-а!», то могли бы приблизиться к сегодняшнему дню, принять участие в общекультурном деле. Не начинайте новой песни, князь, прошу вас во имя цивилизации!— И он молитвенно сложил худые длиннопалые руки.

Послышался смех. Кто-то шутливо захлопал в ладоши.

— К-а-к?..— Это высокое споткнувшееся «как» прозвучало утиным кряком, князь что-то мучительно проглотил, глаза его выкатились из орбит.— А Пушкин?..

— Что Пушкин?— не понял маркиз.

— Пушкин... Пушкин!..— бормотал Голицын, борясь со слезами.— Пушкин — он чей?..

— Пушкин?— Маркиз пожал плечами.— Наверное, он самый талантливый подражатель Байрона.

Голицын рванул рубашку на груди, он задыхался.

— Пушкин... Гоголь... Глинка... Брюллов... Россия... Кто вас от татарских орд телом прикрыл?.. Кто двести лет под игом томился, чтобы вы революции делали и паровозы изобретали?.. Одна Россия могла такое вынести и остаться, вы бы все гнилым соком истекли... Стреляться, стреляться через платок!.. Я вас вызываю... Или раньше по роже надо дать?— спросил Гедиминович.

— Азиат!— презрительно бросил маркиз, отступив на шаг.— Ваш вызов принят. Но никаких платков, никаких русских рулеток, будем драться, как европейцы, хотя, к сожалению, вы к ним не принадлежите.

— За версту друг от друга?— прервал Голицын.— А потом шампанское дуть?.. Не выйдет!

— Вы меня не поняли,— презрительно скривился маркиз.— Стреляем по команде секундантов, барьер — десять шагов.

— Принято,— сказал Голицын, вспомнив, что таковы были условия пушкинской дуэли, считавшиеся крайне жесткими. Нарочно или случайно сделал свое предложение маркиз? При его осведомленности обо всем на свете он мог знать, что так стрелялись Дантес с Пушкиным. Значит, меня ждет участь Пушкина? Черта с два!..

Ему стало весело при мысли о том, что он разочтется за Пушкина, кровью этого хулителя России смоет пятно с русской чести.

Маркизу не понравилась его веселость.

— Имейте в виду, в двенадцати шагах я делаю из туза пятерку.

— А мне-то что?— небрежно отозвался противник.— Ничто тебе не поможет,— ликовал Голицын.— Хватит, попили русской кровушки. Теперь наш черед. Начиню я тебя свинцом, друг мусью. За мной Пушкин и все русские праведники.

Но не защитили его ни покровители святой Руси, ни сам Александр Сергеевич от меткой пули маркиза. Видать, нужно было кому-то для высших целей, чтобы он пролил кровь за правое дело. Пуля попала в ляжку, вызвав обильное кровотечение. Маркиз выстрелил, едва секундант бросил платок; он был слишком уверенным стрелком, а князь слишком крупной и соблазнительной мишенью, чтобы идти на сближение с противником, подвергая себя опасному риску. Он знал, что не промахнется, и был прав. Князя, как ни странно, спасло телесное изобилие, делавшее его столь уязвимым. Всякого другого такой выстрел уложил бы на землю, а в жирных и крепких мясах князя пуля завязла и не достигла кости. Маркиз видел, как растекается пятно на светло-серых панталонах князя, и ждал, что тот рухнет. Но князь шел и шел, хотя противно, наверное, идти к барьеру в мокрых штанах, и медленно подымал руку с пистолетом. Маркизу ничего не оставалось, как тоже идти навстречу пуле, которая будет к нему не столь снисходительна. Он сам поставил условие: сходиться до пяти шагов. А при этом не промахиваются. «Ну, падай же, падай!— взывал про себя маркиз.— Рана кровоточит, пуля угодила почти в пах. Это тяжелая, смертельная рана, ты умрешь от потери крови, ты уже мертв, так веди себя, как положено мертвецу!..»

Но князь Голицын не хотел соблюдать достоинство трупа, он подходил все ближе к черте, проведенной секундантом, огромный, как собор, ветер трепал яркий платок у него на шее, пушил бакенбарды, шевелил усы, вздымал волосы, и особенно страшен казался в этой мельтешне неподвижный, холодный взгляд. Теперь их отделяли друг от друга пять шагов, узенькая полоска земли в мелких звездчатых цветочках. Казалось, князь может дотянуться до него стволом пистолета, и маркиза передернуло от физического отвращения. Нет, пистолет не дотянулся, но черный кружок дула уставился ему в переносье, значит, пуля попадет прямо в лоб. Неужели можно стрелять в безоружного?— пытался заговорить судьбу маркиз, начисто выбросив из головы, что безоружным он стал лишь потому, что поторопился с выстрелом. Это не похоже на русского аристократа, большого барина, вельможу. Маркиз достаточно знал русских, они часто бывают несдержанны, заносчивы, вспыльчивы, но всегда благородны. И ведь Голицын — музыкант, человек искусства, гуманист. Русские поэты не убивают противников. Лермонтов выстрелил в воздух, Пушкин, правда, попал в Дантеса, но уже смертельно раненный, когда не мог хорошенько прицелиться. И тут Голицын сощурил левый глаз. Он что, с ума сошел? О боже!.. Скорей бы кончилась эта пытка. Стреляй, убийца, мясник, вот мой лоб, за ним кипят мысли, рождаются образы, вспыхивают изящные шутки, обидеться на которые может только варвар. Да он нарочно медлит, издевается, негодяй!..

Голицын не стрелял лишь потому, что хотел дослушать звучавшую в нем музыку. Вначале ему казалось, что это Бах, но потом он понял, что слышит музыку, которой еще не было, свою собственную музыку, творимую без участия сознания и воли. Музыку слишком чистую и высокую для этой дуэли, для мести, даже для расплаты за гения России, которого не вернешь убийством другого человека. Заключительный аккорд обернулся коротким взвоем, и в очнувшихся зрачках Голицына больше не было бледного, прорезанного морщинами чела. Маркиз лежал на земле в глубоком обмороке.

— Заберите этого труса,— сказал Голицын подбежавшим секундантам.— Выстрел остается за мной.— И, зажав сочащуюся рану, заковылял к карете.

Дуэль не придала блеска личности маркиза. К тому же не давший себя убить Голицын навсегда разочаровал его в русских художниках-аристократах. Их великодушие и благородство дутые. Маркиз решил скрыться. Он уехал в Германию, где после недолгих странствий облюбовал тихий, поэтичный Веймар, чтобы возле бывшей обители олимпийца Гете обрести душевный покой. Он почти преуспел в этом, поняв, как ничтожна ссора с поддельным русским князем, капельмейстером-авантюристом, нагло присвоившим громкое имя — с таким и к барьеру выходить зазорно,— как вдруг возле Гердеркирхе почти наскочил на Голицына. Маркиз успел спрятаться за колонну, и великан в своих экзотических просторных развевающихся одеждах, что-то мурлыча под нос и размахивая руками, прошел мимо. Мстительный дикарь, гунн, скиф выследил его, чтобы сделать свой губительный выстрел!.. Вот она — истинно азиатская, ничего не прощающая, душная, тупая злоба. А маркиз простил ему, выбросил из головы глупую, вздорную историю. А этот ничего не забыл. Элегантные фраки, парижское произношение, а чуть колупни — степные кочевники, нет, хуже, те одинокие дикари, потерянные в чудовищном пространстве, что тянут свои бесконечные, заунывные, страшные песни. Потомки унаследовали упорство, терпение и непреклонность угрюмых певцов. Страшно подумать, что возле изящной и хрупкой, как севрский фарфор, Европы топчется косолапое чудище с железным рылом.

Не искушая судьбы, маркиз в тот же вечер покинул Веймар. Он вернулся во Францию, но, боясь, что и сюда дотянется длинная лапа с пистолетом, почел за лучшее перебраться в Новый свет.

Он неплохо устроился там, открыв неожиданную прелесть в полуцивилизации. При всей своей эрудиции, талантах и остроумии он оставался в Европе одним из многих, слава его не выходила за пределы гостиных, здесь же оказался единственным. Он поселился в Бостоне, и, чтобы полюбоваться им и послушать его искрящуюся, непонятную и тем особенно притягательную речь, приезжали туземцы из таких далеких «пуэбло», как Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор.

Маркиз хорошо прижился в этом мире, усвоил местные обычаи, чуть-чуть привычки и манеры, ровно настолько, чтобы польстить аборигенам, но не утратить своего пряного своеобразия, он не научился лишь читать газеты, которых здесь выходило без числа, хотя все были на одно лицо: много скучнейшей политики, сухой биржевой цифири, до одури рекламных объявлений, обширный отдел происшествий, уголовная хроника и раз в неделю — сопливый нравоучительный рассказик. Но и в газетах случается полезное, особенно в отделе текущих событий. Маркиз ненавидел самый запах типографской краски, напоминающий запах мочи, у него в доме газеты были под запретом. А зря. Иначе не оказалась бы для него столь ошеломительной встреча с Голицыным на одной из улиц Бостона, куда тот приехал с концертом. Не было сомнений: кровопийца последовал за ним в Америку, чтобы получить свой долг.

С первым же пароходом маркиз отплыл на родину. Здесь он скрылся за стенами глухого монастыря под Ла-Рошелью, где вскоре принял постриг. В свободное от монастырских обязанностей время он писал книгу о романской архитектуре, благо вокруг было столько прекрасных образцов, но не кончил ее, ибо во всем оставался дилетантом, то есть человеком, не знающим завершающего успеха.

Конечно, Голицын и не думал преследовать маркиза. Он вообще забыл о трагикомической дуэли. Если б Голицын сосредоточивался на подобных пустяках, то давно бы поник под грузом впечатлений, на которые не скупилась судьба. Он умел жить данной минутой, жить с полным напряжением душевных сил, искренне, горячо, порой неистово, но когда эта данность исчерпывала себя, он к ней уже не возвращался. Протяженным в его жизни оставался лишь хор, давший ему в конце концов полное совпадение с собственной сутью. Все остальное — пена. И пена не пустяк, коли из нее родилась Афродита, коли она вскипает над бокалом золотого аи. Но остроумный маркиз не был даже пеной, так — пузырьком, надувшимся и сразу лопнувшим.

Коронация прервала так плодотворно начавшееся путешествие. Князь поспешил на родину, чтобы в последний раз (о чем он еще не знал да и знать не мог) покрасоваться в камергерском мундире на дворцовых торжествах.

Натешив свое тщеславие на этот раз удивительно быстро, что отражало известный нравственный сдвиг, Голицын испытал звериную тоску по жене и детям и с обычной нетерпячестью, какую вкладывал во все свои поступки, не списавшись с ними, помчался в Огарево. По роковой игре судьбы, чем тоже не бедна жизнь Голицына, сходное чувство испытала Екатерина Николаевна и отправилась в Салтыки, думая застать там мужа. По пути она заглянула к Рахманиновым и узнала, что Голицын промчался из Петербурга прямо в Огарево...

Новое обиталище семьи пришлось крайне не по душе Голицыну. «Это какая-то Сибирь»,— брюзжал он, словно причудливый каприз жены, а не его собственные вины заставили семью забиться в такую глушь. Бывает, что рослые люди любят тесноту: Петр I мог спать только в низеньких келейках; верзила Голицын любил простор и свободу: высоченные потолки, большие комнаты с венецианскими окнами. Ему было тесно и душно в маленьких покойчиках, он то и дело стукался лбом о притолоки, локтями сбивал разные безделушки. Это раздражало. Ко всему его дочери, чтобы угодить отцу, разучили хоровую песню, которую и пропели, неправильно ставя ударения:

Солда́тушки, браво-ребя́тушки,
Где же ваши жены?

Он научил их петь правильно эту песню, напугав до дрожи своей требовательностью, ибо в увлечении любимым делом начисто забыл, что перед ним дочери, а не певчие салтыковского хора. Почувствовав отчуждение детей, он окончательно возненавидел Огарево. В этой тощей деревеньке никогда не видели таких громадных и пышных людей, как князь Голицын, который ко всему уже начал чудить в одежде, что в дальнейшем станет источником удивительных недоразумений. На дирижерском месте он появлялся в безукоризненном черном фраке и пластроне, в обычной жизни, особенно в деревне, проявлял склонность к невиданным архалукам, широченным кафтанам, восточным шальварам и халатам, полуклобукам-полуермолкам, призванным сдерживать буйную гриву уже проточенных сединой волос. Он запустил в добавление к бакенбардам, усам и подусникам длинную раздвоенную бороду; чрезмерность роста, чрева, волос и облачения производила на непривычный взгляд подавляющее впечатление. Сталкиваясь с ним, огаревские мужики испуганно ломали шапку, девки ахали и закрывались рукавом, старухи крестились, а ребятишки с визгом кидались врассыпную. Ушлых салтыковцев, привыкших на своих ярмарках и к бухарцам, и к башкирам, и к цыганам, и к жидовинам, и «нахалкиканцам», ничем не удивишь, но местное бесхитростное население было потрясено. Убедившись вскоре, что в огаревцах говорят не патриархальные чувства почтения и трепета, а нечто более сложное: он воплощал для этих простых душ урядника и нечистого в одном лице,— князь приказал раздать деревенским ребятишкам пряники, наскоро перецеловал дочерей, велел им спеть про солдату́шек с правильно расставленными ударениями и укатил в Салтыки.

На одной из почтовых станций он столкнулся с женой, но странно (опять странно!): оба будто израсходовали в первом горячем и неудачном порыве друг к другу остаток любовного чувства. Они встретились доброжелательно-прохладно, наскоро поговорили и отправились — каждый в свою сторону.

Это не значит, что они больше никогда не встретятся, не обменяются добрым словом, напротив, после летучего свидания на почтовой станции им стало легче и проще друг с другом, ибо они поняли: ждать и надеяться не на что. Екатерина Николаевна будет ходить на его концерты, отпускать к нему детей, они проживут бок о бок целое лето в Гостилицах под Петергофом у тетки Потемкиной: она — с детьми, он — со своим хором; князь будет обращаться к ней с разными просьбами, и Екатерина Николаевна ни в чем не откажет мужу, кроме одного-единственного — развода, но то случится в другую эпоху беспокойного бытия Юрки.

Начало профессиональной жизни Голицына можно отнести ко времени Гостилиц, хотя никто из окружающих не догадывался, что придворный и камергер прочно, всерьез, навсегда взял в руки дирижерский жезл. Считали — чудит Юрка!.. Он не чудил. И стал выступать за деньги не по блажи, а потому что, лишившись большей части доходов, не имел средств содержать хор, а лишь в хоре видел он теперь смысл своего существования. Когда-то Пушкина осуждали, что он берет деньги за стихи. На эти нападки он ответил знаменитым: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Пока в свете думали, что князь играет в артиста, над капельмейстерскими доходами богача Голицына добродушно посмеивались, когда же узнали, что он берет плату за выступления по нужде, его стали презирать.

Отгремели коронационные торжества, празднества, приемы, балы, лег на дно сундука расшитый золотом камергерский мундир, князь целиком посвятил себя хору. Иных забот не осталось, душа освободилась от накипи, вся ушла в любимое дело, и хор дружно откликнулся своему во́жу. Голоса певцов засияли. Обе столицы рвали друг у друга голицынский хор, и двигал светской публикой более сильный позыв, нежели мода. Безбожники упивались церковной музыкой, люди, не знавшие толком ни родного языка, ни отечественной истории, заходились от старинных русских песен, любители полонезов хмелели от ядреной «Камаринской».

В уцелевших письмах князя той поры нет ничего от помещика, барина, связанного общими заботами и распрями с другими землевладельцами,— лишь трудолюбивый музыкант-профессионал, целиком расходующий себя на выступления, спевки, многочисленные хлопоты, связанные с размещением и устройством почти полутораста человек. Князь живет несколько месяцев возле жены и светских родичей, но волнуют его только Ваньки, Андрюшки, Маньки, Парашки, что должны сытно есть, сладко пить, крепко спать, чтобы выдержать суровый рабочий режим и в положенный час явить глас небожителей, эхо давних времен, плач и бурное веселье нынешней народной жизни, растревоженной веянием ожидаемых перемен.

Невероятный успех голицынского хора объяснялся не только великолепным подбором и выучкой певцов, талантливой музыкальной трактовкой исполняемых произведений, тончайшим чувством народного мелоса и романтической личностью красавца князя, но в большей мере самим временем, заставлявшим поиному смотреть на русскую деревню, которая из поставщика бессловесных рабов превращалась в поставщика новых граждан, новой общественной силы, а чем это чревато, никто не мог предугадать. Но что накат волны будет велик и грозен, понимал каждый. И хотелось поглубже заглянуть в глаза таинственных незнакомцев, которые не сегодня—завтра прянут из тьмы. Было и другое: позорное поражение в Крымской войне невольно обращало взоры вспять, к прошлому, к черным дням русской истории, когда на авансцену выходил н а р о д, таящийся до поры в глухом непроглядье, но в роковой час приносивший торжество русскому делу. Так было при Александре Невском, на поле Куликовом, в Смутное время и при нашествии Наполеона. В Севастополе народное усилие побороли не вражеские армии, а свои же бездарные командующие, алчные чиновники и всякого рода нечисть, налипшая на русское тело. И понимать это начали только сейчас: в широких кругах мало знали о трагедии Севастополя.

Из песен голицынского хора вставал народ — старинный, недавний, нынешний, пожалуй, и завтрашний, народ с его тоской и весельем, его духовной жаждой, с загадочной способностью оставаться самим собой, в собственном достоинстве, как его ни мяли, ни корежили.

Да ведь и сам хор был народом, пусть принаряженным, отмытым, причесанным волосок к волоску, расписным, как тульский пряник, а все же частица той мощи, что не сегодня—завтра вырвется из курных избушек не для решения какой-то исторической задачи — для исторической ж и з н и. А ведь жизнь одних всегда отнимает хоть частицу жизни других. Тут было о чем задуматься. В мелодичных стонах чудились громы, и странно-пронзительно было видеть, что темная мощь покоряется движениям жезла Гедиминовича. Это дарило какую-то надежду. Пусть звучат, разливаются, грохочут, звенят, рассыпаются чужие голоса, лишь бы они подчинялись движениям руки, в которой течет голубая кровь. Весь Петербург ломился на голицынские концерты...

Но музыкальная жизнь России еще не обрела четких форм, ею никто не ведал (была Императорская капелла, остальное безнадзорно), все творилось стараниями отдельных энтузиастов, а содержать хор — дело дорогое, оно даже богатейшим Шереметевым иной раз оказывалось не по плечу. Большие доходы от концертов и клироса все же не покрывали расходов, а жать сок из крепостных певцов, держать их в чо́рном теле Голицын в отличие от тех же Шереметевых не хотел и в зените славы своего хора оказался вынужденным его распустить.

Беда была в том, что князь все еще сидел меж двух стульев — придворного и артиста. Если б у него хватило мужества отринуть все условности, перечеркнуть прошлое (как он и сделал позже), хор можно было бы сохранить. Но сословные предрассудки еще крепко держали его в руках.

Правда, князь сделал попытку спасти хор, предложив государю приобрести его за весьма скромную плату, но Александр холодно отказался. Этот монарх все делал невпопад, будь то забота государственного значения или проблемы частной жизни. Человеку посредственному, недалекому выпало править Россией в самый ответственный момент ее истории. Ему хотелось быть достойным своей миссии, но все шло вкривь и вкось. Он удалил несколько одиозных сподвижников Николая, но приблизил едва ли не худшего, чем все они, вместе взятые,— младшего Адлерберга, он намеревался смягчить цензурные тяготы, но литераторам казалось порой, что вернулись кромешные времена душителя Красовского, он любил порядок и чинность, а единственный из Романовых после развеселой императрицы Елизаветы сочетался морганатическим браком, оскорбившим всю царскую фамилию, он дал свободу крестьянам, но сделал это так, что бомба Гриневицкого явилась естественным завершением его жизни и царствования.

В ту пору Россия искала сближения с Европой. И у Европы был интерес к России, о которой она почти ничего не знала. Хор князя Голицына мог бы оказаться весьма полезным в сближении культур, а царь брезгливо отверг его. Что имеем — не храним, потерявши — плачем. В данном случае эта русская истина не подтвердилась. Некий важный заморский гость спросил Александра, куда девался дивный хор Голицына, которого так ждали в Европе. Александр смутился, ушел от ответа, а на следующий день приказал разыскать князя и купить у него хор. Но хора уже не существовало.

Прощание Голицына с хористами было трогательно. Он хотел заказать огромный групповой портрет одаренному живописцу Виалю. Но художник увильнул от заказа. В письмах Голицына содержатся глухие намеки на людей, помешавших осуществлению последней мечты артиста. Похоже, Рахманинов предупредил Виаля, что деньгами на подобный заказ князь не располагает. Досматривая по просьбе Голицына за Салтыками, он не считал возможным уреза́ть доходы Екатерины Николаевны ради красивых, но сумасбродных выдумок.

«Марта печется о мнозем, хотя единое есть на потребу». Распустив хор, Голицын начисто забыл об этой заповеди. Он заметался: настойчивые попытки найти должность в Петербурге, связанную с искусством, унизительные для человека его самооценки и гордости, хлопоты у сильных при дворе — дело доходило до того, что ему приходилось ж д а т ь появления вельможного лица, обращаться с п р о ш е н и я м и, искать п о к р о в и т е л ь с т в а, выслушивать о т к а з ы. Князь узнал на собственной шкуре, что значит недостаток средств, зависимость от высших, ведомственная волокита, чиновничья недобросовестность. И самое обидное — никого не вызовешь на дуэль, ибо никто не виноват в отдельности, а все сообща. Он узнал оборотную сторону дворцовой жизни, двуличие и холод сановников, узнал многое такое, чего никогда бы не узнал богатый помещик, губернский предводитель, баловень двора Голицын, если б не разорение и если б он не стал в надменных глазах платным актеришкой. Впрочем, он еще не испил до дна горькую чашу, но торопился это сделать. Возможно, он бессознательно ускорял приход той деклассированности, без которой никогда бы не стал настоящим профессиональным артистом.

Продолжение следует.

premьера

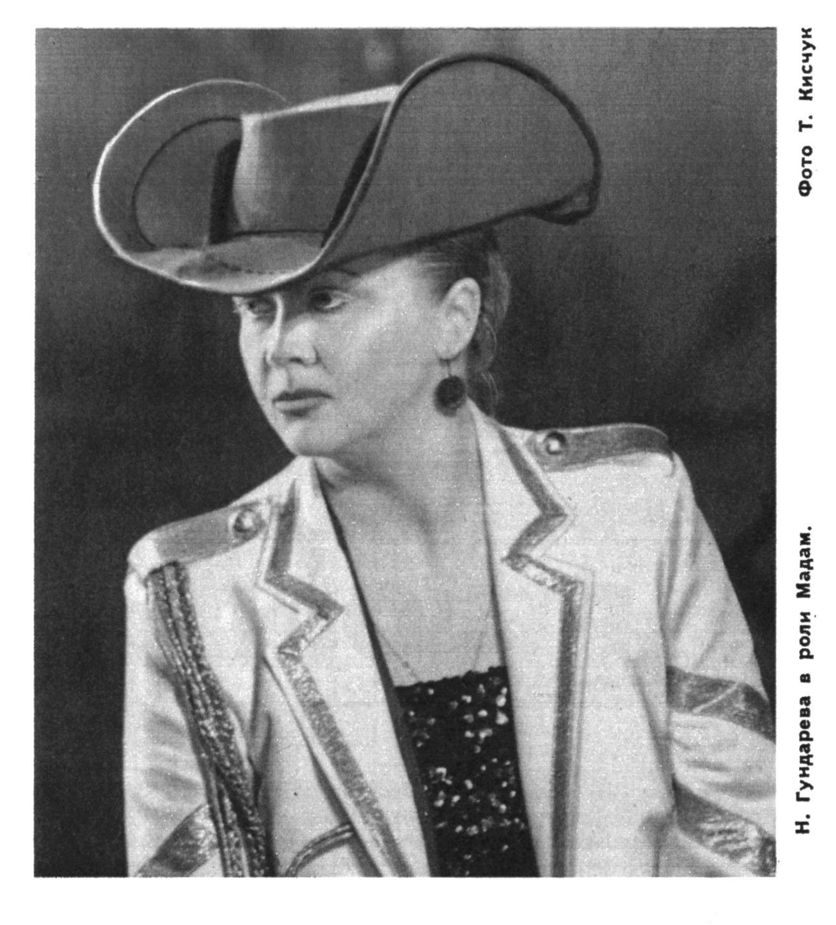
«АГЕНТ 00». КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

«Мы вводим их в наше время. Объясняем: вот, говорим, вам Запад, вот — Восток. Вот свободный мир, вот — несвободный. Описываем кратенько, в общих чертах... Все человечество следит: какой путь выберут эти девственные младенцы... Младенцы, конечно, выбирают — кого? Нас!.. Только мы — моральные лидеры мира! Мы ставим точку над идеологическими спорами. Закрываем тему!»

...Такова примерно интрига, движущая сюжет пьесы «Агент ОО» — нового спектакля Московского академического театра имени Вл. Маяковского, поставленного Андреем Гончаровым по новой пьесе Генриха Боровика. Тема раскрывается в острогротесковой форме (жанр спектакля обозначен как шоу-буфф).

Пародируется самый механизм очередной пропагандистской кампании «самого передового в мире» государства, якобы пекущегося неусыпно о правах человека в любой точке земного шара, особенно там, где под угрозой находятся его интересы. И неважно, что в данном случае речь идет о неизвестном племени, которое некий коммивояжер (В. Ильин) одной из западных фирм, производящей бытовую сантехнику, обнаружил в зарослях кратера потухшего вулкана после своего чудесного спасения во время авиакатастрофы.

Главное заключается в том, чтобы не допустить проникновения коммунистической заразы! И «ЧУМА» (Чрезвычайное управление музыкальных ансамблей), она же и «ОСПА» (Отдел специальных политических акций), начинает действовать в роли моральных лидеров мира, как утверждает Мадам — руководитель тайной организации, в задачу которой входит проведение в жизнь чумовых идей одурачивания, околпачивания, промывания мозгов.

Н. Гундарева в роли Мадам.

Фото Т. Кисчук

Итак, Мадам... Эту роль с блеском играет Наталья Гундарева, известная зрителям как интересный, самобытный мастер, созидательница запоминающихся, сложных характеров. Здесь актриса достигает поразительного эффекта. В созданном ею образе воплотилась сама идея нового спектакля, его форма и содержание, эстетические принципы, заложенные в пьесе Боровика и постановочном решении Гончарова — яркой, шумной оболочке политического шоу-буффа, за которой открывается конкретно-историческая ситуация сегодняшнего времени.

Умело устанавливая контакт со зрительным залом, найдя верный тон, Гундарева говорит о своей героине больше, чем она есть как персонаж пьесы, добиваясь этого прежде всего постоянным ощущением своего личного отношения к ее поступкам, ее «философии»...

Мадам работает уверенно, ловко, профессионально. Маленький человек, агент ОО, уже практически превратился в послушное орудие «ЧУМЫ», но операция проваливается. Вместо «неизвестного» племени они встретились с людьми, бежавшими из «земного рая», разочаровавшимися в прелестях «свободного мира», уставшими от авантюр Пентагона.

А что же агент ОО?

Мадам терпит крах: ее теория, рассчитанная на то, что душа человека — штучный товар, не сработала. В финале мы видим: и этот «маленький человек» близок к тому, чтобы понять — именно от него зависит счастье миллионов людей.

Зависит существование самой жизни на планете Земля.

В. ИВАНОВ

ИСПОЛНИ ДОЛГ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРИГОЛА АБАШИДЗЕ

Он сразу начал весомо и крупно. Окунувшись в историю, переживая современность, задумываясь о будущем, он, как ваятель, озаренный разумом и страстью, лепит яркий и плотный мир своего вдохновенного слова. Обращаясь к собрату по перу с проникновенным призывом, Григол Абашидзе обращается прежде всего к самому себе:

Так выскажись!
Век мчится все равно,
На сто вопросов
не дает ответа...
Но никому сказать не суждено
Того, что надо высказать поэту.

В своих произведениях он размышляет об Овидии Назоне и о египетских пирамидах, о доблестных воинах-земляках, погибших в годы Великой Отечественной войны, и патриотизме грузинской женщины. Его привлекают красоты владимирской земли и судьба его великого прадеда Давида Гурамишвили. «В каждом народе свой соловей»,— говорит он о дружбе народов нашей страны, а в стихотворении «На равнинах России» пишет:

Пусть проживу только миг
единый!
Но ветер полей уж коснулся
лица.
Всем существом я бы слился с
равниной,
Что не имеет конца!

Воистину мир необъятен для поэта! И пока бьется его сердце, видят очи, он должен своим словом обнимать этот мир. Недаром в программном стихотворении Григол Абашидзе проникновенно выразил гуманистически-гражданское понятие «мига» и «вечности», понятие полноты жизни, ее самозабвенной устремленности к свету и радости:

Закроют силой — ты глаза
раскрой:
Нам видеть мир дано лишь раз,
не боле —
Деревья, женщину, закат, прибой.
Закроют силой — ты глаза
раскрой,
Исполни долг пред миром и до
боли,
До слез гляди. Пусть, надавив
рукой,
Закроют силой — ты глаза
раскрой:
Нам видеть мир дано лишь раз,
не боле.

В свое время Николай Тихонов сказал о друге: «Прожив большую, сложную жизнь, он сохраняет светлую веру в человека, строящего будущее, сохраняет творческую энергию и мужество писателя, продолжающего задавать сложные вопросы времени и отвечать на них с бесстрашием художника-философа». К этой «большой, сложной жизни» прибавился еще плодотворный отрезок жизненного и творческого пути прекрасного мастера слова. Мало того, именно в эти годы Григол Абашидзе развернул свой талант прозаика-романиста.

От поэмы «Непобедимый Кавказ», созданной в годы войны, и цикла стихов «Ленин в Самгори», принесших ему известность, он пришел к роману «Лашарела», которым сразу утвердил себя мастером в сложном жанре исторически-хроникального повествования. Григол Абашидзе всегда интересовался прошлым родного края, старался проследить исторический путь, пройденный грузинским народом, читал хроники, летописи, специальные исследования. Так родилась грузинская хроника XIII века.

Долгое и кропотливое погружение в далекое прошлое настолько захватило писателя, что он явственно увидел материал для следующего романа — «Долгая ночь». Автора увлекли примеры героизма, нравственного возвышения и рыцарского благородства своих предков.

Грузинская хроника XIII века завершается третьим романом — «Цотнэ, или Падение и возвышение грузин», романом о нравственной победе всего лучшего, что есть в человеке. Этот роман стал произведением большого трагедийного начала и высокого жизнеутверждающего звучания.

Виктор Шкловский увидел в книгах Абашидзе «широту мироприятия», он назвал их «книгами глубокого дыхания».

— В своей трилогии,— говорит писатель,— я стремился расширить поле исторического зрения: вывести на арену грузинской истории народ как созидательную силу. Как он себя поведет? Куда обратится? По какому пути пойдет?

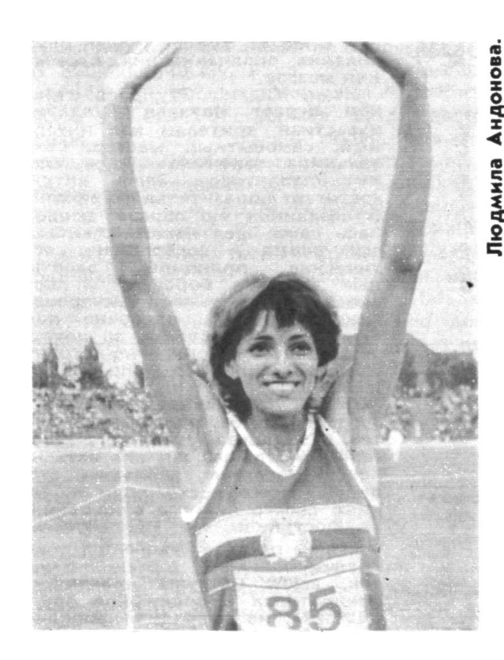
Последние произведения Г. Абашидзе посвящены современности, нашему XX веку. Роман «Корнали», охватывающий отрезок времени от двадцатых годов до сегодняшних дней, получил высокую оценку читателей и прессы. Интересы писателя-исследователя, поэта-романтика развиваются, как бы переплетаясь и дополняя друг друга, идут от прошлого к настоящему и от настоящего к прошлому.

В одном из давних стихотворений поэта «Град» есть такие строчки:

Ты не желаешь пути другого —
Только бы с бурей и веком
в лад! —
Где же твое заповедное слово,
Слово прямое, как этот град?

Григол Абашидзе любит жизнь, движение, верит в свет и разум на земле. Его поэзия высоконравственна, в его прямом, как град, слове — сила правды и сила жизни.

Н. ВОЛКОВА

Людмила Андонова.

Фото АДН—ТАСС

Уве Хон.

РУШАТСЯ РЕКОРДЫ

Евгений ЧЕН, мастер спорта СССР

Вспоминается один любопытный факт из истории спорта. В 1948 году группа экспертов попыталась предсказать рекорды будущего. После многомесячных обсуждений и головоломных расчетов появилась таблица вероятных достижений в легкой атлетике, которая получила название «Таблицы пределов человеческих возможностей». Сейчас об этом факте вспоминаешь с улыбкой, поскольку уже через 12 лет после появления этой таблицы в ней не осталось ни одного рекорда, который не был бы побит легкоатлетами! Теперь никто не отваживается назвать пределы возможностей человека. В лучшем случае специалисты рискуют лишь предсказать тот или иной срок жизни выдающегося рекорда.

Даже знаменитый прыжок в длину Боба Бимона, который пролетел в Мехико в 1968 году 8 метров 90 сантиметров, окрещенный «прыжком XXI века», никто не решится считать вечным. Прыжки другого американского негра, Карла Льюиса, вплотную приблизились к этому рекорду, в его активе есть несколько результатов, превышающих 8 метров 70 сантиметров, и, кто знает, не станем ли мы свидетелями прыжка на 9 метров еще в этом году.

Прыжок в длину — один из самых консервативных видов в легкой атлетике. Он прост по исполнению, но в этой кажущейся простоте его сложность. Вспомним, что рекорд знаменитого Джесси Оуэнса, установленный в 1935 году,— 8 метров 13 сантиметров простоял до 1960 года, в течение четверти века. Прыжок Игоря Тер-Ованесяна 8 метров 35 сантиметров 17 лет стоял в таблице рекордов СССР, до нынешнего июля, когда молодой спортсмен С. Родин улучшил его на 2 сантиметра. Что же касается других видов, то тут рекорды свергаются один за другим. В таблице мировых достижений осталось только три рекорда, родившиеся в 1968 году: в беге на 400 метров, принадлежащий Л. Эвансу,— 43,86 секунды, в эстафетном беге 4×400 метров, который был установлен четверкой американцев с помощью того же Ли Эванса,— 2 минуты 56,16 секунды и, конечно, рекорд Бимона.

Эти «долгожители» подтверждают правило: каждый рекорд рано или поздно будет улучшен. Причем гораздо чаще «раньше», чем «позже». И здесь мы вплотную подходим к одному из парадоксов современного спорта. Казалось бы, чем выше достижение, тем труднее его превзойти. Но с каждым годом растет потолок результатов в легкой атлетике. За примером ходить не нужно: если в 1981 году легкоатлеты десять раз превышали мировые рекорды, а в 1982 году — 17 раз, то через год были внесены уже 33 (!) поправки в рекордную таблицу.

В росте активности легкоатлетов просматривается одна интересная закономерность: эта активность возрастает с приближением очередных Олимпийских игр. Так, в 1982 году на первенстве Европы в Афинах после предыдущего спокойного года мы снова стали свидетелями рекордной вспышки, а в следующем году, когда разыгрывался первый чемпионат мира, легкоатлеты приблизились к рубежам, которые еще несколько лет назад считались фантастикой.

Румынская спортсменка Анишоара Кушмир в одном состязании дважды улучшила мировой рекорд советской спортсменки Вильгельмины Бардаусконе, прыгнув сначала на 7 метров 27 сантиметров, а затем на 7 метров 43 сантиметра.

Рубеж 90 метров был впервые покорен копьеметателем двадцать лет назад, и вот в прошлом году мы стали свидетелями полета копья почти на 100 метров: американец Том Петранофф метнул снаряд на 99 метров 72 сантиметра. А в этом сезоне к нему приблизился и Уве Хон из ГДР, так что, возможно, скоро футбольное поле станет слишком коротким для копьеметателей...

Удивительного успеха добилась и чехословацкая бегунья Ярмила Кратохвилова: долгое время рубеж 48 секунд в беге на 400 метров считался только мужской привилегией, а Ярмиле на чемпионате мира удалось превзойти его, она пробежала дистанцию за 47,99 секунды.

Неутомимо штурмует рекордные высоты спортсмен из КНР Чжу Цзяньхуа. Каждый раз прибавляя по сантиметру, он вплотную подошел уже к рубежу 2 метра 40 сантиметров.

Упорно борются за каждую сотую долю секунды спринтеры. Сейчас уже не вызывают удивления результаты лучше 11 секунд у женщин и лучше 10 секунд у мужчин. Прошлым летом Келвин Смит пробежал 100 метров за 9,93 секунды, а Эвелин Эшфорд — за 10,79 секунды.

И еще об одном рекорде хотелось бы сказать. С завидным постоянством женщины вторгаются в те области, где еще недавно незыблемыми казались позиции сильного пола. В марафонском беге не регистрируют мировых рекордов, поскольку трассы во всем мире различны, но результат, показанный Джоан Бенуа на трассе Бостонского марафона — 2 часа 22 минуты 43 секунды, впечатляет. С таким результатом Бенуа одержала бы победу над мужчинами-марафонцами на всех Олимпиадах до 1956 года включительно! Следует обратить внимание на то, как расширяются границы женской легкой атлетики. Еще не так давно программа женщин состояла из девяти видов — сейчас она дошла до семнадцати, а на очереди — бег на 10 километров и спортивная ходьба.

До сих пор речь шла о зарубежных атлетах, но и наши мастера за два предолимпийских года внесли солидную лепту в развитие легкоатлетического спорта. В молодом для женщин виде — беге на 400 метров с барьерами — Анна Амбразене закончила дистанцию за 54,02 секунды. Три поправки в таблицу внесли метатели: Сергей Литвинов послал тяжелый молот на 84 метра 14 сантиметров, а Галина Савинкова и Юрий Думчев улучшили мировые достижения в метании диска.

Нынешним летом штурм мировых достижений продолжался с новой силой. И здесь наши легкоатлеты оказались в первых рядах. К моменту, когда пишутся эти строки, на их счету уже семь мировых рекордов.

Рекордную запевку легкоатлетической дружины сделала москвичка Наталья Лисовская. В толкании ядра нашим женщинам начиная с 1948 года принадлежало 27 мировых рекордов, но в последнее время вперед попеременно выходили спортсменки ГДР, Болгарии, Чехословакии... И вот теперь высший результат вновь вернулся в СССР: Лисовская в Сочи толкнула ядро на 22 метра 53 сантиметра и улучшила на 8 сантиметров прежний рекорд И. Бризеник (Слупянек) из ГДР, а также абсолютное достижение Х. Фибингеровой из ЧССР, которое было установлено в зале (в легкой атлетике рекорды в залах и на открытом воздухе фиксируются отдельно) в 1977 году,— 22,50.

Нынешней зимой Сергей Бубка не раз прыгал с шестом выше 5 метров 80 сантиметров. Однако рекорд принадлежал французу Тьерри Виньерону (5 метров 83 сантиметра), но затем советский спортсмен прыгнул на 5.85, потом на 5.88 и, наконец, покорил высоту 5 метров 90 сантиметров.

Одной из наиболее заметных героинь стала Тамара Быкова, дважды улучшавшая рекорды мира. Интересно, что ее рекорд 2,04 был равен результату победителя XV Олимпийских игр в Хельсинки среди мужчин Уолтера Дэвиса. При этом рост самого Дэвиса был тоже 204 сантиметра, а Быкова даже среди прыгуний не считается особенно высокой: ее рост 176 сантиметров. В этом сезоне Тамара не форсировала подготовку, поскольку главные старты в середине августа, но в первой декаде июня уже взяла высоту 2 метра. Следующий старт — в Киеве стал рекордным, высоту 2 метра 5 сантиметров она преодолела со второй попытки.

Там же, в Киеве, женщины установили еще два мировых рекорда в беге на 10 километров и 400 метров с барьерами. О последнем следует сказать особо.

Как уже говорилось, барьерный бег на 400 метров для женщин — дистанция относительно молодая. И когда в прошлом году А. Амбразене пробежала дистанцию за 54,02 секунды, то все специалисты сошлись во мнении, что до преодоления заманчивого рубежа 54 секунд долго ждать не придется. Поэтому сам факт установления нового рекорда не удивлял. Удивляло другое: легкость и непринужденность, с какой новая рекордсменка ленинградка Маргарита Пономарева улучшила прежнее достижение почти на полсекунды.

Статья эта была уже написана, когда пришла весть о совершенно фантастическом, другого слова не подберешь, рекорде двукратного олимпийского чемпиона Юрия Седых в метании молота. В Ирландии, на родине молота, он метнул снаряд на 86,34, превысив мировой рекорд на 2 метра 20 сантиметров.

* * *

Нет, не пропали огромные усилия, потраченные легкоатлетами социалистических стран для подготовки к олимпийским стартам. Мы попытались рассказать об их успехах в этой статье, и не успевали вносить все новые и новые изменения в ее текст.

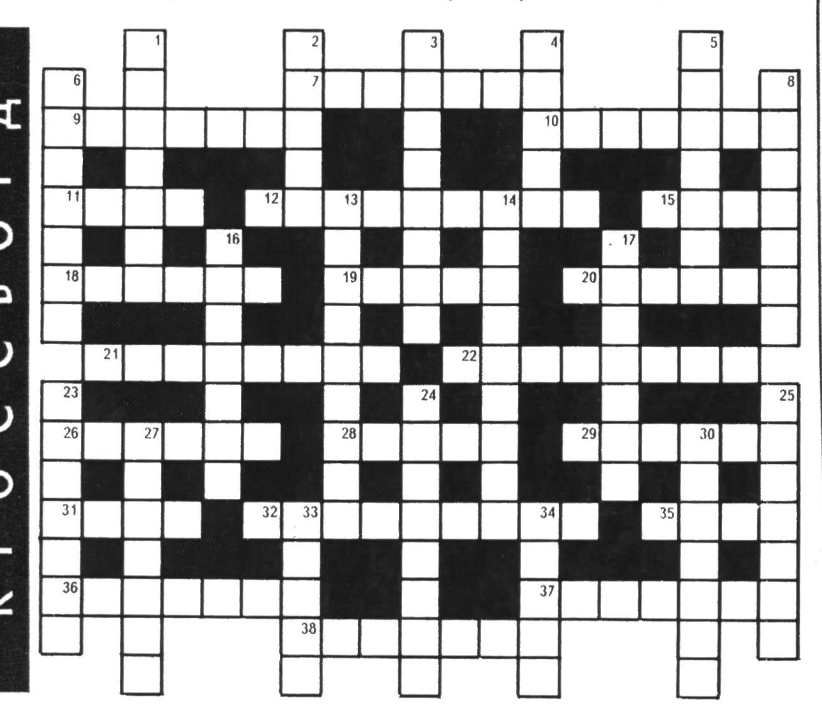
И вот еще две поправки. В Берлине на международных соревнованиях «Олимпийский день» 22-летний спортсмен из ГДР Уве Хон побил рекорд американца Тома Петраноффа, метнув копье на 104 метра 80 сантиметров, а болгарская спортсменка Людмила Андонова улучшила на 2 сантиметра мировой рекорд по прыжкам в высоту Тамары Быковой.

Штурм мировых рекордов продолжается.

По горизонтали: 7. Сооружение цилиндрической горной выработки, скважины. 9. Вещество, применяемое в лабораториях для химического анализа. 10. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 11. Отверстие в борту судна для якорной цепи. 12. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 15. Французский композитор XIX века. 18. Советская футбольная команда. 19. Трубопровод, сооружаемый при пересечении реки, канала. 20. Итальянский детский писатель. 21. Воинский доспех, рубашка из металлических колец. 22. Четвертая часть круга. 26. Северное созвездие. 28. Украинский советский писатель. 29. Химический элемент, инертный газ. 31. Самый низкий по звучанию духовой инструмент. 32. Лесная птица. 35. Город, где родился К. Маркс. 36. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 37. Стихотворение В. В. Маяковского. 38. Специалист, которому поручено наблюдение за ходом определенных работ.

По вертикали: 1. Вид графики. 2. Стихотворение А. С. Пушкина. 3. Декоративное растение, цветок. 4. Русская мера объема жидкостей. 5. Советская фигуристка, неоднократная олимпийская чемпионка. 6. Научное сочинение. 8. Часть акта пьесы, в которой состав действующих лиц не меняется. 13. Река на востоке Якутии. 14. Город в Армении. 16. Новатор сельского хозяйства, полевод, дважды Герой Социалистического Труда. 17. Музыкант. 23. Лопаточка для грунтовки, смешивания красок. 24. Вулканическое стекло. 25. Свойство тела сохранять состояние движения или покоя. 27. Инструмент для строгания дерева. 30. Луковичное декоративное растение, цветок. 33. Деревянный брус с делениями, устанавливаемый при нивелировании и топографической съемке. 34. Приток реки Москва.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 7. Нейтрино. 8. Михайлов. 10. Вершигора. 11. Стека. 13. Сныть. 15. Клецк. 16. Альтист. 18. Альпака. 20. Интерпретация. 23. «Кочегар». 25. Канцона. 26. Опава. 27. Косса. 29. «Цветы». 30. Мартиника. 31. Фламинго. 32. Скалозуб.

По вертикали: 1. Текстиль. 2. Грива. 3. Антракт. 4. Титовка. 5. «Манас». 6. Фонетика. 9. Нивелирование. 12. Котангенс. 14. Непринцев. 17. «Смена». 19. Луара. 21. Мотовило. 22. Институт. 24. Родриго. 25. «Калинка». 28. Ампир. 29. Цапля.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Мы влюблены в Москву!» — говорят участницы V Международной олимпиады школьников по русскому языку и литературе Дана Докторова (ЧССР), Нгуен Тху Нга (СРВ) и Тирсит Соломон (Эфиопия). (См. в номере материал «Мы учим русский!»)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунок М. Абрамова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

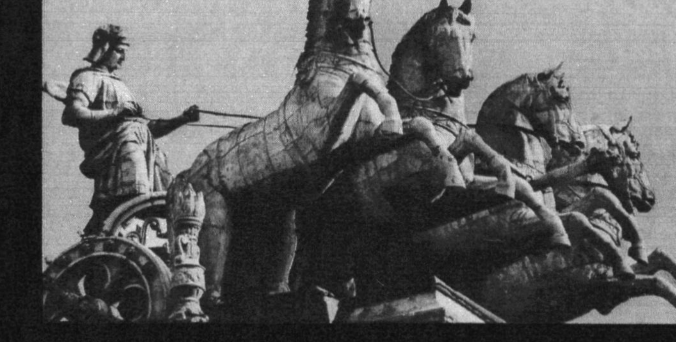
Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 09.07.84. Подписано к печати 24.07.84. А 00391. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 717 000 экз. Изд. № 1721. Заказ № 3045.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ МОСКОВСКОМУ ИППОДРОМУ 150 ЛЕТ

КОНИ МОИ, КОНИ

А. КРУПНОВ. Фото А. БОЧИНИНА

Вороная в седину Гугенотка появилась на Московском ипподроме в 1970 году. Легендарная лошадь! В течение нескольких лет она удивляла знатоков рысистых испытаний хорошим стартом, стойкостью на дистанции, поражала красотой и статью. К четырем годам Гугенотка обрела все качества, необходимые для чемпиона. И, конечно, в этом заслуга мастера-наездника Аллы Михайловны Ползуновой, которая воспитывала Гугенотку и вела ее от победы к победе. А. М. Ползунова — единственная женщина из ста наездников и жокеев ипподрома. Она обладательница восемнадцати всесоюзных призов, полученных в соревнованиях конников нашей страны, а также нескольких международных.

Я встретился с Аллой Михайловной на ипподроме. Зашел в конюшню и не мог не обратить внимания на поразительную чистоту денников. Здесь каждый раз охватывает радостное чувство от встречи с прекрасными животными, может быть, самыми прекрасными на земле. Вот выводят рослого темно-гнедого жеребца Галифакса, потомка Гугенотки. Потомка достойного. У него такая же мощная спина, стройные ноги, пышный черный хвост, белая звезда на лбу. Блестящий черный глаз жеребца устремлен на меня, незнакомца. В прошлом году Галифакс в одном из забегов выиграл Большой Всесоюзный приз...

Ежедневно, едва забрезжит рассвет, начинается своеобычная жизнь на Московском ипподроме. Наездники и жокеи выводят питомцев на разминку. По дорожкам несутся породистые красавцы — гнедые, вороные, серые, рыжие. Сейчас в конюшнях ипподрома более тысячи лошадей. Прославленные русские и орловские рысаки, чистокровные скаковые.

...В дни Великой Отечественной войны, когда начались налеты гитлеровских стервятников на Москву, надо было спасать и рысаков. Ответственную задачу предстояло выполнить группе наездников, жокеев и тренеров Московского ипподрома под руководством зоотехника А. Дорнера и ветеринарного врача А. Рогалевой. Достали крытую баржу. Однажды утром москвичи увидели необычайное зрелище — длинную процессию: через город люди сопровождали сто двадцать рысаков. Двигались с ипподрома к Москве-реке. Там лошадей погрузили на баржу. Плыли двенадцать суток по разным рекам, пока не вывели рысаков на берег в Ульяновске. И там уже доставили их на местный конный завод...

Не только профессиональных наездников можно было в разные годы увидеть на ипподромных дорожках в Москве. Любителями и мастерами конного спорта были известные артисты и летчики. Народный артист СССР Иван Семенович Козловский, в прошлом красноармеец, и по сей день сохранил любовь к лошадям. Однажды Иван Семенович как любитель-наездник после тщательной тренировки сел в качалку, в которую была запряжена кобыла Горислава. Зрители с волнением следили за наездником Козловским. Горислава, взяв старт, с каждым кругом мчалась все резвее. Вот она вырвалась вперед и, к изумлению знатоков и завсегдатаев ипподрома, пришла к финишу первой. Это было в 1929 году...

С детских лет любил лошадей и Сергей Яковлевич Лемешев. Юношей он учился в кавалерийском училище. Но и став солистом Большого театра СССР, продолжал бывать на Московском ипподроме. Здесь Сергей Яковлевич дружил с наездником Николаем Романовичем Семичевым, который по совету певца назвал своего коня Берендеем. В 1940 году на ипподроме провели заезд на приз имени Лемешева. Берендей пришел первым. Наездник Н. Р. Семичев получил премию, а народный артист тепло приветствовал его и других призеров.

Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов и его жена Нина Георгиевна после войны часто выступали в соревнованиях конников. Михаил Михайлович неоднократно показывал отличные результаты как наездник и был опытным тренером. А Нина Громова в 1946 году в скачках с препятствиями на Диде заняла первое место, опередив жокеев-мужчин.

— Питаю страсть к лошадям,— говорит М. М. Громов.— То, что родилось в детстве, перешло в подлинное увлечение. Меня всегда интересовало все, что связано с лошадьми, с методом их тренировки. На столичном ипподроме с большим интересом наблюдал, как старики, опытные служители конюшен замечательно ухаживали за, казалось бы, непокорными лошадьми. Они изучали и знали характер каждого животного, его поведение и ласковым отношени-

ем добивались того, что лошади становились покорными. Высокие качества лошади выявляются благодаря умению наездника, жокея, владеющего тактикой бега и скачек...

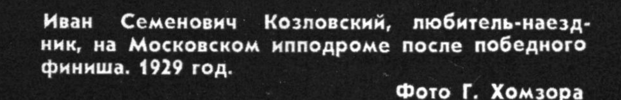
На ипподроме снискали славу подлинные мастера воспитания лошадей, например, Иван Петрович Снетков, Владимир Кочетков, Андрей Липатников, Евгений Мосиенков, жокеи А. Чугуевец, В. Шулепов. Все они внесли свой вклад в методику тренировок и содержания выдающихся лошадей новых поколений. Иван Петрович дважды выиграл специальные соревнования — дерби, а его ученик Е. Мосиенков был победителем приза Мира. До сих пор никто из трехлеток не показал лучшего времени, чем Властный все той же Аллы Михайловны Ползуновой. Кстати, она выпускница Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Отсюда ее знания и любовь к лошади, устойчивые успехи. Свыше века проработала на ипподроме династия жокеев и наездников Лакс.

Более двадцати лет при Московском ипподроме работает школа верховой езды под руководством главного зоотехника А. Зуева и мастера спорта, старшего тренера Т. Куликовской. Ежегодно школу посещает до восьмидесяти тысяч любителей конного спорта — тут и дети и ветераны труда. Периодически школа проводит конноспортивные праздники. Народные артисты СССР Вячеслав Тихонов и Руфина Нифонтова, заслуженная артистка РСФСР Людмила Савельева обучались здесь верховой езде и стали хорошими наездниками.

...Почти в центре Москвы, на Беговой улице, возвышается монументальное здание с четырнадцатью колоннами, увенчанное четверкой вздыбленных коней. Здание это построено по проекту архитектора И. Жолтовского. Здесь и расположен главный ипподром страны. А все началось полтора века назад. В 1834 году московский генерал-губернатор, князь Дмитрий Голицын подписал приказ «Об основании ипподрома Московского общества беговых охотников». В начале работы ипподром существовал на пожертвования любителей конного спорта. 1 августа 1834 года состоялись бега. Впервые соревнования шли на двух маленьких параллельных дорожках протяженностью 250 саженей (530 метров). Пробежав эту более чем короткую дистанцию, лошади мчались по направлению к Тверской заставе и обратно. А сейчас общая площадь Центрального московского ипподрома составляет сорок пять гектаров, тут четыре дорожки для бегов и скачек протяженностью от 1100 до 1800 метров.

— Ежегодно столичный ипподром,— рассказал его директор Михаил Эфрос,— посещает около миллиона человек. Мы организуем международные соревнования рысистых лошадей, в которых, кроме наших мастеров, принимают участие конники ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Польши, Финляндии, Швеции. Советские наездники нередко одерживали победы. Будет здесь и конноспортивный праздник, посвященный 150-летию ипподрома. В нем примут участие представители многих стран.

У Тани Горшковой из прокатной школы первое знакомство с лошадью.

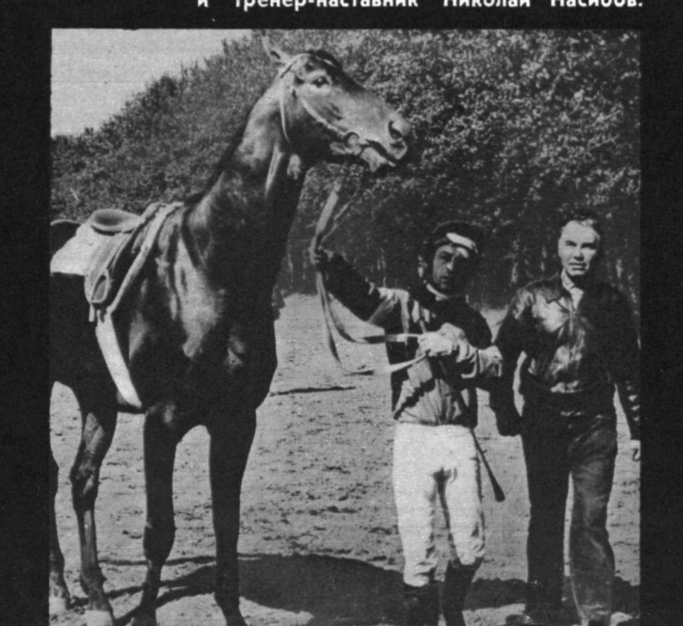

Иван Семенович Козловский, любитель-наездник, на Московском ипподроме после победного финиша. 1929 год.

Фото Г. Хомзора

Жокей А. Чугуевец с лошадью Артом и тренер-наставник Николай Насибов.

Скачки.

На дистанции.

У них своя борьба «за мир»:
Им нужен космос и эфир!

Рисунок М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663